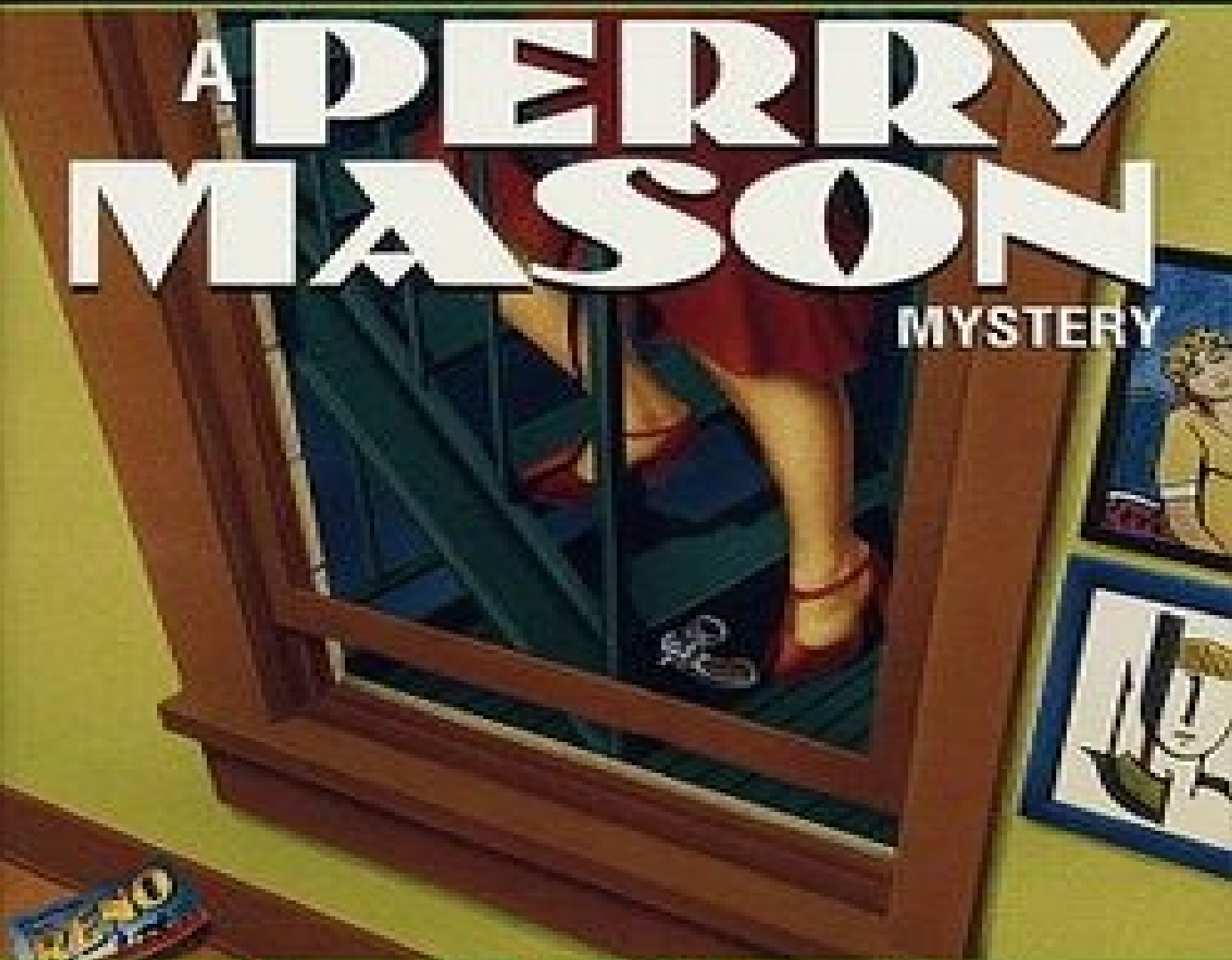

ERLE STANLEY
GARDNER

A PERRY
MASON

MYSTERY

The **CASE** of the
DUBIOUS BRIDEGROOM

- [Эрл Стенли Гарднер](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
-

Эрл Стенли Гарднер

«Дело незадачливого жениха»

Глава 1

В ночи вытянутые башни небоскребов напоминали гигантские пальцы. Яркий свет уличных фонарей, усиленный огнями домов, позволял видеть их из кабинета Перри Мейсона.

Утомленный после напряженного дня в суде, Мейсон выключил освещение и удобно устроился в большом кресле у письменного стола.

Весь день он работал со сводами законов, и глаза его буквально воспалились от мелкого шрифта. Полумрак кабинета часто помогал ему восстановить силы, но на этот раз усталость сломила его, и он погрузился в сон.

Уличный свет выхватывал из темноты пожарную лестницу за окном кабинета и, проникая через окно, позволял разглядеть письменный стол, заваленный раскрытыми кодексами, и силуэт кожаного кресла, предназначенного для клиентов.

День был знойный, но сейчас надвигалась гроза, и сильный порывистый ветер врывается в приоткрытое окно кабинета. Мейсон спал беспокойно: к утру надо было закончить одну очень срочную работу.

Внезапно тишину за окном нарушил неясный шум, затем отчетливо послышались легкие шаги, вероятно женские, а чуть позже шаги еще какого-то человека.

Легкие шаги принадлежали девушке, осторожно спускавшейся по пожарной лестнице. Когда ее голова поравнялась с лестничной площадкой у окна над кабинетом адвоката, она остановилась. В это время на верхнем этаже щелкнул выключатель, и поток света рассеял ночную темноту.

Мейсон что-то невнятно пробормотал во сне, беспокойно шевельнулся и забросил руку за спинку кресла. За окном кабинета мелькнула чья-то тень — это девушка поспешно опустилась на две ступеньки, очевидно намереваясь попасть на площадку перед кабинетом адвоката.

Мейсон снова шевельнулся в кресле, и девушка, услышав этот шум, испуганно замерла. Резкий порыв ветра взметнул подол ее платья, и она машинально опустила правую руку, чтобы придержать его. Отразив уличный свет, в руке тускло блеснул металлический предмет.

Девушка повернулась, желая подняться выше, но опасение быть замеченной на освещенной площадке верхнего этажа удержало ее на месте.

Воздух посвежел. Вдали неожиданно прогремел гром.

Мейсон зевнул, потянулся и протер глаза. Он посмотрел в окно и изумился, увидев взметнувшийся подол платья и женские ноги.

В мгновение ока адвокат вскочил с кресла и, гибким движением обогнув стол, оказался около окна. Вглядываясь в незнакомку, он поинтересовался:

— Вы к кому?

Прижав палец к губам, девушка призвала его молчать. На лице адвоката отразилось недоумение, и он открыл было рот, чтобы переспросить. Девушка, продолжая придерживать подол платья, энергично помотала головой, всем своим видом настаивая на молчании.

Тогда Мейсон распахнул окно и жестом пригласил ее войти.

Девушка заколебалась.

Мейсон отступил на шаг от окна. Незнакомка, настороженно глядя на него, начала медленно спускаться по пожарной лестнице. Взмахом правой руки она выбросила металлический предмет, и тот, на мгновение блеснув, исчез в темноте. Ветер моментально воспользовался ее оплошностью, и она снова была вынуждена ухватиться за подол платья.

— Итак, бесплатный стриптиз? — сказала она, смущенно улыбаясь.

— Пожалуй, — согласился Мейсон, оставаясь серьезным, и предложил: — Входите.

На этот раз решив, что капитуляция неизбежна, девушка была более сговорчивой. Она ступила ногой на подоконник и легко спрыгнула на пол.

Мейсон направился к выключателю.

— Пожалуйста, не надо, — угадав его намерение, тихо попросила гостя.

— Почему?

— Я бы не хотела, чтобы вы это делали. Это небезопасно.

— Для кого?

— Для меня, — ответила девушка и мгновение спустя добавила: — И для вас тоже.

Мейсон оглядел фигуру незнакомки в слабом свете, проникающем с улицы.

— Глядя на вас, никак не скажешь, что вы чего-нибудь боитесь.

Она, не обращая внимания на его слова, спросила:

— Вы давно здесь сидите?

— Час или около того, но я спал.

— Вы проснулись очень вовремя, — засмеялась она. — Ветер застал меня врасплох.

— Не могу с вами не согласиться, — усмехнулся Мейсон и, опять став серьезным, спросил:

— Что вы держали в правой руке?

— Правой рукой я придерживала платье.

— А мне показалось, что вы держали что-то металлическое, — не уступал адвокат.

— Ах да, — ответила девушка, улыбнувшись, — это был карманный фонарик.

— И что же с ним случилось?

— Я его уронила.

— А вы уверены, что это был не револьвер? — спросил адвокат.

— Что за нелепость, мистер Мейсон!

— О, вы даже знаете мое имя?

— Я еще не научилась читать, — сказала она, указывая на стеклянную дверь кабинета. На стекле в свете, падающем из коридора, отчетливо вырисовывалась фамилия адвоката.

— Все-таки, я думаю, это был револьвер. Что вы с ним сделали?

— Сколько вам можно повторять, у меня не было револьвера.

— Вы в этом уверены? — не унимался Мейсон, осторожно приближаясь к ней.

— Еще бы!.. Я уже жалею, что согласилась войти к вам, — ответила она, возмущенно жестикулируя.

Рывок — и Мейсон оказался около девушки. Его руки быстро скользнули вдоль ее тела.

От прикосновения она вздрогнула, но затем, вновь обретая уверенность, поинтересовалась:

— Вам не кажется это нескромным?

— Ничуть, — буркнул адвокат. — Не двигайтесь!

— Похоже, мистер Мейсон, вы ищете оружие?

— Вы догадливы. Не знаю, как вы, а я предпочитаю умереть своей смертью.

За время обыска девушка не шелохнулась, хотя Мейсон почувствовал, как напряглись ее мускулы.

— Ну, вы закончили? — холодно осведомилась она, когда тот убрал руки.

Адвокат молча кивнул и указал ей на кресло.

Опустив руки, девушка медленно пересекла комнату. Лучи света, проникающие с улицы, осветили ее недовольно поджатые губы. Опустившись в кресло, гостя вытасила пачку сигарет из сумочки и неприязненно произнесла:

— Мне не по душе такое обращение.

— А мне не по душе вооруженные женщины, — парировал Мейсон. — Уверен, у вас был револьвер, и, думаю, вы выбросили его.

— Так почему бы вам не сбегать и не поискать его, мистер Мейсон? — ухмыльнулась девушка.

— Для этого существует полиция. Она проделает это лучше меня.

Незнакомка презрительно улыбнулась.

— Это было бы забавно. Могу себе представить заголовки газет: «Известный адвокат вызывает полицию, чтобы удостовериться, не валяется ли под его окнами револьвер».

Мейсон молча изучал девушку. Пламя зажженной спички освещало точеный овал ее лица и совершенной формы руку.

— А дальше, — продолжала она, при этом в глазах ее играла язвительная насмешка, — а дальше была бы просто удивительная история: «Адвокат отказался дать какие-либо объяснения, когда полиции не удалось найти оружие. А не решил ли Перри Мейсон пошутить с полицией?» Вас привлекает такая перспектива?

— А почему вы решили, что я не дам никаких объяснений? — поинтересовался адвокат.

— Не думаю, чтобы вы рассказали обо всем как есть, — промолвила она, — иначе вам не избежать массы проблем.

— Проблем? — переспросил Мейсон. — Интересно, каких?

— Судите сами, — принялась объяснять девушка. — Заметив на пожарной лестнице женщину, вы принуждаете ее войти в свой кабинет, а после обвиняете в ношении оружия. Причем, заметьте, бездоказательно... Согласитесь, у меня были бы веские основания затеять тяжбу по поводу причиненного мне морального ущерба, не так ли?

— Не совсем, — ответил адвокат. — Посмотрим на ситуацию с моей стороны. Ночью я обнаруживаю человека, который, воспользовавшись пожарной лестницей, намеревается проникнуть в мой кабинет и...

— Проникнуть в ваш кабинет? — с презрением воскликнула девушка.

— А разве не так?

— Ну конечно нет!

— К сожалению, сейчас у меня слишком мало времени, чтобы убедиться в вашей искренности. Так что, если вы немедленно не, пред ставите мне достаточно убедительных доказательств, я буду вынужден поднять телефонную трубку и вызвать полицию.

— Вот вам еще один заголовок, — изрекла она. — «Перри Мейсон обращается в полицию!»

При этих словах адвокат улыбнулся:

— Да, это действительно не похоже на меня. Итак, я дождусь объяснений?

Девушка стала серьезной.

— Неужели вам недостаточно тех унижений, которым я подверглась? Мне пришлось вытерпеть ваш...

— Вы же отлично понимаете, что я искал оружие, — перебил ее Мейсон.

— Сдается мне, что оружие было лишь предлогом для обыска.

— Не преувеличивайте. — Его уже начинала раздражать эта болтовня.

— О, в таком случае вам можно только посочувствовать, — разозлилась гостья.

— Ну, знаете, оставьте ваши выводы при себе. Потеряв терпение, адвокат направился к телефону.

— Подождите! — поспешно вскрикнула девушка. Мейсон обернулся.

Девушка, глубоко затянувшись сигаретой, выдохнула дым и, злобно вдавив окурок в пепельницу, пробормотала:

— Ну хорошо. Вы выиграли.

— И что же я выиграл? — поинтересовался адвокат.

— Мне придется объясниться.

— Давно бы так.

— Я устроилась работать секретаршей в офис, расположенный как раз над вами, — начала она.

— Кому принадлежит этот офис?

— Корпорации «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани».

— Скажите пожалуйста, какое совпадение. Даже не верится, — язвительно заметил адвокат.

— И тем не менее, это так.

Взяв телефонный справочник, Мейсон открыл его на странице с перечнем учреждений, начинающихся на букву «Г», и пробежал глазами сверху вниз, пока не нашел название корпорации. Выписав адрес, он утвердительно кивнул:

— Ну что ж, пока все сходится.

— Мой начальник, — продолжила свой рассказ девушка, — попросил меня прийти поработать сегодня вечером. Дело в том, что завтра ему предстояла деловая поездка, и надо было закончить кое-какую работу. Он предупредил меня, что, возможно, задержится, поскольку собирался на вечеринку.

— И в ожидании своего шефа вы расположились на пожарной лестнице, — заметил Мейсон.

— Произошло недоразумение!

— Да? Любопытно.

— Около часа назад я поднялась в кабинет и в ожидании патрона принялась разбирать вечернюю почту. Покончив с ней и не зная, чем заняться, я выключила свет и подошла к окну, чтобы полюбоваться ночным городом. И тут мой взгляд наткнулся на пожарную лестницу за окном, которую раньше я не замечала. Не долго думая, я выбралась на нее, но та оказалась настолько грязной, что стоило мне только прикоснуться к перилам, как я выпачкала руки. Это было совсем некстати, и поэтому я решила спуститься вниз, в туалетную комнату, чтобы отмыть грязь. — Она на секунду умолкла, а потом снова продолжала: — Несмотря на эту неприятность настроение у меня было превосходное, поскольку в созерцании великолепной панорамы города, в размышлении о всех печалях, трагедиях и надеждах была какая-то романтика. Неожиданно я услышала, как в замке повернулся ключ, и открылась дверь. Я, конечно, подумала, что это пришел мой босс, и собралась уже объяснить ему свое пребывание на пожарной лестнице. Каково же было мое изумление, когда зажегся свет и я увидела его жену. Не знаю, что ей здесь понадобилось. Или она пришла, чтобы устроить мне засаду, или ей хотелось увидеть, что я буду чувствовать в такой ситуации.

— Скажите, пожалуйста, какая предприимчивость, — вставил Мейсон.

— Поэтому, — продолжила девушка, — я почти инстинктивно спустилась на две или три ступеньки и таким образом оказалась недосягаемой для нее... Но возможность видеть, что происходит в кабинете, у меня оставалась. От природы я очень любопытна. Это и заставило меня наблюдать за тем, что она там делала. Но вдруг она направилась к окну. Тогда мне пришлось спуститься еще ниже.

— И тут ветер подхватил подол вашего платья... — усмехнулся адвокат.

— Да, вы лицезрели славное представление, мистер Мейсон, — смущенно улыбнулась она.

— Несомненно, — признался тот и добавил: — И вы машинально опустили руку, чтобы придержать платье.

— Я же об этом вам и говорю!

— А в руке был револьвер, — невозмутимо продолжал Мейсон.

— Карманный фонарик, — настаивала девушка.

— Хорошо, хорошо, — согласился адвокат. — Как истинный джентльмен принимаю ваши слова на веру.

Это был карманный фонарик. А сейчас, пожалуйста, в течение пяти секунд объясните, зачем вам был нужен карманный фонарик. — Он взглянул на часы. — У вас осталось три секунды... две... одна... Что ж, очень сожалею.

Девушка, не обращая внимания на иронию Мейсона, сдержанно сказала:

— То, что вы видели, был всего лишь карманный фонарик, который я взяла с собой, чтобы найти место на автостоянке, где можно было бы припарковать машину. Кроме того, у меня не было оснований рассчитывать, что босс проводит меня до моей машины, а одинокой женщине, согласитесь, небезопасно бродить поздно ночью в поисках автостоянки. Вы же сами понимаете, мистер Мейсон, всякое может случиться.

— Понимаю. Выходит, по этой причине вы взяли с собой фонарик, когда забрались на пожарную лестницу, — с иронией заметил Мейсон.

— Как ни странно это может показаться, я поступила именно так. Он лежал на столе, и, уходя, я взяла его. На улице было темно.

— Чудесно, — согласился адвокат. — А теперь, если вы проводите меня туда и покажете мне свой припаркованный автомобиль, то ваше объяснение будет весьма логичным.

— Охотно, — произнесла девушка, грациозно поднимаясь с кресла. — Буду только рада убедить вас, мистер Мейсон, в том, что говорю правду. Вы можете сличить номер машины с моим водительским удостоверением и документами на машину — и на этом, я думаю, мы покончим с нашей очень интересной встречей, не правда ли?

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Мейсон. — Я получил массу удовольствия, даже при таких необычных обстоятельствах. Но как же так получилось, что я до сих пор не знаю вашего имени?

— Вы узнаете его из моего водительского удостоверения, — заявила девушка.

— Но я предпочитаю услышать его от вас.

— Пожалуйста. Вирджиния Колфлекс.

— Вы замужем?

— Нет.

— Ну что ж. Пойдемте, посмотрим на вашу машину, — предложил адвокат.

Он направился к двери, открыл ее и посторонился, чтобы пропустить девушку. Та прошла к выходу, одарив Мейсона приветливой улыбкой, и затем они вместе двинулись по коридору. Миновав кабинет Пола Дрейка, расположенный рядом с лифтом, на двери которого висела табличка «Детективное агентство Дрейка», девушка состроила гримасу и пробормотала:

— Ужасная работа.

— Это почему же? — поинтересовался Мейсон.

— Работа сыщика пугает меня. Я люблю одиночество.

Адвокат вызвал лифт и, ожидая, когда откроются двери кабины, заметил:

— Дрейк работает на меня. Эта работа как ни одна другая требует методичности. Если познакомиться с ней поближе, то кажущаяся романтика мгновенно улетучится. И это занятие предстанет в довольно прозаическом виде. Но мне кажется, Пол Дрейк смирился с этим и отлично справляется со своей работой.

— Вы меня убедили. Пожалуй, я изменю свое мнение о работе сыщика, — саркастически ответила девушка.

Раскрылись двери лифта, и лифтер кивком пригласил их в кабину. Мейсон, поддерживая девушку под локоть, вошел с нею в лифт и произнес:

— Для проверки вам придется записать свое имя в журнале.

Она в ответ усмехнулась:

— Вам не перехитрить меня, мистер Мейсон. Посетители Детективного агентства Дрейка не обязаны регистрироваться.

— А, так вы шли в агентство? — протянул адвокат.

— Ну разумеется. А вы думали, где я была? Глупенький! — беззлобно подшутила девушка.

— Всем известно, что посетители сысского агентства не отмечаются, — вмешался в разговор лифтер, — поскольку оно открыто для всех круглосуточно.

Мейсон, отметив, что с попыткой регистрации у него ничего не получается, сделал Вирджинии Колфлекс комплимент:

— Ну что ж, надо отдать должное вашему живому уму, тонкому юмору и острому языку.

— Благодарю, — холодно отрезала та.

Лифт остановился на первом этаже. Вирджиния Колфлекс с гордо поднятой головой вышла из здания, адвокат следовал за ней. У входной двери ее на некоторое время задержал сильный порыв ветра, разметавший ее пышные волосы. Приближалась гроза, но далекие раскаты грома тонули в звуках городского шума.

Вдруг девушка повернулась к адвокату и дотронулась до его руки.

— Я хочу рассказать вам одну вещь, — тихо произнесла она.

Брови Мейсона удивленно поползли вверх, он наклонился поближе к собеседнице.

Тут, резко взмахнув рукой, Вирджиния Колфлекс ударила адвоката по лицу, да так сильно, что на звук пощечины обратила внимание группа людей, которая как раз в это время выходила из коктейль-бара, расположенного чуть дальше по улице. Воспользовавшись замешательством Мейсона, она быстро пересекла тротуар, рванула дверцу ожидающего такси и впрыгнула в него.

— Эй! — крикнул Мейсон водителю. — Остановите машину! — И бросился к такси.

Стоявший рядом могучего сложения мужчина с бычьей шеей, нахмурившись, схватил Мейсона за пиджак.

— Постой-ка, приятель! — крикнул он. Адвокат резко повернулся и прорычал:

— Ну-ка, быстро, убери руки!

Мужчина ухмыльнулся, не выпуская Мейсона.

— Не упрямься, дружище, она не любит тебя.

В это время такси тронулось с места. При виде этого Мейсон яростно рявкнул:

— Если ты меня не отпустишь, то очень пожалеешь об этом!

Во взгляде адвоката появилось нечто такое, что заставило мужчину отступить.

Тот отпустил пиджак Мейсона и неуверенно пробормотал:

— Постой еще минутку, приятель, ты же видишь, дама не хочет...

Мейсон быстро подбежал к стоянке такси и оглядел улицу. Она была пустынна. Адвокат с перекошенным от гнева лицом подошел к верзиле.

— Ну что ж, героя вы изобразили вполне успешно, — мрачно произнес он. — Но если бы, кроме мускулов, вы обладали хотя бы граммом ума, вы бы поняли, что своим вмешательством создали массу проблем. А теперь убирайтесь ко всем чертям, иначе я за себя не ручаюсь.

Тот был настолько ошарашен яростью Мейсона, что не произнес ни слова.

Обойдя стоящего в недоумении мужчину, адвокат направился было к себе в офис, но вдруг, передумав, свернул за угол здания в переулок. Затем медленно, шаг за шагом, он двинулся вдоль него, тщательно изучая при этом каждую пядь тротуара.

Его ждало разочарование — никаких следов револьвера или карманного фонаря не оказалось.

Мейсон повернул назад к зданию, еще раз расписался в журнале регистрации, поднялся на свой этаж и вошел в приемную сысского агентства Дрейка.

— Пол здесь? — спросил он сидящую за столом девушку.

Та отрицательно покачала головой.

— У меня есть для него работа. Когда он появится, передайте ему, что мне нужна какая-либо информация о корпорации «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани». Еще я хочу знать, действительно ли девушка по имени Вирджиния Колфлекс работает в этой компании, а также кое-что и о самом Гарвине, который ею управляет. Пожалуйста, передайте Полу, что я просил собрать эту информацию побыстрее, и пусть он известит меня, когда сможет доложить о результатах работы.

Девушка кивнула, и Мейсон отправился по коридору в свой кабинет, где вновь окунулся в работу, стараясь определить, можно ли считать заявление необоснованным, предвзятым или же следовало квалифицировать его как документ, содержащий частично истинные сведения, и использовать как исключение из правил.

Освещенные окна соседних домов одно за другим начали гаснуть, пока все учреждение не погрузилось в ночной мрак. Мейсон же, всецело поглощенный своей работой, продолжал изучать дело, ища удачное обоснование различий между домыслами и фактами.

Тягостное предчувствие не покидало его. Просматривая юридические справочники, он вдруг почувствовал легкий запах духов, напомнивший ему о сегодняшнем вторжении.

Адвокат отложил книгу и осмотрелся. На полу валялся испачканный носовой платок, возможно попавший сюда вместе с ночной посетительницей.

Запах духов исходил от этого платка, и на нем Мейсон разглядел вышитую букву «В».

На следующий день в десять часов утра Перри Мейсон явился на заседание Верховного Государственного суда, где после тридцатиминутного, блестяще аргументированного доклада доказал представителям суда, почему заявление, представленное в качестве свидетельского показания местным гудом, принимается им. В результате этого безоговорочного доказательства Верховный суд утвердил предварительный приговор, вынесенный в местном суде одному из клиентов Перри Мейсона.

Выйдя из здания суда, Мейсон взял такси, чтобы добраться до своего офиса. Чуть позже одиннадцати он уже входил в дверь своего кабинета.

Делла Стрит, личная секретарша Перри Мейсона, подняла взгляд от стола, приветливо улыбнулась ему и поинтересовалась:

— Как дела в суде, шеф?

— Как нельзя лучше, — довольно ответил адвокат.

— Поздравляю.

— Благодарю.

— Вы выглядите усталым, — заметила секретарша.

— Неудивительно. Я работал всю ночь, — ответил адвокат.

Делла Стрит улыбнулась.

— Что это вас так развеселило? — спросил Мейсон.

— У вас не было времени просмотреть сегодняшние газеты?

— Я прочитал утреннюю газету и...

— Я хочу предложить вам дневную газету, — произнесла Делла Стрит. — Возможно, все это досужие вымыслы, но, может быть, вы заинтересуетесь.

— Зачем мне это?

Она вытянула указательные пальцы и, скрестив их, насмешливо проговорила:

— Какой же вы капризный, шеф.

— В чем, в конце концов, дело? — раздраженно спросил Мейсон. От его хорошего настроения не осталось и следа.

Делла Стрит положила перед ним сложенную газету.

Мейсон бросил взгляд на газету и понял, что тягостное предчувствие, угнетающее его все утро, не обмануло. Он сразу заметил отмеченную секретаршей статью в разделе «Городская хроника».

Статья гласила:

«Что же приключилось поздно ночью с известным адвокатом, чье имя стало почти легендой, перед зданием, в котором находится его офис? Кто была та загадочная белокурая бестия, ухитрившаяся обманым путем улизнуть от него на такси? Похоже, у адвоката имелись определенные причины задержать ее, поскольку он приложил немалые физические усилия, чтобы вырваться из рук пытающегося помешать ему атлетического телосложения прохожего. Высвободившись, он бросился через тротуар, пытаясь настичь беглянку.

Не догнав девушку, адвокат принялся что-то искать в переулке возле здания, под окном своего офиса. Уж не выбросила ли эта загадочная блондинка что-нибудь из окна его кабинета?

История эта кажется довольно простой только на первый взгляд.

Этот опытный и хорошо оплачиваемый адвокат, имея в своем распоряжении наиболее компетентных специалистов, превратил свою, деятельность в очень доходный вид бизнеса. Такое положение вещей, по всей видимости, весьма устраивает этого человека: опасаясь

конкуренции со стороны молодых и талантливых юристов, он держится от них в стороне и не желает делиться своим богатым опытом, пренебрегая всеми нормами юридической этики.

Его клиентами являются в основном очень состоятельные люди.

Во всяком случае, некая молодая особа, проживающая в нашем городе, выразила свой протест по поводу деятельности этого адвоката.

Ах ты, ах ты, мистер МЛ»

Перри Мейсон прочитал статью, и лицо его потемнело от охватившего его гнева.

— Проклятые бумагомаратели! Куда они только не суют свои длинные носы! — заорал он, отбрасывая газету в сторону. — И почему издатели держат у себя журналистов, способных только собирать сомнительные материалы на бульварах? Вот уж воистину бульварная пресса!

— Не только на бульварах, но и в переулках, — ехидно вставила Делла Стрит.

— И в переулках, — немного успокаиваясь, согласился Мейсон. — Черт возьми, Делла, как они добывают подобную информацию, как ты думаешь?

— Шеф, вы забываете, что являетесь довольно-таки известной личностью, — объяснила секретарша. — А что за тип боролся с вами на тротуаре?

— Громадная бочка топленого свиного сала, — мрачно изрек адвокат. — Мне нужно бы врезать ему как следует. Этот малый хотел порисоваться перед женщиной, которая была с ним. Он схватил меня за пиджак как раз в тот момент, когда я выбежал на дорогу.

— А кто была та незнакомка, за которой вы гнались? — осведомилась секретарша.

— Она назвалась Вирджинией Колфекс, — ответил Мейсон. — Исходя из теории вероятности, думаю, лишь один шанс на сто миллионов, что Колфекс — ее фамилия, да и в том, что ее имя Вирджиния, я не совсем уверен.

С кривой усмешкой на лице он рассказал Делле Стрит о том, что произошло с ним этой ночью.

— Что же ей было нужно? — задумчиво произнесла секретарша.

— Она хотела сбежать. Надо было сразу вызвать полицию, — с досадой произнес адвокат.

У Деллы Стрит от удивления поднялись брови.

— Вызвать полицию? Что вы говорите, шеф?

— Ну да, — ответил Мейсон. — Я понимаю, это выглядело бы довольно необычно. — Затем он вдруг тряхнул головой и от души рассмеялся. — Вот плутовка! — воскликнул он. — Обвела меня вокруг пальца. Я-то наивно полагал, что сопровождал эту девицу к месту парковки ее машины, которую она собиралась мне показать.

— А она тем временем ускользнула, — ухмыльнулась секретарша.

— Причем весьма неожиданно, Делла.

— Как же это произошло?

— Она смекнула, что случайные прохожие будут симпатизировать женщине, которая всеми силами старается избавиться от надоедливого ухажера. Она отлично знала, что перед зданием почти всегда ожидает такси. То, что на улице окажутся прохожие, тоже было довольно вероятным. Надо признать, она не ошиблась в своих расчетах. Все же остальное она проделала так виртуозно, что остается только восхищаться ею.

— Думаю, — произнесла Делла Стрит, — довольно рискованно оставлять вас одного в офисе. Скажу больше, шеф, я бы с огромным удовольствием поработала с вами той ночью.

— Я не хотел тебя беспокоить, — ответил Мейсон. — Работа моя затянулась до поздней ночи. И вот, пожалуйста, такое приключение.

Мейсон выдвинул нижний ящик в левой тумбе стола и извлек оттуда носовой платок, оброненный незнакомкой.

— Что скажешь об этом, Делла? — показал он его секретарше.

Делла Стрит взглянула на квадратный лоскут и произнесла:

— Скажу, что он довольно грязный.

— Действительно, — кивнул адвокат. — Она вытерла им сажу с испачканных о пожарную лестницу рук. Кстати, Делла, тебе не знакомы эти духи?

Делла Стрит, брезгливо взяв двумя пальцами платок, осторожно понюхала его.

— Ну и ну, — промолвила она и покачала головой. — Ваша гостья пользуется очень дорогими духами.

— Ты можешь сказать, какими именно? — поинтересовался Мейсон.

— Мне кажется, это «Сайрос Серенде».

— Постараюсь запомнить, — произнес адвокат. — Что у нас новенького, Делла?

— В приемной вас ожидает мистер Гарвин, — сообщила секретарша. — Он сгорает от нетерпения увидеть вас. Его офис находится в этом же здании, прямо над нами. «Гарвин Майнин эксплорейшн...»

— Да, да. Я знаю, — перебил ее Мейсон.

— Вы встречали это название в адресной книге? — поинтересовалась Делла Стрит.

— Вирджиния Колфлекс была нанята как раз в эту фирму секретаршей, — объяснил адвокат. — Пригласи его, пожалуйста. Интересно, что он из себя представляет. Возможно, он является третьей вершиной нашего загадочного треугольника.

— Тогда это довольно-упитанная вершина, — усмехнулась Делла Стрит.

— Что, полный?

— Сильно откормленный.

— Его возраст?

— Ему лет около сорока. Хорошо и со вкусом одет. Похоже, привык получать все, что захочет.

— Да-а... Судя по его наружности, он потянет на первую вершину треугольника. Вторая — его ревнивая жена. Ну, а третья — блондинка с горящими темно-серыми глазами. А дальше ты знаешь...

— Шеф, надеюсь, прекрасный образ блондинки не помешает вам на этот раз трезво оценивать происходящее, — язвительно заметила секретарша и направилась к двери, ведущей в приемную. — Я приглашу мистера Гарвина.

Входя в кабинет, Гарвин демонстративно бросил взгляд на свои наручные часы.

— Я уже начал сомневаться, что вы когда-нибудь появитесь, Мейсон, — начал он. — Я жду уже целых двадцать минут. Черт побери, я не привык ждать кого бы то ни было.

— Вы преувеличиваете, — сухо изрек адвокат, разглядывая посетителя.

— Хорошо, оставим это, — произнес Гарвин, явно желая, чтобы последнее слово было за ним. — Я неоднократно видел вас в этом здании, но у меня и мысли не было, что когда-либо обстоятельства приведут меня к вам. И вот я здесь.

— Присаживайтесь, — указал ему на кресло адвокат. — Чем могу быть полезен?

Гарвин вопросительно взглянул на Деллу Стрит.

— Она останется, — заметил Мейсон.

— Это деликатное дело.

— Я специализируюсь исключительно на деликатных делах.

— Ну хорошо, Мейсон, я недавно женился на очень влиятельной, красивой молодой женщине, — начал Гарвин. — Хорошо еще, что на свадьбе ничего не случилось.

— А почему на вашей свадьбе должно было что-то случиться? — поинтересовался адвокат.

— Это не просто объяснить.

— Расскажите мне об этом. Кстати, вы давно женаты?

— Шесть недель, — ответил Гарвин довольно-таки воинственным тоном.

— Это ваша вторая жена? — высказал свое предположение Мейсон.

— В этом-то и вся трудность, — признался посетитель.

— Итак, я вас внимательно слушаю, — произнес адвокат и устроился поудобнее за своим столом.

Гарвин откинулся на спинку кресла, предназначенного для клиентов, расстегнул свой двубортный пиджак и спросил:

— Мейсон, чем чреваты «мексиканские разводы»?

— Они имеют некоторые негативные последствия, — ответил адвокат. — Какие именно — зависит от решения суда.

— И насколько они тяжелы?

— Ну, — произнес Мейсон, — они грозят некоторыми психологическими травмами.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Гарвин.

— Теоретически, — принялся объяснять адвокат, — в том случае, когда мужчина имеет «мексиканский развод», повторный брак властями запрещается. В действительности же они зачастую не делают этого, поскольку иначе в стране пришлось бы построить множество тюрем, чтобы содержать в них всех, обвиняемых в двоеженстве. В этом случае было бы разбито счастье многих семей, была бы осложнена внутренняя жизнь государства, которому это стоило бы массу хлопот и издержек в судопроизводстве, судьям пришлось бы приговаривать людей, якобы преступивших закон, к тюремному заключению.

— Ну, а вообще-то такое может произойти? — поинтересовался Гарвин.

— Иногда случается, — ответил Мейсон, слегка улыбнувшись при этом. — Конечно, если вы хотите получить совершенно точную справку, придется покопаться в документах. Не каждому известно, что мексиканское правительство не желает, чтобы его приграничные суды занимались делами, связанными с продажей земель по низким ценам. Хотя это дало бы возможность разобраться во многих запутанных делах. В свою очередь, наши суды не считают себя обязанными выполнять положение о «мексиканском разводе». Так сказать, услуга за услугу.

— Помогите мне, Мейсон, — промолвил Гарвин. — Похоже, я загнан в угол.

— Ну что ж, расскажите мне все с самого начала, — предложил адвокат.

— Я женился на девушке по имени Эзел Картер десять лет назад, — начал свой рассказ Гарвин. — Она была тогда необыкновенно хорошенькой. Я был просто загипнотизирован ее красотой, да, именно загипнотизирован, другого слова и не подберешь, чтобы объяснить мое состояние, Мейсон. На поверку она оказалась холодной, расчетливой интриганкой... ну, я не буду произносить то слово, которое мне хотелось употребить, поскольку здесь присутствует леди, — и Гарвин кивнул в сторону Деллы Стрит, сидящей за соседним столом.

— Да, любовь выявляет в человеке все лучшее, — философски заметил Мейсон. — Когда же любовь умирает, очарование частенько сменяется отвращением. Чаще всего это кончается травмой для обеих сторон.

Гарвин переменял позу.

— Возможно, — ответил он с сомнением в голосе и добавил: — В данном случае страдаю я. Для меня сейчас важно, чтобы вы поняли — она была исчадием ада.

— Это в каком же смысле? — поинтересовался адвокат.

— В самом прямом, — запальчиво ответил Гарвин. — Она была... она была разъяренной дикой кошкой. Вы можете себе представить, что такое крошечный ад? Так вот, моя жизнь была страшнее.

— Вы давно разошлись? — задал вопрос Мейсон.

— Тогда я не придавал особого значения такой формальности, как развод. Все началось, когда я решил повторно жениться. Она прямо обезумела, узнав об этом...

— Кстати, — перебил его адвокат, многозначительно взглянув на Деллу Стрит, — что представляет собой ваша нынешняя жена?

— Мейсон, это само совершенство. — Гарвин прикрыл глаза и откинулся в кресле. — У нее изумительные рыжие волосы и бездонные синие глаза. Ее ослепительно белая бархатистая кожа как нельзя лучше оттеняется рыжими волосами. Она прелестна, Мейсон. Это просто чудо. Я бы даже сказал — драгоценность.

— Как приятно говорить о женщинах, — произнес адвокат. — Продолжим это чудесное занятие, если вы не против. Скажите, у вас работает женщина лет двадцати трех — двадцати четырех? У нее отличная фигура, элегантно одевается, длинноногая, с довольно пышной грудью, белокурыми волосами и серыми глазами...

— Работает у меня? — переспросил Гарвин. — Послушайте, Мейсон, да вы описали какую-то голливудскую кинозвезду.

— Но она действительно выглядит безукоризненно, — подтвердил Мейсон.

— Нет, — покачал головой Гарвин, — такая женщина у меня не работает.

— Ну, может быть, вы знаете кого-нибудь по фамилии Колфекс? — снова задал вопрос адвокат.

Гарвин задумался.

— Да, — через некоторое время произнес он. — Как-то я заключал коммерческую сделку с человеком по фамилии Колфекс. Это была несколько необычная, но выгодная сделка. Я долгое время не мог забыть о ней. Вообще я держу в памяти массу вещей. Но я хотел бы поговорить о моей первой жене.

— Ну что ж, я вас слушаю.

— Итак, — продолжал Гарвин, — мы с ней расстались около года назад. Развод был несколько странным, об этом я еще расскажу. Брак наш нельзя было назвать удачным. Он мог бы стать таковым, но мне пришлось бы изменить многим своим привычкам: оставить клуб, отказаться от игры в покер и полностью погрузиться в семейные дела. Моя жена также не сидела дома, вся жизнь у нее протекала вне его... Поймите, Мейсон, мы дошли до такого состояния, что единственным выходом было жить врозь. Честно говоря, она терпела меня, а я — ее. Поэтому, когда пришло время разойтись, не было ни скандалов, ни истерик. Развод представлял собой простой раздел имущества. Я оставил ей рудник в штате Нью-Мексико, который приносил немалую прибыль и гарантировал обеспеченную жизнь.

— Вы оформили какие-нибудь официальные бумаги о разделе имущества? — заинтересованно спросил Перри Мейсон.

— Сейчас я считаю, что в свое время совершил небольшую ошибку. Официально я ничего не оформлял, но ведь Эзел всегда была очень щепетильна в подобных делах. Мы обсудили вопрос о разделе с ней, и я отдал ей рудник с условием, что мы посмотрим, как пойдут там дела. Она обещала признать имущественный раздел, если все будет хорошо, Я же, со своей стороны, пообещал внести кое-какие коррективы в условия раздела, если на то будет необходимость.

— Ну, и как все получилось? — спросил адвокат.

— Полагаю, нормально, — ответил Гарвин. — Правда, Эзел забросила дела на руднике и на некоторое время уехала из Нью-Мексико, затем написала, что собралась в штат Невада, чтобы оформить развод. Через некоторое время я окольными путями узнал, что она это сделала.

— Вы получили от нее письмо?

— Нет, написал кто-то из наших общих друзей.

— Вы, надеюсь, сохранили эти письма?

— К сожалению, нет.

— Она оформила развод в Рино?

— Очевидно, нет.

— Ну ладно. Рассказывайте дальше.

— В общем... я встретил Лоррейн Эванс. — При упоминании этого имени лицо Гарвина осветила улыбка. — Мейсон, у меня просто не хватит слов, чтобы рассказать о Лорри. Встретив ее, я словно вернулся в прошлое. Она воплощала в себе все, что я так желал увидеть в Эзел. Я не мог поверить своему счастью.

— Ну конечно же. Она драгоценность! Она совершенство! — насмешливо напомнил адвокат и, став вновь серьезным, заметил: — Но давайте ближе к делу.

Гарвин укоризненно взглянул на Мейсона и продолжил:

— До этого я не беспокоился о документах, подтверждающих мой развод, но после того как встретил ее, мне захотелось удостовериться, на самом ли деле я свободен. Поэтому я написал в Рино и постарался разыскать какие-либо документы, подтверждающие развод.

— И что же дальше?

— Я надеялся, что информация, полученная от друзей, все-таки соответствует действительности, и ждал ответа из Рино. Когда же пришел официальный ответ, что нет никаких подтверждений развода, я проклял все...

— Что же вы предприняли?

— Я поехал в Мексику и проконсультировался у юриста, который сказал мне, что я могу временно оформить себе здесь вид на жительство, и... он довольно быстро все оформил. Затем я оформил там «мексиканский развод», и мы с Лорри поженились. В общем, мы последовали совету этого юриста из Мексики.

— Интересно, — произнес Мейсон. — И что же произошло дальше?

— Меня встревожило появление Эзел, — продолжил Гарвин. — Она вдруг явилась ко мне раздосадованная и стала требовать нового раздела имущества. Она требует таких вещей, которые могут привести меня к полному разорению. Больше того, она требует меня.

— Итак, — подвел итог Мейсон, — вы оказались между двух жен.

— Ну да, — промямлил Гарвин, нервно потирая рукой свой тяжелый подбородок. — Честно говоря, я не думал, что дойдет до этого. А в итоге из меня получился довольно сомнительный новобрачный. Я надеялся, что «мексиканский развод» поможет решить мою проблему. Вот я и пришел к вам, Мейсон, чтобы что-нибудь узнать об этом.

Мейсон задумался, глядя на сидящего перед ним посетителя, а затем медленно произнес:

— Хорошо, я займусь вашим «мексиканским разводом». Где сейчас ваша первая жена?

— Здесь, в городе, — торопливо ответил Гарвин, — но я не знаю, где. Она звонила мне по таксофону и не пожелала дать своего адреса.

— Понятно. У нее есть адвокат? — Тон Мейсона принял деловой оттенок.

— Думаю, нет. Эзел говорила, что собирается обратиться в суд по поводу имущественного раздела, не прибегая к услугам посредников.

— Она что, не хочет платить гонорар адвокату? — с усмешкой поинтересовался Мейсон.

— Да нет, — ответил Гарвин, поморщившись. — Адвокат ей просто не нужен. Она так умна и хитра, что заткнет за пояс любого адвоката, за исключением вас, конечно. До того как мы поженились, она работала у меня секретаршей, и мне неоднократно представлялся случай убедиться, что эта женщина чертовски умна, особенно если дело касается ее благополучия. И сейчас, я почти уверен в этом, она уже разработала план, как выиграть процесс.

— Ладно, — буркнул Мейсон. — Я подумаю, что можно предпринять. Но учтите, это будет стоить немалых денег.

— Ну, разумеется, — с готовностью заверил его Гарвин.

— Кроме того, — хмуро продолжал адвокат, — я хотел бы знать: ваша вторая жена — она была сегодня ночью в вашем офисе?

— У меня в кабинете? Ночью? Разумеется, нет. Что ей там делать? — изумился Гарвин.

— Я спрашиваю потому, — пояснил Мейсон, — что когда выглянул ночью в окно, то заметил свет в окне вашего кабинета, освещавший верхнюю площадку пожарной лестницы. Ваш кабинет ведь находится прямо над моим?

— Да, это действительно так, — подтвердил Гарвин, — но вы не могли видеть свет в моем кабинете. Ночью там никто не работает. Очевидно, свет падал из кабинета, расположенного еще выше.

— Возможно, — не стал спорить адвокат. — Я разберусь с этим. А вас я попрошу пройти с мисс Стрит в соседнюю комнату и дать ей все необходимые сведения: адреса, даты, имена... В общем, все, что нам может понадобиться, чтобы разобраться в вашем деле. Оставьте ей также в качестве задатка чек на тысячу долларов — мы принимаемся за ваше дело.

Глава 3

Был уже полдень, когда Пол Дрейк явился в кабинет Мейсона. Глядя на его ленивую походку, люди, не знающие этого человека, никогда бы не поверили, что перед ними глава частного сыскного агентства.

— Привет, Перри! — поздоровался он.

— Как дела, Пол? Ты, конечно, не увлекаешься детективными фильмами?

— Что ты имеешь в виду? — изумленно уставился Дрейк на адвоката.

Мейсон усмехнулся:

— Я вспомнил услышанные сегодня на лестнице высказывания в адрес частного сыска. Романтика твоей профессии вызвала прямо-таки нервную дрожь у одной молодой женщины, нагледевшейся различных боевиков.

— Ах это, — скучным голосом протянул детектив, усаживаясь в огромное кожаное кресло, предназначенное для клиентов. — Реалии жизни не имеют ничего общего с кино.

— Ну ладно, Пол, к делу. — Мейсон вновь стал серьезным. — Что твои ребята разузнали о корпорации «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани»?

Дрейк закурил сигарету, устроился в кресле таким образом, что его ноги оказались на одном из подлокотников, а спина удобно опиралась о другой, и не спеша произнес:

— Этот Гарвин — легко увлекающийся мальч.

— В каком смысле? — спросил адвокат.

— Он женился на своей секретарше Эзел Картер, и все у них было в порядке до тех пор, пока не иссякла новизна ощущений. После этого Гарвин начал интересоваться другими женщинами.

— Это мне известно, — заметил Перри Мейсон. — Затем он женился на Лоррейн Эванс.

— Но ты, наверное, не знаешь, что между этими двумя браками были еще два или три флирта, которые не закончились браком.

— А что тебе известно об Эзел Картер? — поинтересовался адвокат.

— Пока много неясного, — ответил детектив. — Она сообщила друзьям, что оформила развод с Гарвином в Рино, — но никаких документов, подтверждающих этот развод, не имеется.

— Что собой представляет его компания, Пол?

— Это корпорация. Своего рода акционерное общество. Гарвин в ней — застрельщик. Сфера деятельности компании — геологическая разведка, и именно Гарвин этим занимается. Когда он обнаруживает что-либо заслуживающее внимания, то отправляет материалы на рассмотрение в «Эдвард Карлес Гарвин компани», которая представляет собой товарищество, состоящее из самого Гарвина и некоего подставного лица. Затем товарищество переправляет их в «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани».

— И как это осуществляется? — поинтересовался Мейсон.

— Так, как я сказал. Больше добавить нечего.

— И при этом они избегают налогов?

— Откуда мне это знать? Законы — это по твоей части, Перри.

Мейсон задумался и спустя некоторое время произнес:

— Если он входит в Совет директоров «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани», то едва ли в состоянии получить прибыль путем продажи земельных участков собственной компании.

— В том-то и вся штука, — усмехнувшись, заметил Дрейк, — что он не входит в Совет директоров. Он тот единственный человек, который указывает, что делать. Короче говоря, он

является Генеральным управляющим этой компании.

— И при этом присваивает большую часть доходов? — высказал предположение адвокат.

— По-видимому, нет. Но все нити в этой компании тянутся к нему. Сейчас ты поймешь, в чем тут дело, Перри. Он прибирает к рукам земельные участки и представляет документы на них в товарищество, причем держит их там, пока не убедится, что владение этими участками может принести немалую выгоду. Тогда Гарвин дает «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани» возможность выкупить у него эти участки за прибыль. Таким образом, он держит все управление компанией в своих руках, сам выплачивает себе солидное жалование и премии. В общем, малый он с головой, и акционерам его компании жаловаться не приходится — его деятельность приносит им заманчивую прибыль. А при таком благоприятном положении вещей они не очень беспокоятся о будущем. Вот пока и все, что я смог разузнать о его компании. Что же касается твоей ночной посетительницы, то на ее след мои парни пока не напали.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Когда я просил тебя собрать кое-какую информацию о Гарвине, я просто хотел удовлетворить свое любопытство, теперь же я занялся этим делом вплотную, и тебе придется мне в этом помогать. Слушай, Пол, где-то в городе находится первая жена Гарвина. Мне нужно знать, чем она занималась в течение последних суток. Ты должен это выяснить любым способом.

— Ладно, — ответил Дрейк, — постараюсь. Правда, не знаю, сколько это займет времени. Все будет зависеть от того, пытается ли она скрываться.

— Пол, когда вы ее найдете, постарайтесь, пожалуйста, не терять ее из виду.

— Это уж будь спокоен.

Дрейк с явным неудовольствием покинул удобное кресло и уже собрался уходить, как вдруг, что-то вспомнив, вытащил из кармана сложенный лист бумаги и протянул его адвокату.

— Это еще что такое? — спросил Мейсон, разворачивая бумагу.

— Доверенность к намечающемуся собранию акционеров «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани», — ответил детектив. — Я получил некоторую информацию о большинстве членов этого акционерного общества от одного держателя акций.

Мейсон изумленно поднял глаза на Дрейка.

— Как же тебе удалось собрать столько информации за такое короткое время?

— О-о, — ухмыльнулся детектив, — в этом-то и состоит моя работа.

— Пол, ты разжег мое любопытство. Ну, пожалуйста, расскажи, как тебе удалось раздобыть все это?

Дрейк опять устроился в кресле.

— Ладно, слушай, — начал он. — У меня есть два друга, которые интересуются золотыми приисками. Я позвонил им и расспросил о компании Гарвина. Они практически ничего не знали о ее тайнах. Тогда я попросил их свести меня по возможности с кем-либо из акционеров этой компании, чтобы попытаться вытянуть интересующую нас информацию. Оказалось, что один из них был знаком с парнем, который когда-то рассказывал ему о Гарвине. Он позвонил этому парню, и оказалось, что тот сам является акционером компании.

— И ты побеседовал с этим акционером? — заинтересовался адвокат.

— Ну что ты, конечно нет. Я поручил своему другу осторожно вытянуть из него интересующие меня сведения. Тот сказал, что произошел довольно-таки странный случай. Этот парень некоторое время отсутствовал дома, а когда вернулся, то обнаружил в почтовом ящике среди прочей корреспонденции этот бланк доверенности. Он ничего не мог понять, так как, перед тем как уехать из дома, он уже выслал одну доверенность. Он сделал это в связи с тем, что доверенности должны быть зарегистрированы в секретариате акционерного общества не

позднее чем за десять дней до собрания акционеров.

Мейсон снова взял бланк доверенности и внимательно рассмотрел его. Затем, нахмурившись, произнес:

— Значит, мужчина сказал, что уже послал одну доверенность?

— Именно так.

Эта доверенность дана Э.К. Гарвину, держателю сертификата акций за номером сто двадцать три, на случай прямых выборов.

— И что тебя здесь беспокоит?

— Пока не знаю, — ответил адвокат. — Так ты говоришь, что он уже оформил одну доверенность?

— Да, Перри. И он считает, что второй бланк ему прислали по ошибке.

— Ладно, Пол, — махнул рукой Мейсон. — Принимайся за дело. Попробуй раскопать как можно больше информации о первой жене Гарвина.

Дрейк с сожалением покинул кресло и пробурчал:

— Сначала ее надо разыскать. Ты, случаем, не знаешь, она остановилась в гостинице или еще где-нибудь?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил адвокат.

— Но тебе хотя бы известны какие-либо ее друзья или знакомые?

Перри Мейсон лишь с сожалением развел руками.

— Слушай, Перри, — мрачно произнес Дрейк, — ты, наверно, считаешь, что детективу вполне достаточно знать только имя человека, для того чтобы разыскать его. Позволь просветить тебя, что ты очень ошибаешься. Может быть, ты дашь мне по крайней мере хоть какую-нибудь зацепку, чтобы я мог начать работу?

— Для начала работы я могу дать тебе лишь пятьсот долларов задатка, Пол, — усмехнулся Мейсон. — Ты, наверно, тоже думаешь, что адвокатам известно все.

— Ну что ж, — смирился Дрейк, — давай хоть задаток. Пусть Делла выпишет чек и пришлет его ко мне в агентство.

Он пересек кабинет, вышел и зашагал вдоль коридора, направляясь к своему агентству. Мейсон взял оставленный детективом бланк доверенности и принялся изучать его.

— Что вас заинтересовало в этой бумаге, шеф? — спросила Делла Стрит, тоже разглядывающая документ.

— Одно очень интересное совпадение, — ответил адвокат, складывая доверенность и убирая ее в карман. — Ты не обратила внимания, что инициалы Эдварда Карлеса-Гарвина точно такие же, как у Эзел Картер Гарвин? Кроме имени, в доверенности подчеркнуто, что она выдана держателю сертификата акций за номером сто двадцать три. Все прежде оформленные доверенности считаются недействительными.

— Вы думаете, — начала Делла Стрит, — что...

— Вот именно, — перебил ее Мейсон. — Я думаю, что держатель сертификата акций за номером сто двадцать три — не кто иная, как Эзел Картер Гарвин. Таким образом, акционеры, оформив эту доверенность, лишают всех прав Эдварда Гарвина и позволяют Эзел Гарвин присутствовать на собрании акционеров и, опираясь на эту «липу» — другим словом данную бумагу не назовешь, — выбирать новый Совет директоров и вести дела корпорации по своему усмотрению.

— Да-а... — только и смогла произнести Делла.

— Слушай, Делла, — взглянул на секретаршу адвокат, — если тебе удастся сейчас разыскать Гарвина, то, может быть, мы и разгадаем эту загадку.

Делла Стрит с сомнением покачала головой и, найдя в своем блокноте, телефонный номер,

который ей оставил Гарвин, принялась его набирать. Мейсон же, воспользовавшись свободной минутой, решил навести порядок в чудовищном нагромождении книг, оставшихся на его столе после ночной работы.

Минут через десять Делла Стрит, дозвонившись по телефону, оставленному Гарвином, сообщила:

— Найти мистера Гарвина до собрания акционеров нам, по-видимому, не удастся, поскольку, покинув ваш кабинет, он сразу же отправился в деловую поездку. Как мне сказала его секретарша, он собирался посмотреть какое-то горное оборудование. Но мне кажется, у него продолжается второй медовый месяц.

— Черт бы его побрал, — выругался Мейсон. — Мог бы и поделиться со мной своими планами, раз уж пришел за помощью. В таком случае, Делла, пригласи, пожалуйста, секретаря и казначея этой компании. Объясни им, что мы представляем интересы мистера Гарвина, что мне надо побеседовать с ними по делу чрезвычайной важности, и попроси их спуститься ко мне.

— Там уже знают, что мы занимаемся делом мистера Гарвина. Его секретарша выписывала нам чек на тысячу долларов в качестве задатка.

— Отлично, — заметил адвокат. — Тогда попроси их прийти ко мне незамедлительно.

Спустя несколько минут Делла Стрит доложила по телефону из приемной:

— Шеф, пришел мистер Джордж Денби.

— Это кто такой?

— Он является одновременно секретарем и казначеем компании, расположенной над нами.

— Пусть войдет, — разрешил Мейсон.

В кабинет вошел худой, седовласый, представительного вида человек в очках, одетый в костюм свободного покроя. Он пожал адвокату руку, представившись:

— Джордж Денби.

Затем посетитель опустился в предложенное кресло, расправив складки на брюках, положил ногу на ногу и вопросительно посмотрел на адвоката.

— Я представляю интересы мистера Гарвина, — произнес Мейсон.

— Я слышал об этом, — проговорил Денби, — но я хотел бы уточнить кое-что. Вы представляете его личные интересы или он уполномочил вас заботиться об интересах корпорации?

— Я представляю Гарвина, — уклончиво ответил адвокат. — А что, некоторые его интересы пересекаются с интересами корпорации?

— Естественно.

— Так какого же ответа вы ожидали от меня?

— Правдивого, — холодно ответил Денби, не спуская с адвоката ледяного взгляда.

Мейсон откинулся на спинку стула, рассмеялся. Денби же даже не улыбнулся.

— Ну хорошо, — произнес адвокат, — я представляю его личные интересы. Но при всем при этом я хотел бы выяснить один вопрос.

— Какой именно?

— Кто в корпорации является держателем сертификата акций за номером сто двадцать три?

— Я вряд ли смогу ответить на этот вопрос с ходу, мистер Мейсон.

— Когда у вас должно состояться собрание акционеров?

— Послезавтра.

— В котором часу?

— В два часа дня.

Вопросы Мейсона, впрочем, как и ответы Джорджа Денби, были немногословны.

— Оно проводится у вас регулярно каждый год?

— Конечно.

— Существуют ли какие-нибудь положения, регламентирующие правила голосования по доверенности?

— Ну, мистер Мейсон, конечно, существуют, но сразу я не смогу ответить, какие именно. Думаю, эти положения должны быть согласованы с законами штата.

— Сам Гарвин имеет много акций?

— Полагаю, да.

— Сколько?

— Боюсь, я не вправе давать подобные сведения, мистер Мейсон.

— Ну что ж, — согласился адвокат, — тогда поднимайтесь в свой кабинет и проверьте, по вашей картотеке, сколько доверенностей для участия в голосовании было подано на имя Э.К. Гарвин.

— Это я посмотрю, мистер Мейсон.

— Я попрошу вас сообщить мне о результате проверки.

— Боюсь, что это невозможно, — холодно произнес Денби, — поскольку это совсем другое дело. Оно касается уже как интересов самого Гарвина, так и интересов корпорации. Чтобы дать требуемые вами сведения, мне необходимо получить особое разрешение на это.

— Ну так получите его! — Это не так легко.

— Я не спрашиваю вас, легко ли это. Я требую, чтобы вы получили это разрешение. Уверяю вас, что в данном случае я действую в интересах компании.

— В чьих бы интересах вы ни действовали, вы требуете информацию, не подлежащую разглашению. Даже сам мистер Гарвин не вправе дать мне это разрешение, — продолжал упорствовать Денби.

— Кто же, черт побери, в состоянии дать это разрешение?

— Президент компании Френк К. Ливсей.

— Он сейчас наверху в своем кабинете?

— Нет. Он был там, но уехал.

— Ну так разыщите его! Позвоните ему по телефону. Скажите, что будет лучше, если он придет побеседовать со мной.

— Хорошо, сэр, — произнес Денби холодно, — я так и сделаю.

— Номер его телефона есть в справочнике?

— Я и так его знаю.

— Прекрасно. Подумайте, что сказать ему, чтобы он понял, насколько все это важно.

— Слушаюсь, сэр, — с явным вызовом произнес Денби. — Я уверен, что вы понимаете мое положение, мистер Мейсон. Я думаю, что...

— ...что все будет в порядке, — перебил его Мейсон. — И если узнаете что-либо по поводу тех вопросов, что я вам задал, сообщите мне, пожалуйста.

Как только Денби покинул кабинет, адвокат взглянул на свою секретаршу.

— Делла, найди, пожалуйста, в телефонном справочнике номер Френка К. Ливсея и...

Та улыбнулась в ответ.

— Шеф, вы недооцениваете меня. Как только он произнес это имя, я тут же взялась за справочник.

— Так ты уже знаешь номер его телефона? Тогда я попрошу тебя связаться с ним.

Делла Стрит подняла телефонную трубку и принялась набирать номер. Через некоторое время она произнесла:

— Алло... Это мистер Френк К. Ливсей? Минуточку, мистер Ливсей, с вами хочет поговорить мистер Мейсон, мистер Перри Мейсон, адвокат. Не кладите трубку, пожалуйста.

Мейсон поднял трубку аппарата, стоящего на его столе.

— Алло! Мистер Ливсей?

Настороженный голос на другом конце провода ответил:

— Да. Я слушаю вас.

— Вы являетесь президентом корпорации «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани»?

— Да, мистер Мейсон, это так. Но могу я поинтересоваться, чем вызван ваш вопрос?

— Да, пожалуйста. Я представляю интересы мистера Гарвина. По моему мнению, происходит нечто такое, что может повредить всей корпорации. Мне потребовалась кое-какая информация, но я столкнулся к некоторыми препятствиями, пытаюсь получить ее у вашего секретаря-казначея мистера Денби.

Ливсей рассмеялся в ответ.

— Да, этого можно было ожидать.

— Из этого можно сделать только один вывод, что он относится к Гарвину с враждебностью, — заключил Мейсон.

— Из этого можно сделать вывод, что он является ярким приверженцем формализма и бюрократии, — объяснил Ливсей. — Так в чем дело, мистер Мейсон?

— Вы знаете, мне не хотелось бы обсуждать это по телефону.

— Хорошо, я сейчас приеду к вам.

— До встречи, — произнес Мейсон и положил трубку.

Френк К. Ливсей появился в дверях кабинета Мейсона, часто моргая покрасневшими, воспаленными глазами. Он оказался низеньким, полным и почти лысым человеком. Его голова своей заостренной формой напоминала пулю. Одежда, тесно облегающая полное тело вошедшего, свидетельствовала о том, что ее обладатель значительно прибавил в весе с тех пор, как последний раз обновлял свой гардероб.

Этот сорокалетний мужчина с видом знатока оглядел Деллу Стрит, и, судя по его загоревшимся глазкам, можно было с уверенностью сказать, что, несмотря на его внешний вид, ему были не чужды радости жизни.

Ливсей подошел к столу адвоката и протянул тому руку.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мейсон. Как поживаете? — добродушно произнес он, не отрывая восхищенного взгляда от Деллы.

Мейсон пожал протянутую руку и молча кивнул в знак приветствия.

— Сожалею, что заставил вас ждать, Мейсон, — продолжал Ливсей, — но я хотел кое-что выяснить, прежде чем разговаривать с вами. Откровенно говоря, Мейсон, ситуация складывается просто невероятная.

— В чем же это выражается? — поинтересовался адвокат.

— Дела в самом жутком состоянии.

— Расскажите мне об этом поподробнее, — предложил Мейсон, указывая посетителю на кресло.

— Положение «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани», — приступил к рассказу Ливсей, — в настоящее время довольно странное. Я не хочу сейчас вдаваться в подробности, но Гарвин, по моему мнению, попал в сложное положение. По совету своего адвоката он предпочитает держаться в тени. Он вышел из Совета директоров и не входит ни в один выборный орган. Ввиду особенности коммерческих сделок между Гарвином и товариществом его интересы соблюдаются, пока он является простым держателем акций, но их соблюдение станет весьма проблематичным, будь он директором.

Мейсон задумчиво кивнул.

— Постарайтесь понять и наше положение, мистер Мейсон, — продолжал Ливсей. — Мы все являемся служащими Гарвина. Но, по существу, мы являемся подставными лицами для него... Конечно, мне не следовало этого говорить, да как-то сорвалось с языка. Но в общем-то вы сейчас являетесь адвокатом Гарвина и не будете разглашать секреты вашего клиента.

— Именно в этом я сейчас и пытаюсь разобраться, — ответил адвокат. — После нашего телефонного разговора, прежде чем прийти ко мне, вы где-то задержались.

У вас, наверное, состоялся разговор с вашим казначеем, мистером Денби?

— Совершенно верно, — подтвердил президент компании. — Я понимаю, что вы чрезвычайно занятой человек, и мне не хотелось злоупотреблять вашим временем, не зная, в чем, собственно, дело. Я решил сначала сам кое в чем разобраться.

— Ну и как успехи? — улыбнулся адвокат.

— Слушайте, Мейсон! Это не женщина, это само коварство!

— Вы имеете в виду Эзел Гарвин? И что же она сделала?

— Перед очередным собранием пайщиков мы посылаем бланки доверенностей на имя Э.К. Гарвина, но будь я проклят, если это исчадие ада не отправило другие доверенности, оформленные на имя Э.К. Гарвин, держателя сертификата акций за номером сто двадцать три. Нам удалось разузнать, что сертификат акций за номером сто двадцать три был оформлен на

имя Эзел Картер Гарвин четыре года тому назад, когда у них с Эдом были прекрасные отношения.

— А что произошло с предыдущими доверенностями? — поинтересовался Мейсон.

— С ними все в порядке. Они зарегистрированы по алфавиту и аккуратно подшиты. Вы уже познакомились с Денби: этот малый хорошо знает свое дело. Он подшивает документацию по порядку, с занесением всей информации в фондовую книгу отчетов. — Ливсей, откинув голову назад, не к месту рассмеялся.

— У меня на его месте, когда стали приходиться эти странные доверенности, возникли бы подозрения, — сказал адвокат. — Ведь Денби знал, что не отправлял эти бланки доверенностей, а значит, доверенность, оформленная на Э.К. Гарвин, держателя сертификата сто двадцать три, должна была насторожить его, и ему следовало проверить это.

— Невозможно не согласиться с вами, — сказал президент корпорации, — но в том-то и дело, что Денби не знает, когда пришли эти доверенности. Они тоже зарегистрированы честь по чести в алфавитном порядке. Клерк, регистрирующий входящие бумаги, заметил бы неполадку только в том случае, если бы они пришли все одновременно. Денби клянется, что новые доверенности через него не проходили, в противном случае он бы сообщил об этом.

— Собрание пайщиков послезавтра?

— Да, и я не вижу причин скрывать от вас, Мейсон, что для нас это катастрофа. И в такой момент мы не можем найти Гарвина. Конечно, у него медовый месяц. Рыжеволосая красотка прямо вскружила ему голову: Гарвин никого не поставил в известность о месте их пребывания, чтобы избежать беспокойства по делам корпорации. А он ведь стоит на грани потери всей компании! Я просто в ужасе:

— Что случится, если Эзел Гарвин получит управление корпорацией?

— Что случится? Бог мой, да прежде всего она завладеет книгой счетов! Она все перетряхнет. Назначит новый Совет директоров, затеет судебную тяжбу с товариществом Гарвина, обвинив его в мошенничестве по поводу двух сделок, которые не удались так хорошо, как хотелось бы. Она вызовет налоговых инспекторов для проверки некоторых дел, ранее сокрытых от них. Она парализует всю коммерцию, этот тщательно выстроенный карточный домик рухнет!

— Денби узнал, кто регистрировал вновь пришедшие доверенности?

— Он выяснял, но осторожно, стремясь ничего не афишировать, поскольку боялся вызвать подозрения у окружающих.

В это время на столе у Мейсона зазвонил телефон. Его номер знали только Делла Стрит и Пол Дрейк. Адвокат поднял телефонную трубку и услышал в ней голос Пола Дрейка:

— Перри, извини, что я воспользовался этим телефоном, но чрезвычайность моего сообщения меня оправдывает. Я нашел Эзел Гарвин.

— Два очка в твою пользу, Пол! Как тебе это удалось?

Дрейк принялся объяснять небрежным тоном:

— Очень просто. Пораскинув мозгами, я решил порыться в списках членов женских клубов. Когда Эзел жила с Гарвином, она была членом известного литературного клуба. Найдя интересующий меня список, я принялся названивать членам клуба прямо по списку, спрашивая, не знают ли они, где можно найти миссис Эзел Гарвин, чтобы побеседовать с ней по ее просьбе. Наконец это скучное занятие принесло свои плоды: одна из женщин сообщила мне, что недавно, когда она шла по улице, торопясь к себе домой, то видела Эзел Гарвин, входившую в апартаменты «Монолиз».

— Черт побери, — восхитился Мейсон. — Тебя послушать, так все выходит так элементарно, что у меня возникает вопрос: за что я тебе плачу жалованье?

— Перри, сдается мне, ты хочешь дать еще поручение?

— Ты не ошибся. Следите за ней круглосуточно.

Мейсон покосился на Френка Ливсея. Тот сидел на краю кресла, уставившись расширенными глазами на адвоката.

— Я лишь сейчас получил акт об этой автомобильной катастрофе, — продолжал Мейсон. — Пригласите ко мне женщину. Она, похоже, единственная свидетельница, которая сможет опознать машину, первой выехавшую на перекресток. Мне необходимо получить от нее объяснения, чтобы как можно быстрее разобраться с этим делом.

На другом конце провода на какое-то время воцарилась тишина. Спустя минуту Дрейк спросил:

— Перри, у тебя клиент?

— Да, — ответил адвокат.

— Ясно. Вернемся к нашему разговору. Ты хочешь, чтобы я организовал наблюдение за Эзел Гарвин, я правильно понял? Остальное — спектакль для клиента?

— Совершенно верно.

— Ладно, — отозвался Дрейк, — все устроим.

Мейсон положил трубку и обратился к Ливсею:

— Извините, мне звонили по очень важному делу. Я занимаюсь одной автомобильной катастрофой, в которой сильно пострадал один из моих клиентов. Итак, продолжим. Скажите, ваш офис оборудован сигнализацией?

— Мистер Мейсон, — уклончиво ответил Ливсей, — в отсутствие Эда Гарвина я стараюсь найти выход из положения, потому и рассказал вам о компании что мог... Но не требуйте большего! Согласитесь, я рассказал все что мог... Дело в том, адвокат, что я и так сообщил вам чертовски много.

— Какова ваша доля акций компании? Ливсей усмехнулся.

— Мейсон, не стройте иллюзий. У меня всего лишь одна акция. Этого вполне достаточно для избрания меня президентом Совета директоров. — Он залился смехом, а затем добавил: — В мои обязанности входит ставить свою подпись на документах, организация различных презентаций и ведение переговоров с представителями пожарной службы. За это мне и платят.

— У вас в отделе стенографии случайно не работает девушка по фамилии Колфлекс?

— Силы небесные, мистер Мейсон, могу ли я упомянуть всех. У нас работает несколько девушек.

— Ей около двадцати двух лет, высокая, стройная, узкобедрая, с насмешливыми серыми глазами, чудесными белокурыми волосами и...

— Довольно! — застонал Ливсей. — Я больше не могу. Вы разбиваете мне сердце.

— Так вы ее знаете? — спросил адвокат.

— Черт побери, нет, но я уверен, что знал! Мейсон, если она именно та, кого вы ищете, то при чем тут я? — и Ливсей, плутовато улыбнувшись, тряхнул головой.

— Ну, если вам приходилось устраивать презентации, вы, возможно, пользовались услугами молодых женщин, без которых в таких случаях не обойтись, и имели их список.

Ливсей рассердился.

— Я вижу, мистер Мейсон неплохо разбирается в коммерческой деятельности.

— Может быть, имя и адрес этой девушки записаны в вашей записной книжке. Скорее всего, она присутствовала на званых обедах в качестве партнерши по танцам.

— Может быть.

— Но вы не помните ее?

— Я пытаюсь вспомнить.

— Когда вспомните, дадите мне знать?

— Безусловно.

— Как вы думаете поступить с новыми доверенностями? — спросил адвокат.

— Будь я проклят, Мейсон, если знаю это. Ежегодное собрание акционеров обычно проводится в полном составе, и я искренне признаюсь вам, у меня нет ни малейшего представления, как быть.

— Лучше всего как можно быстрее найти Гарвина. Ливсей помрачнел.

— А тем временем, — продолжал Мейсон, — провести дополнительное расследование в вашей собственной организации и выяснить наконец, кто оформлял новые доверенности.

— Я бы многое отдал, чтобы узнать это, — отозвался Ливсей.

— И еще, уточните, работал ли кто-нибудь в офисе прошлой ночью около двадцати трех часов.

— Хорошо.

— И сразу же сообщите мне, — сказал адвокат, поднимаясь с кресла, тем самым показывая, что разговор окончен.

— Ладно. Благодарю вас, — произнес Ливсей на прощание.

Он выбрался из кресла, но удалился не сразу. Дважды на пути к двери, терзаемый сомнениями, Ливсей останавливался с намерением возобновить беседу, но все же в конце концов достиг выхода. У двери он повернулся, слегка поклонился и только тогда вышел с многозначительной улыбкой.

Делла, дождавшись, когда за ним закроется дверь, скорчила гримасу.

— Дамский угодник, — сказала она и добавила: — А какой бекон!.. Разрезать бы его на кусочки и на каждом написать «Френк К. Ливсей». На всех бы хватило!

Мейсон от души рассмеялся:

— Не будь так жестока, Делла! Он скорее похож на Сайта-Клауса на девичьей вечеринке.

— Ага. Только он забыл, что Санта-Клаус не набивается в гости без приглашения.

Все еще улыбаясь, Мейсон поднял трубку телефона и набрал номер Пола Дрейка. Услышав голос детектива, он сказал:

— Пол, для тебя есть работа. Наш клиент, оказывается, решил на время выйти из игры.

— Не думаю, чтобы он уехал далеко, — послезавтра у него собрание акционеров.

— Он мне нужен. Узнай номер его машины, выясни места, где он предпочитает отдыхать, много ли багажа забрал с собой и... черт возьми, найди его. Это все.

— Хорошо, — погрузился Дрейк. — Если уж клиент платит мне деньги за поиски своей собственной персоны, то придется заняться этим.

— И сразу дай мне знать, в любое время суток, — отреагировал на сетования Дрейка Мейсон.

— Ладно, сообщу, — буркнул детектив и положил трубку.

Мейсон остановил свою машину возле апартаментов «Монолиз», представлявших собой кирпичное здание, обращенное углом к дороге. Сотрудник Пола Дрейка, дежуривший в машине напротив дома, по-видимому, в поисках подходящей квартиры был поглощен изучением газетных объявлений для квартиросъемщиков со средним достатком. Он так увлекся этим занятием, что не заметил, как Перри Мейсон, захлопнув дверцу машины, пересек тротуар и вошел в дом.

Сидевший за столом служащий поздоровался с адвокатом ледяным тоном, хотя и вполне вежливо.

— Миссис Эзел Гарвин у себя?

— Она вас ждет?

— Нет. Скажите ей, что я пришел поговорить о доверенностях.

— Ваше имя?

— Мейсон.

Мужчина с откровенным отвращением человека, вынужденного выполнять лакейскую работу, повернулся к коммутатору, вставил штекер и, немного подождав, произнес:

— Миссис Гарвин, к вам мистер Мейсон. Он хочет поговорить о доверенностях... Нет, он не говорил... Мне спросить у него?.. Хорошо.

— Вы можете подняться, — сказал клерк, выдергивая штекер. — Комната шестьсот двадцать четыре.

— Благодарю.

Адвокат вошел в лифт и, заметив лифтершу, которая днем управляла лифтом (ночью он работал автоматически), сказал:

— Шестой, пожалуйста.

Лифтерша оказалась крупной женщиной с дряблой кожей. Она не спеша отложила журнал, который читала, и выглянула в коридор, рассчитывая на возможный приток людей. Затем уселась на откидное сиденье, при этом ее необъятные бедра растеклись по обе его стороны. Лицо лифтерши выражало крайнюю скуку.

— Шестой этаж, — повторил Мейсон.

Не обращая на него внимания, женщина наклонилась вперед, продолжая всматриваться в пустоту коридора, и лишь минуту спустя неохотно закрыла двери. Кабина лифта с грохотом понеслась на шестой этаж.

Открыв двери, лифтерша в ожидании вызова снова принялась за журнал.

Мейсон, выйдя из лифта, повернул налево, но не успел пройти и нескольких шагов, как на первом этаже раздался звонок вызова лифта.

Лифтерша не спешила: она прочла еще несколько строк, прежде чем закрыть двери и отправить кабину вниз.

Тем временем адвокат разглядывал номера на дверях, пока не оказался перед комнатой шестьсот двадцать четыре.

Он позвонил, и дверь тотчас же открылась. На пороге стояла женщина лет тридцати, одетая в черное облегающее платье. Она обворожительно улыбнулась и спросила:

— Мистер Мейсон?

— Да.

— Вы хотите поговорить о доверенностях?

— Да, — ответил адвокат, — о доверенностях, благодаря которым вы получите

преимущество при голосовании на собрании пайщиков корпорации «Гарвин Майнингс Эксплорейшн энд девелопмент компани».

— Что же мы стоим в дверях? Проходите, пожалуйста.

— Благодарю вас.

Мейсон вошел в комнату. Женщина осторожно прикрыла за ним дверь.

— Присаживайтесь, мистер Мейсон.

Адвокат с интересом разглядывал хозяйку комнаты. Хотя ее фигура и утратила стройность, присущую ранней юности, все же надо было отдать ей должное. Она, видимо с помощью строгой диеты, сохранила тонкую талию. В ее взгляде не было и тени беспокойства, что наводило на мысль, что перед ним расчетливая женщина, привыкшая взвешивать каждый свой шаг.

— Да садитесь же, мистер Мейсон.

Адвокат расположился у окна, женщина — напротив него, положив ногу на ногу и откинувшись на спинку дивана.

— Так что же с доверенностями, мистер Мейсон? Вам что-то непонятно?

— Содержание последних доверенностей несколько отличается от обычных, не так ли?

Она тряхнула головой и засмеялась. Адвокат ждал ответа.

— Дорогой мистер Мейсон, — успокоившись, промолвила она, — неужели вы поднялись сюда, чтобы поговорить со мной о содержании документа?

— Совершенно верно, — невозмутимо ответил адвокат.

— Вам не следовало этого делать, — по-матерински снисходительным тоном произнесла Эзел Гарвин, скользнув правой рукой вдоль спинки дивана.

— Да-да, мистер Мейсон, — с усмешкой подтвердила она. — Должно быть, вам было трудно найти меня. Расскажите, как вам это удалось?

— С помощью детектива, — небрежно ответил адвокат.

Женщина застыла, напряженно глядя на него.

— Так что вы сделали?

— Воспользовался услугами детектива, — повторил он.

— Боже мой, зачем?

— Я считал это важным.

— Но почему?

— Потому что хотел выяснить, что вы намерены делать с вашими доверенностями, миссис Гарвин. Вы хотите управлять корпорацией вместо вашего бывшего мужа, не так ли?

— Моего мужа! — вспыхнула она.

— О, извините меня. Я думал, вы развелись.

— Пойдите, кто вы такой?

— Адвокат вашего мужа. Наши офисы находятся в одном здании, — представился Мейсон.

— Так... это он вас заставил прийти сюда?

— Нанял — это слово больше подходит, — поправил ее адвокат.

— Хорошо, пусть так. Он нанял вас прийти сюда?

— Нет.

— Тогда почему вы здесь?

— Потому что я представляю его интересы.

— И чего же вы хотите?

— Сначала я хочу узнать, чего хотите вы.

— А почему вы решили, что я буду отвечать на ваши вопросы?

— Я на это рассчитываю.

Адвокат встал и, открыв портсигар, протянул его хозяйке комнаты. Та взяла сигарету и подалась всем телом вперед, к зажженной Мейсоном спичке. Закуривая, миссис Гарвин пристально следила за Мейсоном. Тоже закурив, он вернулся на свое место у окна, вытянул ноги и, скрестив их, проговорил:

— Итак?

— Мистер Мейсон, давайте поговорим начистоту. Вы хотите убедить меня, что вы опасный противник, — отозвалась женщина.

— Благодарю за комплимент.

— Как вы меня нашли?

— Я же говорил вам, что нанял детектива.

— Как вы узнали о доверенностях?

— Это другое дело, — уклончиво ответил Мейсон. Опустив на ковер занемевшую ногу, женщина пристроила диванную подушку на подлокотнике и, с кошачьей грацией подтянувшись на руках, облокотилась на нее, как бы невзначай сверкнув оголенными ногами. Глубоко затаившись, она выпустила в потолок длинную голубую струю сигаретного дыма.

— Интересно? — съязвила она.

— Очень.

— Мой дражайший муж, — начала миссис Гарвин, — увлекся другой женщиной. Он хотел найти во мне другой образ, а в результате спутался с розовой куклой. Я верну его.

— И поэтому...

— И поэтому я хочу показать свои коготки... совсем чуть-чуть.

— И чего же вы хотите в первую очередь?

— Я хочу его.

— Вы хотите вернуть его независимо от того, желает он этого или нет?

Прищуриль глаза, она внимательно посмотрела на адвоката, а затем произнесла:

— Мистер Мейсон, я хочу кое-что рассказать вам.

— Я весь внимание.

— Не знаю почему... Может быть, потому, что мне нравится ваше лицо, а может быть, потому, что у меня философский взгляд на вещи. Вы женаты?

— Нет.

— Когда мужчина обладает любимой женщиной, — назидательно стала говорить миссис Гарвин, — он впадает в особое состояние. Я имею в виду его эмоциональную чуткость, глубину и силу отклика его чувств. Он получает ровно столько, сколько отдает. В медовый месяц, когда влюбленный ее боготворит, она чувствует себя богиней. Это время обоюдно неиссякаемого восхищения. Но как только чары спадают, мужчина начинает понимать, что она не ангел, а живой человек.

Она ненадолго умолкла.

— Продолжайте, — некстати сказал Мейсон.

Ее глаза презрительно сверкнули из-под опущенных ресниц.

— Потом, — продолжила она, — со временем мужчина начинает раздражаться и тяготиться своим положением. Его постоянно точит сознание того, что он лишился свободы. Его одолевают две болезни: он самым неуклюжим образом обманывает жену и беспричинно придирается к ней. В конце концов он для собственного внутреннего спокойствия убеждает себя и других, что его жена оказалась недостойна его.

— И что же дальше? — спросил Мейсон.

— Тогда, — резюмировала Эзел Гарвин, — ему платят той же самой монетой. Мудрый мужчина позволит себе свободы ровно столько, сколько необходимо, чтобы уважить узы брака;

мудрая женщина позволит ему ровно столько, сколько необходимо для его счастья. И тогда семейная жизнь станет гармонией. Мужчина может спать с женой, но может флиртовать и с другими женщинами, и за это он всегда будет ей благодарен. Однако, если мужчина начинает относиться к ней как к игрушке или кандалам, она может захлопнуть за собой дверь и очень плотно, мистер Мейсон, запереть ее, а ключи выбросить.

— Что вы и сделали?

— Что я и собираюсь сделать, мистер Мейсон.

— И как вы предполагаете это осуществить?

— Вы же умный человек, мистер Мейсон. Разве вы не разгадали мою маленькую хитрость с доверенностями?

— Разгадал.

— Ну и каков ваш контрудар?

— Отстаивая интересы вашего мужа, я намерен доказать, что вы мошенница, миссис Гарвин, и доверенности будут признаны недействительными.

— Значит, мой муж снова возглавит собрание пайщиков?

— Да.

— Если вы поступите так, как сказали, я нанесу удар с другой стороны.

— Что? — насторожился Мейсон.

— Сейчас услышите, — загадочно ответила женщина. Не вставая с дивана, она придвинула к себе телефон, который стоял рядом на столике, и сказала дежурному на коммутаторе:

— Соедините меня с адвокатурой. Чуть позже она добавила:

— Мне нужен отдел жалоб. Еще позже она представилась:

— Это говорит миссис Гарвин. Я замужем за Эдвардом Карлесом Гарвином. Он женился повторно, не получив развода от меня. Я утверждаю — это брак незаконный, поскольку незаконен развод, оформленный им в Мексике. Я требую возбудить дело по обвинению моего мужа в двоеженстве. Вы не могли бы принять меня завтра утром?

Какое-то время она молчала, слушая, затем улыбнулась и сказала:

— Я знаю, что вы предпочли бы не поднимать вопроса, касающегося «мексиканского развода», но уж если так случилось, придется вам заняться им. Когда можно прийти к вам на прием?

Она опять слушала, а потом довольным голосом проговорила:

— В десять пятнадцать. Благодарю вас. С кем я разговаривала? Так, мистер Стоктон. Да, я запомню. Очень вам благодарна. Ровно в десять пятнадцать я буду у вас.

Она опустила телефонную трубку и обратилась к Мейсону:

— Разве это не ответ на ваш вопрос?

Мейсон улыбнулся:

— Вы считаете, что ответили на мой вопрос? Миссис Гарвин мгновение смотрела на него с нескрываемым уважением, а затем тихо призналась:

— Как жаль, мистер Мейсон, что мы с вами по разные стороны баррикад. Черт возьми! Почему мы не встретились раньше? Но поздно сожалеть, выбор сделан. Вы бросили мне вызов, и теперь я пушу в ход свои козыри. Не знаю, на какие ухищрения мне придется пойти, но я изыщу их, не сомневайтесь.

— Вы действительно будете настаивать на возбуждении дела против вашего мужа?

— Мистер Мейсон, даже если бы оно было моим последним делом на земле, я бы все равно не отказала себе в этом удовольствии. Я собираюсь преследовать его в судебном порядке до конца.

— Если вы начнете, остановиться будет трудно. Вы отдаете себе отчет в этом?

— А кто хочет останавливаться? — спросила она, негодуя глядя на адвоката. — Мистер Мейсон, при встрече с моим мужем не забудьте рассказать ему о нашем разговоре... Мои коготки будут очень острыми.

— Ваш муж поверил вам, что вы оформили развод.

— Меня не интересует, во что он поверил.

— Но вы же говорили ему, что оформили развод, не так ли?

— Мистер Мейсон, чего только женщина не скажет мужчине, лишь бы вернуть себе его внимание, страсть, любовь. Она может, к примеру, объявить ему, что она на грани самоубийства; она может угрожать, обещать, закатывать истерики...

Выслушав ее, Мейсон подытожил:

— Боюсь, вы дорого будете стоить вашему мужу.

— Не сомневаюсь, — вызывающе заявила Эзел Гарвин.

— Но не совсем так, как вам хотелось бы, — намекнул адвокат.

— Что вы хотите этим сказать?

Мейсон встретился с ней взглядом.

— Я хочу сказать, что я не любитель обороны. Моя защита всегда наступательна. Я хочу сказать, что рано или поздно мы узнаем о подробностях вашей жизни с тех пор, как вы расстались с мужем.

Женщина проказливо улыбнулась.

— Мистер Мейсон, мне наплевать на число детективов, которых вы наймете. Вам не удастся узнать, что я делала в течение последних шести месяцев. А сейчас, извините, меня ждут другие дела. Мне должны позвонить, и предстоящий разговор не терпит посторонних ушей. Желаю вам всего хорошего, мистер Мейсон.

Адвокат встал. Эзел Гарвин проводила его до дверей, сказав задумчиво на прощание:

— Я сожалею, что не наняла вас раньше Эдварда. Все равно ему уже не помочь. Однако, боюсь, вы создадите мне массу хлопот.

Выйдя в коридор, адвокат заметил:

— А вы мне.

Ее глаза вдруг вспыхнули гневом.

— Вот в этом вы правы, — бросила она и захлопнула дверь.

Гарвин стоял на террасе гостиницы «Ла-Джолла», созерцая отражение солнечного диска в дремлющих водах Тихого океана. Его вторая жена стояла позади него.

— Лорри, дорогая, — восторженно произнес Гарвин, — это что-то бесподобное...

— Да, дорогой.

— Мы вступаем в пожизненный медовый месяц. Ты меня любишь, дорогая?

— Конечно.

— Любимая моя, посмотри на меня.

Она обернулась к нему, на ее лице играла самодовольная улыбка.

— Скажи мне что-нибудь приятное, — попросил Гарвин.

— Что?

— Ты знаешь что. Скажи: я люблю тебя.

— О, Эдвард, — отмахнулась раздраженно женщина, — ты как мальчишка.

— Дорогая, разве ты не чувствуешь прелести того, что нас окружает? Мы здесь вдали от городской суеты. Никто не знает, где мы... Мы стоим одни на краю...

— Я проголодалась, — оборвала его жена. Он рассмеялся.

— Хорошо, я накормлю тебя. Давай поедим в номере?

— Ну, это нереально. В нашей гостинице номера не обслуживаются. Такое практикуется в более солидных заведениях, чем наше, Эд. Предлагаю поехать и заказать по порции рыбы с жареным картофелем и луком. В центре города есть отличный ресторан. Я обратила на него внимание, когда мы проезжали мимо. Я неоднократно посещала его, когда отдыхала здесь раньше. Ну как, согласен?

— Хорошо, — сдался Гарвин, — если ты так хочешь. Я рассчитывал пообедать в уединении на балконе, любуясь морским пейзажем.

— Дрожать от сырости и переживать об испорченной прическе? Покорно благодарю.

Ее смех был легким, но все же нетерпеливым.

— Поехали, поехали, Эд. Там тоже романтично. Давай закажем коктейль и рыбу. Разве ты не хочешь горячего, дорогой? Ну, так мы едем?

— Как скажешь, Лорри, — обреченно согласился Гарвин. — А как же твоя прическа? Накрыть машину?

— Нет, оставь так, — сказала она. — Мне так больше нравится. Я обвяжу голову шарфом.

Они спустились в вестибюль и пересекли его, направляясь к площадке, где стоял их кабриолет. Гарвин подошел к машине, предупредительно открыл дверцу для Лорри и, как только она села, захлопнул ее. Затем обошел автомобиль спереди и занял место за рулем.

— Я умираю от голода, — пожаловалась Лоррейн. — Поехали быстрее.

— Да, дорогая. Считай, мы уже в пути. Ты действительно не хочешь, чтобы я накрыл верх машины?

— Нет, все нормально.

Гарвин включил двигатель. Мотор сразу же ровно заурчал. Он вывел машину с автостоянки, развернулся и притормозил при выезде на шоссе. Здесь он некоторое время ждал, пока не образуется брешь в неиссякаемом потоке автомобилей, и затем, дождавшись удобного момента, снял ногу с педали сцепления, одновременно нажимая на газ. Кабриолет рванул вперед словно стрела, вклинившись в колонну машин.

Скоро они подъехали к ресторану. Гарвин остановил машину, вышел и, быстро обойдя машину сзади, открыл жене дверцу.

Он подал ей руку. Та протянула в ответ свою и легко спрыгнула на асфальт, слегка взметнув подолом платья.

В этот самый миг за их спиной, взвизгнув шинами по асфальту, резко затормозила большая тяжелая машина.

Они обернулись. Лоррейн Гарвин с нескрываемым интересом смотрела на высокого мужчину, который, покинув машину, устремился к ним.

— Силы небесные! — воскликнул Гарвин. — Перри Мейсон!

— Адвокат? — спросила его жена.

— Да.

Мейсон подошел к ним.

— Я потратил уйму времени, Гарвин, чтобы найти вас.

Гарвин тактично остановил его.

— Дорогая, — проговорил он, — познакомься, мистер Мейсон. Мистер Мейсон, моя жена.

Мейсон, слегка поклонившись женщине, произнес:

— Рад познакомиться, — и, повернувшись к Гарвину, добавил: — Мне нужно поговорить с вами. Наедине и немедленно.

— Все дело в том, что я не хотел, чтобы меня кто-нибудь беспокоил сейчас, — несколько холодно объяснил Гарвин.

— Так или иначе, я уже приехал, — ответил Мейсон. — И хотя вас мое появление совсем не радует, уделите мне пять минут.

— В данный момент дела меня не интересуют, но уж если вы приехали, я готов вас выслушать.

— Мистер Гарвин, когда состоится собрание пайщиков?

— Завтра, в два часа дня. Мейсон, не сомневайтесь, на собрании я обязательно буду присутствовать.

— У вас достаточно доверенностей, чтобы руководить собранием?

— Конечно, достаточно. Пойдемте, пойдемте, Мейсон, не время говорить о делах. Да и ваша машина, того и гляди, вызовет затор на дороге.

Мейсон, не обращая внимания на слова Гарвина, продолжал:

— Ваша жена послала акционерам корпорации новые доверенности, вписав в них свое имя. Ее затея удалась. Ведь у нее инициалы такие же, как и у вас, — Э.К.

— Его бывшая жена, — холодно поправила его Лоррейн.

— Об этом еще поговорим, — заметил адвокат. — Самое лучшее, что вы сейчас сможете сделать для себя, — это сесть в машину и отправиться в Мексику.

— Я лично собираюсь заказать бокал мартини и порцию рыбы, — упрямо заявила Лоррейн.

— Действительно, Мейсон, мы планировали пообедать, — объяснил Гарвин. — Дорогая, ты же не будешь против, если мистер Мейсон присоединится к нам. За едой и обсудим все. — Гарвин ухмыльнулся и достаточно неуклюже пошутил: — Меня как-то не привлекает перспектива обсуждать дела сегодня ночью.

Мейсон, не слушая, продолжал:

— Эзел отправила доверенности акционерам, оформив их на имя Э.К. Гарвин, держателя сертификата акций за номером сто двадцать три. И уверяю вас, она обеспечила себе достаточное количество доверенностей, чтобы управлять собранием.

— Каким образом?

— Она позаботилась о том, чтобы все доверенности были оформлены после того, как были присланы ваши. Существует положение, согласно которому имеют силу доверенности, оформленные последними. Предыдущие же считаются недействительными.

— Боже мой! — воскликнул Гарвин. — Она погубит меня!

— Зато испортить мне обед ей не удастся, — огрызнулась Лоррейн.

— Это еще не все, — продолжал Мейсон. — Чтобы воспрепятствовать вашему присутствию на собрании акционеров, она обратилась в окружную коллегия адвокатов и потребовала возбудить против вас иск по обвинению в двоеженстве. Сейчас на вас объявлен розыск. Вам грозит арест. Она, по-видимому...

— Мейсон, Мейсон, ради Бога! — взмолился Гарвин.

— Давайте не будем обсуждать это сейчас!

— Я же предлагал поговорить наедине, — сердито бросил адвокат. — За последние двадцать четыре часа я исколесил весь штат. Как вы понимаете, я проделал это не ради забавы.

— Что вы имеете в виду, говоря насчет двоеженства, мистер Мейсон? — холодно поинтересовалась Лоррейн.

Адвокат не обратил внимания на ее вопрос.

— Не бойтесь смотреть фактам в лицо, Гарвин. Вы можете убежать от коммерческих проблем, но есть вещи, от которых не убежишь. И выход в том, чтобы мужественно их встретить.

— Эдвард, ты, может быть, объяснишь мне, что незаконного в нашем браке?

Гарвин неприязненно посмотрел на Мейсона. Адвокат продолжал:

— Скажу вам прямо, без обиняков. Есть основания сомневаться в законности вашего брака. По всей вероятности, Эзел Картер Гарвин — единственная, кто имеет право быть женой Гарвина.

— Эдвард, — сказала Лоррейн, — ты говорил мне, что она развелась с тобой.

— Я так думал.

— Думал?! — воскликнула Лоррейн. — Почему из всего...

— Минуточку, — остановил ее Мейсон. — Криком делу не поможешь. И здесь не место для выяснения отношений. Я уезжаю. Предлагаю вам следовать за мной. Возможно, я смогу помочь вам.

— Каким образом? — спросил Гарвин.

— Давайте отправимся в вашу гостиницу. Если хотите, можете захватить с собой еду и съесть ее там, перед тем как поехать в Мексику. Упакуйте свои чемоданы, отнесите в машину и езжайте в сторону границы, — распорядился адвокат.

— При чем тут граница? — спросил Гарвин. Мейсон пояснил:

— Вы были разведены в Мексике.

— Ну и что? Адвокат усмехнулся:

— Ваш «мексиканский развод» недействителен в Калифорнии. «Мексиканский брак» был бы законным только в том случае, если бы развод был оформлен в Штатах. Но в Мексике, с тех пор как вы получили «мексиканский развод» и вступили в «мексиканский брак», вы — муж и жена.

Некоторое время стояла тишина, затем Лоррейн Гарвин вспыхнула:

— Так что же мы здесь стоим как идиоты! Эдвард, разве ты не понял, о чем говорит мистер Мейсон! Выводи машину со стоянки. Едем в гостиницу, соберем чемоданы и уедем, к черту, отсюда!

Машина Мейсона следовала за кабриолетом Гарвина по мосту Сан-Исидро.

За мостом огни Тихуаны успешно соперничали с ярким блеском звезд.

Гарвин направил машину вниз по широкой главной улице и припарковал ее так, чтобы Мейсону было удобно расположить свой автомобиль позади них.

Адвокат вышел из машины, подошел к открытому кабриолету Гарвина и сказал:

— Итак, мы в Мексике. Теперь по закону этой страны вы — муж и жена.

— Послушайте, Мейсон, — раздраженно ответил Гарвин, — подскажите, что мне делать?

Адвокат пожал плечами.

— Не знаю, но я намерен найти выход как можно быстрее. Лучший способ поломать ее игру на этих доверенностях — это персональное присутствие всех пайщиков на собрании. Доверенность становится недействительной, если лицо, которое послало ее, присутствует на собрании. Вам придется дать мне список пайщиков, а я им позвоню. В противном случае мне понадобится заготовить бумаги для судебного постановления, которые я смогу оформить в суде завтра утром, что, конечно, сложнее. Но повторяю: лучший выход — личное присутствие пайщиков на собрании. Кстати, не уверен, что ваш президент и секретарь-казначей не замешаны в этом деле.

Давайте также договоримся, что в следующий раз, когда соберетесь куда-нибудь сбежать и забросить свои дела, хотя бы поставьте меня в известность. Я вынужден был привлечь кучу детективов, чтобы прочесать весь штат в поисках вас. Один из них вышел, в конце концов, на работника бензоколонки в Ла-Джолле, который запомнил ваш кабриолет и сказал, что вы интересовались гостиницей, где в конце концов я вас и нашел.

В разговор вмешалась Лоррейн Гарвин:

— Я очень проголодалась. Лично я собираюсь что-нибудь поесть прямо сейчас.

— Ресторан двумя дверьми дальше, — успокоил ее Мейсон. — Вы сможете найти место, чтобы остаться здесь на ночлег. А завтра вы сможете продолжить путь в Энсенаду, если захотите.

— Хорошо. Я хочу накрыть машину сверху, — согласился Гарвин.

Пока он расстегивал крепления, удерживающие чехол, Лоррейн вплотную подошла к Мейсону и проговорила тихим голосом:

— Я боялась вас, потому что вы слишком сильны и слишком находчивы. Когда-нибудь я перестану бояться.

Ее рука стиснула его ладонь. Посмотрев на Гарвина, она сказала:

— Он прекрасный, но несносный новобрачный. Вы понимаете, о нем я говорю?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Мейсон. Лоррейн проказливо намекнула:

— Откуда мне знать, как вы узнаете?

Гарвин, закрепив верхнюю часть кабриолета, подошел к ним.

— Когда нам можно будет вернуться из Энсенады?

— В любое время, когда захотите предстать перед судом по обвинению в двоеженстве, — ответил Мейсон.

— А где можно избавиться от этого? — грустно поинтересовалась Лоррейн.

Мейсон улыбнулся.

— В Соединенных Штатах Америки, — ответил он. — Вы соответчица, то есть женщина, живущая с мужчиной вне брака, другими словами, греховодница. А вот в Мексике вы законная жена.

— Черт знает что! — рассердилась Лоррейн. Мейсон сочувственно развел руками.

— Таково положение международного закона. Если вы отправитесь в Соединенные Штаты, Гарвин, вас могут уличить в двоеженстве. А в Мексике вы законно обручены с вашей настоящей спутницей, а Эзел Гарвин — не более чем бывшая жена, не имеющая на вас никаких прав.

— Я считаю, что большего абсурда невозможно придумать! — в сердцах воскликнул Гарвин. — Мне осталось только построить большущий дом на границе Соединенных Штатов и Мексики таким образом, чтобы граница проходила прямо через спальню, а еще лучше — посередине кровати. Эзел могла бы...

— Эдвард, — холодно оборвала его Лоррейн, — не будь пошляком.

— Я не пошляк, я — сумасшедший, — пронзительно завопил Гарвин. — Пропади пропадом все это! У меня медовый месяц, а я даже не знаю, женат ли я?..

— Если хотите знать, вы и ведете себя как сумасшедший, — разъяснил ему Мейсон. — Но это не меняет вашего положения в глазах закона. Я постараюсь все уладить. А сейчас действительно пора подкрепиться.

Мейсон повел всех в ресторан, заказал по порции нежного мяса. Покончив с едой, он предложил:

— Насколько я знаю, здесь есть новая гостиница «Виста де ла Меса». Переночуем в ней, а завтра утром вы дадите мне имена пайщиков, которые лояльны к вам, и мы отыщем их по телефонному справочнику.

Гарвин с сомнением покачал головой и промолвил:

— Мейсон, я сам позвоню пайщикам, а вы лучше займитесь оформлением договора о разделе имущества с Эзел. Сделайте это как можно лучше. Начните с пятидесяти тысяч, а...

Лоррейн поспешно добавила:

Эдвард, дорогой, а тебе не кажется, что мистер Мейсон лучше справится с этим? Он добьется в соглашении как можно меньшей цифры.

— Я хочу действовать, — возразил Гарвин. — Я сгораю от нетерпения, когда я чего-нибудь хочу. Как вы ее нашли, Мейсон?

— С помощью детективов, — ответил адвокат, посмотрев на свои часы. — Я могу позвонить ей сегодня ночью, а уже завтра утром принять ее.

— У вас есть номер ее телефона? — спросил Гарвин.

— Да. Она занимает номер шестьсот двадцать четыре в апартаментах «Монолиз». Там есть коммутатор, и я могу попросить соединить меня с ней. Вчера говорить с ней было непросто. Она считает, что ее козырная карта — обвинение в двоеженстве. Однако, когда я сообщу ей, что вы благополучно устроились в Мексике, где она не сможет выдвинуть против вас обвинение, а также намекну, что вы планируете перевести туда свое имущество, купить большую ферму и жить там, ее это здорово встревожит.

Глаза Гарвина загорелись.

— Блестящая идея, Мейсон! Вы — гений! Это загонит ее в петлю.

— Я считаю само собой разумеющимся, что Эзел увлеклась новым любовным приключением, — спокойно продолжил адвокат.

Глаза Лоррейн гневно сверкнули.

— Конечно, Эдвард. Нам следует подумать об этом.

— Судя по тому, что я видел, она довольно привлекательная женщина, которой нравится, когда ею восхищаются. Она как бы невзначай движется так, чтобы показать свои ноги и тем самым возбудить к себе интерес окружающих, — высказал свое мнение Мейсон.

Гарвин рассмеялся:

— В этом вся Эзел. Это один из тех приемов, который она пускала в ход, чтобы завоевать

меня. Помню, еще будучи секретаршей, она...

— Эдвард, — одернула его Лоррейн.

— Извини, моя дорогая. Адвокат тактично заметил:

— Но прежде чем говорить с ней о цифрах, надо расплатиться с детективами, которые пытаются узнать о том, что она делала в то время, когда вы о ней ничего не слышали.

— Думаю, она любила меня сильнее, чем я полагал, — задумчиво произнес Гарвин. — Ведь моя вторая женитьба превратила ее в дикую кошку. Возможно, она надеялась на примирение, прежде чем это произойдет.

— Не будь столь самоуверенным, Эдвард, — сказала Лоррейн, тщательно подбирая слова, чтобы сильнее задеть его эгоизм. — В твоей женитьбе на мне она просто увидела возможность выжать из тебя деньги, обвинив в двоеженстве. Лучше доверь все свои дела мистеру Мейсону.

В стороне от главной улицы стояло невысокое аккуратное здание гостиницы «Виста де ла Меса». Она, по-видимому, была построена совсем недавно. В свежепобеленной ограде из необожженного кирпича, которая окружала гостиницу, имелся арочный вход, а чуть дальше — выход. Две большие машины по очереди въехали по гравийной дорожке и остановились перед радующим глаз кирпичным строением с нарядно выбеленными стенами, увенчанными крышей из красной черепицы. Растущие вокруг зеленые кактусы удачно оттеняли ослепительную белизну стен.

Женщина, сидевшая за столом, встретила их приветливой улыбкой.

— Нам нужны две комнаты, — обратился к ней Гарвин. — Одна для нас с женой, другая — для моего компаньона.

— Поточнее, пожалуйста, — поправила она по-английски. — С общей ванной?

— Ванные отдельные, — ответил Гарвин.

— Тогда это обойдется дороже.

— Хорошо. Мы заказываем самые лучшие комнаты, которые есть в гостинице.

Глаза женщины заблестели.

— О, сеньор! В гостинице есть шикарные номера, хорошо, нет?

— Да, конечно, — учтиво согласился Гарвин.

— Сеньор, вы получите лучшие комнаты из того, что здесь есть. У меня имеется прекрасный номер с двумя комнатами, но если вы не хотите пользоваться общей ванной, то должны оплатить весь номер. А другой сеньор займет номер в другом крыле.

— Нас этот вариант устраивает, — согласился Гарвин и, взяв ручку, заполнил карточки за троих.

— А как быть с машинами? — спохватился он, покончив с карточками.

— О, вы поступили правильно, оставив их на дороге. В «Виста де ла Меса» они не пропадут.

— У вас есть сторож? — поинтересовался Гарвин.

— Нет, сторожа нет. Но в нашей стране вы находитесь среди честных людей, нет? Впрочем, осторожность не помешает. Заприте машины и оставьте ключи мне. Я положу их в сейф. А если вам потребуются машины завтра, предупредите заранее. Слуга вымоет их, и, не беспокойтесь, ваши машины будут в полной безопасности.

— Ладно, я запрю машины и принесу ключи. А как быть с багажом? — вступил в разговор Мейсон.

— К сожалению, — ответила женщина, — сегодня нет дежурного мальчика. Вы сами видите — гостиницу только построили. Я скоро заканчиваю. Осталась свободной еще одна комната. Только одна. Как только я ее сдам, выключу свет, запрю дверь и отправлюсь спать.

Нет? — И она снова улыбнулась.

Мейсон повернулся к двери.

— Хорошо, Гарвин, я думаю, надо решить, что принести из багажа.

Лоррейн сказала:

— Все, что мне нужно, дорогой, находится в том маленьком чемодане, ты знаешь.

— Да, дорогая.

Она улыбнулась Мейсону.

— Не могу выразить словами, какое для меня облегчение сознавать, что дела находятся в ваших руках.

— Благодарю, — поклонился ей Мейсон. — Желаю вам хорошо выспаться.

— Я покажу сеньоре ее номер, пока сеньор достанет багаж, нет?

Лоррейн улыбнулась и согласно кивнула. Женщина вышла из-за стола.

— Меня зовут сеньора Инокенте Мигуериньо, — представилась она. — Трудное имя для американцев, нет?

— Трудное, — простодушно согласилась Лоррейн.

— Кроме того, я управляющая этой прекрасной гостиницей. Тихуана давно нуждалась в красивой первоклассной гостинице, чистой, прохладной, комфортабельной. Пройдемте со мной, синьора.

И мексиканка, соблазнительно покачивая бедрами, не спеша прошла впереди всех через дверь в глубине вестибюля.

Гарвин, торопясь за багажом, казалось, был расстроен даже такой короткой разлукой со своей женой. Пока Мейсон вытаскивал свои вещи из машины, Гарвин, рывком толкнув дверь багажного отсека, вытащил чемодан со спальными вещами, сказав:

— Ну, Мейсон, до встречи утром.

— В котором часу?

— Не слишком рано. Я...

— Подумайте. Нам придется многих обзвонить, — перебил его адвокат.

— Ну, скажем, в восемь, — со вздохом уступил Гарвин.

Он захлопнул дверцу машины и направился к дому.

— Не хотите отдать мне ключи? — окликнул его Мейсон.

— Я возьму их с собой, — отозвался Гарвин. — Я сам отдам их сеньоре... вот как ее зовут, не запомнил. Доброй ночи, Мейсон.

— Доброй ночи, — ответил адвокат, наблюдая за тем, как Гарвин с чемоданами в обеих руках почти бегом бросился к парадной двери.

Мейсон запер свою машину и, положив ключи в карман, ненадолго задержался, чтобы полюбоваться небесной «иллюминацией». Луна уже исчезла на западе, и в чистом сухом воздухе миллиарды звезд заполнили весь небосклон своим ярким блеском. Адвокат, которому последние несколько дней пришлось работать в сильном нервном напряжении, некоторое время еще постоял, созерцая красоту мексиканского неба и наслаждаясь спокойствием ночи, потом поднялся по ступенькам на веранду, вошел в вестибюль и остановился в ожидании сеньоры Инокенте Мигуериньо, которая в это время сопровождала Гарвина в его комнату.

Когда улыбающаяся хозяйка вернулась, Мейсон попросил:

— Теперь покажите мне мой номер.

— О да, вот сюда, пожалуйста.

Мейсон последовал за ней через ту же дверь, что и Гарвин несколькими минутами раньше, но потом повернул направо, в северное крыло гостиницы. Сеньора Мигуериньо отперла дверь и с учтивой улыбкой застыла в проеме двери, пока Мейсон осматривал комнату. В меру

обставленная мебелью комната была просторной, с удобной кроватью, тяжелыми красными шторами и торшером под плотным колпаком. Пол был покрыт паркетом, натертым воском.

— Обратите внимание, — сказала женщина, — комната угловая, с окнами на обе стороны, нет?

— Превосходно, — согласился Мейсон.

— Сеньор, вот это окно выходит на столовую, поэтому шторы здесь всегда задернуты. Так что, если захотите открыть его, дерните за эту веревку, а штору оставьте задернутой. Зато другое окно можно спокойно открывать, сеньор, здесь не нужно вам задрапировывать. Можете спокойно одеваться — никто не увидит, нет?

— Нет, — согласился Мейсон, улыбаясь.

— Удобно, да?

— Да, — в тон ей ответил Мейсон и, протягивая ей ключи, добавил: — Вот ключи от моей машины.

— Вы говорили, что дадите ключи от двух машин.

— А разве тот сеньор не дал вам их, когда пришел? Женщина отрицательно покачала головой.

— Конечно, лучше было бы оставить их у меня. Панчо иногда моет машины очень рано утром, чтобы успеть вовремя.

Мейсон улыбнулся.

Наверное, он просто забыл. Все будет в порядке.

— Похоже, ваш компаньон думает о другом, нет? — И она, запрокинув назад голову, залилась смехом, отчего все ее тело затряслось, как желе на тарелке.

Мейсон, поставив чемодан на пол, спросил ее:

— Скажите, отсюда можно позвонить?

— Можно. Справа, при входе в вестибюль, есть две телефонные кабины. Неужели вы их не заметили?

— Нет, не заметил.

— Конечно, они не бросаются в глаза. Но они там, нет? Пойдемте, я покажу вам.

Мейсон, закрыв дверь, последовал за ней в вестибюль, где и впрямь увидел две двери с изображенными на них телефонными аппаратами.

— Сожалею, сеньор, в номерах нет телефонов, — извинилась сеньора Мигуериньо. — Что вы хотите? Это Мексика. Здесь вас не будут обслуживать двадцать четыре часа в сутки. Когда мы после работы приходим домой, мы просто выжаты, нет?

Мейсон, задумавшись, лишь кивнул и вошел в кабину. Ему удалось связаться с Полом Дрейком только через посредничество нескольких телефонных станций. Прошло около десяти минут, прежде чем он услышал голос детектива.

— Дрейк? — спросил адвокат. — Это Мейсон.

— Перри! Привет! Ты где?

— Я остановился в новой гостинице в Тихуане. Очаровательная, под названием «Виста де ла Меса».

— Могу я тебе туда позвонить?

— Это не так просто. Мне пришлось звонить через платную телефонную станцию. Думаю, она обеспечивает связь во всем квартале этой части города. Я пойду прилягу и немного посплю. Запиши на всякий случай номер телефона.

Мейсон продиктовал Дрейку номер телефона, прочитав его на табличке, приклеенной к корпусу телефонного аппарата.

Записав номер, Дрейк произнес:

— Хорошо, Перри, у меня для тебя кое-что есть. — Что?

— Ты хотел, чтобы мы разузнали все, что только можно, об Эзел Гарвин. Ну так я докладываю: задание выполнено.

— И что?

— Она владела рудником в Нью-Мексико. Какое-то время занималась им, а...

— Об этом я уже знаю, — перебил его Мейсон.

— Так. Потом она уехала в Рино, где и прописалась, по-видимому, намереваясь получить развод. Но что-то изменило ее планы. Я не нашел подтверждения о разводе. В Рино она сблизилась с неким Алменом Б. Хекли. Тебе это имя что-нибудь говорит?

— Ничего, — ответил Мейсон.

— Так вот, у него там есть ранчо. Похоже, он очень богатый мальчик и жуткий ловелас. Женщины были просто без ума от него. Эзел Гарвин тоже увлеклась им. В это время она жила в пансионате для разводящихся рядом с его ранчо и проходила, как принято говорить, «курс лечения». Когда Эзел немного оправилась, на ранчо появился этот мальчик, Хекли. Все женщины пансионата, ожидающие в течение шести недель развода, были влюблены в него. Он же предпочел другим Эзел Гарвин. Они много времени проводили вместе.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Мейсон.

— Это зависит от того, что мужчина считает серьезным, — ответил Дрейк. — Однако впоследствии между ними что-то произошло. Она тянула, не оформляя бумаг на развод. Прошло семь, восемь, десять недель — без изменений. И тогда, в конце концов, Хекли вдруг собрался и неожиданно уехал.

— Продав ранчо? — спросил Мейсон.

— Нет, ранчо осталось за ним, но он уехал в Калифорнию. Теперь, Перри, самое интересное.

— Хорошо. Что же?

— Он купил земельный надел под Океансайдом, почти в пятидесяти милях к северу от Сан-Диего. Тебе это что-нибудь говорит?

— Пока ни черта, — буркнул Мейсон. — Расскажи-ка мне поподробнее об этом Хекли. Как его полное имя?

— Алмен, А-л-м-е-н, Билл, Б-и-л-л, Хекли, Х-е-к-л-и. Я поручил своим ребятам изучить бумаги относительно покупки им земельного участка. Они добились разрешения пройти в сопровождении эксперта оценочной комиссии в офис и изучить списки для обложения налогом. Спустя час или два они наткнулись на его имя.

— Пол, а как тебе удалось разыскать его в Калифорнии?

— Я предположил, что он не покинул штат, поэтому посмотрел списки владельцев новых автомашин. На это у нас ушла большая часть времени.

— Так. С Хекли подождем до утра, — сказал адвокат. — Первым делом завтра утром я заполучу списки акционеров корпорации. Мы попытаемся привлечь на сторону Гарвина как можно больше пайщиков и провести собрание при их участии, тогда доверенности потеряют свою силу.

— Значит, ты нашел его в Ла-Джолле? — спросил Дрейк.

— Да. Твой агент хорошо там поработал. Я уже собрался было проверять все гостиницы, когда вдруг увидел их выходящими из кабриолета прямо в центре города. Сообщил Делле, где я нахожусь, и, если будет необходимо, звони мне сюда, но только до утра ты не сможешь этого сделать. Правда, я не знаю, до которого часа. Гостиница на ночь закрывается со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Ладно, — ответил Дрейк. — Но все-таки, ты не хочешь послушать о Хекли? У меня есть

много фактов, и я сделал кое-какие выводы. — В голосе детектива прозвучала обида.

— Нет, — отказался Мейсон, — разве что его адрес.

Так, у меня... — торопливо начал Дрейк, — все есть, Перри. Вот то, что тебя как раз интересует.

— Ну, хорошо, что там у тебя? — согласился адвокат.

— Сведения о месте расположения его нового ранчо. Карандаш у тебя найдется, Перри?

— Минуточку, — проговорил Мейсон.

Он вытащил из нагрудного кармана рубашки небольшой автоматический карандаш и записную книжку, раскрыл ее и положил на полку под щелью телефонного аппарата, предназначенной для опускания монет.

— Я готов, Пол.

Дрейк приступил к объяснениям.

— Поедешь в Океансайд прямо до центра города. Здесь свернешь на восток, к Фолбруку. Дальше, после почти трех миль пути, у почтового отделения, расположенного по правую руку, свернешь на дорогу, ведущую на север. На здании почтового отделения черными буквами написано: Роландо, Р-о-л-а-н-д-о, Чарлес, Ч-а-р-л-е-с, Ломекс, Л-о-м-е-к-с. Сразу за ним идет грунтовая дорога длиной в милю. Если проехать по ней с полмили, то окажешься у дома Хекли. Он приобрел его недавно, при этом дом был уже меблирован.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Вы ведете наблюдение за квартирой Эзел Гарвин?

— Да. За ней следят из автомобиля напротив входа в апартаменты «Монолиз».

— Прекрасно, — сказал адвокат. — Полагаю, все будет хорошо. Пол, я позвоню тебе утром.

Повесив трубку, Мейсон вышел из кабины и обратился к сеньоре Мигуериньо, которая снова сидела за столом:

— Вы не могли бы назвать номер комнаты моего друга? Я хочу пожелать ему доброй ночи, прежде чем он заснет.

— Конечно, конечно. Она находится в конце коридора с левой стороны, прямо рядом со столовой, окна которой выходят на вашу комнату. Две угловые комнаты, номера пять и шесть.

— Жаль, что в комнатах нет телефона, — вздохнул Мейсон. — Придется идти самому.

— Помните, мы закрываемся на ночь и поэтому не можем обслуживать распределительный щит.

Мейсон кивнул, прошел по коридору и постучал в дверь с номером 6. Никто не ответил. Адвокат крикнул:

— Гарвин, можно на минуточку? — и снова постучал. Гарвин с треском распахнул дверь.

— Что еще, Мейсон? — сказал он, тщетно стараясь сдержать раздражение.

— Я только что беседовал по телефону с моим детективом, Поллом Дрейком.

Гарвин немного шире приоткрыл дверь.

— Так, и что?

— Думаю, мы нашли причину, из-за которой ваша прежняя жена некоторое время вас не беспокоила. Это Алмен Билл Хекли. В настоящее время он живет на ранчо в трех милях от Океансайда. Он также владеет и очень большим ранчо в штате Невада. Этот малый, по-видимому, удачливый донжуан. Женщины из пансионата, который примыкает к его земельному участку, были от него без ума.

— Вот это новость! — воскликнул Гарвин, не в силах скрыть восторга. — Это как раз то, что нам нужно! Значит, он сейчас живет около Океансайда, Мейсон?

— Да, на ранчо, — подтвердил адвокат. — И я знаю, как туда добраться.

— Как?

Адвокат пересказал то, что изложил ему минуту назад Пол Дрейк, и добавил:

— Я не хотел бы что-либо предпринимать сегодня ночью, но завтра мы отправимся на его поиски.

Правая рука Гарвина придерживала дверь с обратной стороны.

— Мейсон, — произнес он, — я знал, что могу рассчитывать на вас. Вы выполняете чрезвычайно полезную работу. Человеку просто необходим доктор или адвокат, когда ему требуется помощь.

Из спальни раздался голос Лоррейн:

Мы бы ничего лучшего не смогли придумать, но эта новость все меняет. Как вы считаете, мистер Мейсон?

— Полностью с вами согласен, — ответил адвокат. — Увидимся утром. Доброй ночи.

— Доброй ночи, — сказали они в один голос.

Как только Мейсон ушел, Гарвин закрыл дверь и запер ее на ключ.

Чтобы попасть в свой номер, адвокату пришлось проделать тот же путь обратно через вестибюль.

Войдя в вестибюль, Мейсон заметил, что свет в зале уже выключен. Только настольная лампа обеспечивала слабую видимость. Боковое освещение тоже выключили. Не было никаких признаков присутствия сеньоры Инокенте Мигуериньо.

В этот момент Мейсон спохватился, что оставил свой автоматический карандаш в телефонной кабине.

Он осторожно, на ощупь, в тусклом свете вестибюля добрался до нее и, когда брал карандаш, услышал женский голос, доносившийся из соседней кабины сквозь тонкую перегородку:

— Да, дорогой, ты прав... Да, дорогой, через границу в Тихуану.

Какое-то время было плохо слышно, но потом женский голос стал погромче и можно было расслышать следующие слова:

— Да, дорогой... Нет... Я постараюсь сделать... У меня глаза ужасно устали от наблюдения...

Мейсон бесшумно покинул кабину, решив на будущее учесть при разговоре по телефону слабую изоляцию перегородки между двумя переговорными пунктами.

Вернувшись в свой номер, он принялся раздеваться. Колокола настенных часов в столовой исполнили нехитрую мелодию, а затем пробили десять раз.

Адвокат выключил свет и, прежде чем лечь, открыл окно, выходящее на западную сторону, как и советовала сеньора Инокенте Мигуериньо.

Глава 8

За окном отчетливо слышались металлические звуки, напоминающие пение какой-то тропической птицы, названия которой Мейсон никак не мог припомнить.

К его удивлению, у птицы оказались повадки дятла — она постоянно тихо постукивала.

От этого в конце концов Мейсон проснулся. Он откинул одеяло, сел в постели и хмуро посмотрел в окно. Вдали простирался типичный для Мексики пустынный пейзаж, который в лучах восходящего солнца казался золотым.

Через некоторое время Мейсон осознал, что настойчивый стук исходил не от птицы. Он доносился со стороны двери.

Адвокат босиком бросился к двери и открыл ее.

На пороге комнаты стоял юный мексиканец с ничего не выражающим лицом.

— Сеньор Мейсон? Адвокат молча кивнул.

— Вас к телефону, — произнес мальчик и побежал прочь от двери, скользя сандалиями по натертому воском паркету. Каждое его движение сопровождалось бряцанием металлических пряжек на сандалиях.

— Эй, вернись, — окликнул его Мейсон. — Кто звонит? Что?..

— К телефону, — пожав плечами, повторил тот и продолжил свой путь.

Мейсон надел брюки и пиджак поверх пижамы, сунул босые ноги в ботинки и, не зашнуровав их, спустился вниз.

Вестибюль был пуст, но дверь в одной из телефонных кабин была приоткрыта, а трубка снята с аппарата и лежала на полке.

Мейсон вошел внутрь, поднес к уху трубку и с сомнением произнес:

— Алло...

Голос на другом конце провода поинтересовался:

— Это мистер Мейсон?

— Да.

— Мистер Перри Мейсон?

— Да.

— Вас вызывает Лос-Анджелес. Пожалуйста, не кладите трубку.

Мейсон поплотнее прикрыл дверь в кабину. Через мгновение в трубке слышался голос Пола Дрейка:

— Алло, Перри?

— Да, — ответил Мейсон. — Привет, Пол!

— Куда ты, черт возьми, забрался? Я потратил уйму времени, чтобы дозвониться до тебя, — пожаловался Дрейк. — Я пытаюсь связаться с тобой с пяти часов утра. Еще несколько минут назад никто не отвечал. Затем мне пообещали выйти на тебя, но, поскольку на телефонной станции говорят только по-испански, пришлось привлечь переводчика. И угораздило же тебя остановиться в гостинице, которая не имеет телефонного коммутатора.

Что случилось? прервал излияния Дрейка Мейсон.

— Я хочу тебя предупредить, — проговорил детектив. — Один из моих парней совершил ошибку. Вполне возможен в нашей практике промах, но это может обернуться непредвиденными последствиями.

— В чем дело?

— Мы упустили Эзел Гарвин.

— Черт возьми! Ты понимаешь, что вы натворили?!

— Ничего уже не поделаешь.

— Как это произошло?

— Это длинная история, — виновато начал Дрейк. — А если изложить кратко, то можно что-нибудь упустить из виду.

Мейсон на минуту задумался, затем проговорил: — Что ж, я готов выслушать длинное объяснение, но погоди, Пол, стенка между моей и соседней кабиной очень тонкая, дай-ка проверю, нет ли там кого? Не клади трубку.

Мейсон положил трубку на полку и, выйдя из кабины, резко толкнул дверь в соседнюю. Убедившись, что та пуста, он вернулся в свою, взял трубку и произнес:

— Все в порядке, Пол. Никого. Знаешь, ночью я случайно отчетливо услышал обрывки телефонного разговора в соседней кабине. Ну, теперь рассказывай.

— После десяти часов вечера я оставил следить за ней только одного человека. В это время там делать особенно нечего: количество входящих и выходящих людей значительно поубавилось. Я велел своему агенту обращать внимание на тех, кто может представлять для нас интерес, и записывать номера машин, время приезда и отъезда. И вот здесь-то я и просчитался, Перри. Я слишком загрузил его работой. Мой парень выбрал очень удобное место для наблюдения, прямо перед входом в здание. Поблизости нет гаража, и жильцы дома оставляют машины около него на улице.

— Поскорее, — сказал Мейсон, раздражаясь от нетерпения.

— Ты же сказал, что готов к длинному рассказу, — напомнил ему Дрейк. — Вот я тебе и излагаю... Среди прочих на «бьюике» подъехал довольно прилично одетый мужчина. Он объехал уличный затор, курсируя вокруг дома в поисках места для парковки. Судя по тому, как он искал его, мой сотрудник предположил, что тот живет не здесь. Наконец этот малый нашел подходящее место, выключил фары и быстро пересек улицу, направляясь к дому. По каким-то соображениям мой сотрудник предположил, что мужчину пригласили на вечер. Он был элегантно одет и, похоже, очень торопился, будто опаздывал на свидание.

Подождав минуту-другую, мой агент решил сходить записать номер его машины.

Он не рискнул тронуть свою машину с места, опасаясь потерять его, поэтому быстро выскочил из нее и пошел по направлению к «бьюику».

В тот момент, когда он добрался до него, из-за угла дома вынырнуло такси и затормозило прямо перед входом в апартаменты «Монолиз». Должно быть, Эзел Гарвин поджидала его в вестибюле, потому что, как только такси подъехало, она вышла из дверей дома, села в такси и уехала.

Мой человек бросился обратно к своей машине, прыгнул в нее и в спешке ухитрился что-то там сломать. В результате, черт побери, он упустил ее! Он успел лишь заметить, что такси было желтого цвета, номера же не видел. Он снова выскочил из машины, бросился к таксофону и сообщил в агентство о случившемся. Узнав, кому принадлежат такси желтого цвета, мой сотрудник попытался разыскать интересующую его машину. На это ушло минут пятнадцать — двадцать, но к тому времени было уже слишком поздно: доехав до гаража, Эзел пересела в свою машину — форменную развалину, которая вряд ли сможет двигаться со скоростью больше сорока миль в час. Она не говорила, куда собирается ехать. На ней был надет жакет, юбка и, как утверждает мой агент, небольшая шляпа, но абсолютно ручаться за это он не может.

— Когда она уехала? — спросил Мейсон.

— В десять девятнадцать вечера. Мой человек наведлся в апартаменты «Монолиз». Он выяснил, что такси обычно заказывается. Клерк, работающий на коммутаторе, настаивал на том, что Эзел Гарвин заказала такси по телефону и затем спустилась вниз, в вестибюль, где просидела в ожидании машины минуты три-четыре. Надо сказать, этот клерк не больно

разговорчивый. Вытянуть информацию из такого, как он, — все равно что вскрыть сейф с помощью зубочистки.

Мейсон нахмурил брови и задумался.

— Перри, ты куда пропал? — забеспокоился Дрейк.

— Я здесь, — откликнулся адвокат. — Надеюсь, ты не снял наблюдение за апартаментами?

— Нет.

— Она не возвращалась туда?

— Нет. Пстой, — сказал Дрейк, — я упустил одну деталь, о которой рассказал клерк. Пока миссис Гарвин ждала такси в вестибюле, она дала клерку два доллара, чтобы разменять на мелкие монеты достоинством в двадцать пять, десять и пять центов. Монеты большего достоинства ее не интересовали... Должно быть, у нее были на то какие-то причины.

— Ясно, — сказал Мейсон. — Монеты ей понадобятся, чтобы звонить из таксофонов.

— Точно. Причем, судя по всему, звонить она собирается издалека.

— Это уже интересно, — оживился Мейсон.

— Извини, но, к моему сожалению, секретарша бывает иногда слишком заботливой, — сказал Дрейк. — Зная, что в последнее время я много работал, она решила до пяти часов утра ни с кем меня не соединять. Ночью меня подменяет другой человек, который в курсе всех наших дел. Он и занимался гаражом, где получил описание автомобиля Эзел Гарвин: марку и номер машины, ну и все остальное, затем выяснил, что бензобак был заполнен перед отъездом только наполовину. Это кое-что значит. Когда в пять часов утра я приступил к своим обязанностям, — рассказывал Дрейк, — то сразу же отправил другого агента в Океансайд. Я велел ему незаметно осмотреть местность вокруг дома Хекли: нет ли там следов ее машины; кроме того, поехать по всему пригороду Океансайда и разузнать что-нибудь на бензозаправочных станциях, которые работали ночью: может быть, кто-нибудь запомнил при обслуживании машину с нашим описанием. Это, возможно, даст нам зацепку. Я жду его сообщения с минуты на минуту.

— Прекрасно, — сказал Мейсон. — Я вижу, вы сделали все возможное. Что-нибудь есть еще?

— Пока все.

— Продолжай вести наблюдение за домом Эзел Гарвин. Я буду здесь. Пока довольно рано и нет суматохи. Надеюсь договориться, чтобы меня подзывали к телефону. Позвони, если что-нибудь произойдет, а если не дозвонишься, я сам тебе позвоню через час.

— Хорошо, — ответил Дрейк. — Ты уж извини, что так все получилось, Перри.

— Все в порядке, — успокоил его адвокат. — Это как раз тот случай, когда ты не мог все предугадать.

— Я позвоню сразу же, как только узнаю что-либо существенное, — пообещал Дрейк.

Адвокат повесил трубку, оглядел вестибюль и, ничего не заметив подозрительного, направился к выходу. Открыв дверь, он в первую очередь посмотрел на подъездную дорогу и место, предназначенное для парковки машин.

Помимо его машины и машины Гарвина, которые стояли отдельно на подъездной дороге, там оказалось еще несколько. Мальчик с непроницаемым лицом, который подзывал Мейсона к телефону, неподвижно сидел на верхней ступеньке лестницы, любуясь рассветом.

— Как тебя зовут? — спросил Мейсон.

— Панчо, — ответил мальчик, не шелохнувшись. Мейсон вытащил из кармана доллар и подошел к нему.

Юноша проворно протянул ладонь. Адвокат бросил в нее монету.

— Спасибо, — поблагодарил мальчик, не вставая. Мейсон улыбнулся.

— Ты не так глуп, как может показаться. Если ты смог говорить по телефону, найти номер

моей комнаты и вызвать меня, то ты довольно смущенный парень. Посиди здесь — мне должны снова позвонить. Если позвонят, позови меня. Понял?

— Да, сеньор.

— Постой, — переспросил Мейсон, — тебе все ясно? Ты понимаешь по-английски?

— Да, сеньор.

— Чудесно, — успокоился адвокат. — Если мне позвонят снова, получишь еще доллар.

И Мейсон отправился к себе в номер. У себя он умылся, побрился, одел чистую одежду и, когда собрался было справиться о завтраке, то услышал металлический звон приближающихся сандалий и тихое тук-тук-тук-тук в дверь.

Мейсон открыл дверь.

Панчо стоял в коридоре.

— Телефон, — сказал он.

— Момент, — сказал по-испански адвокат. Мальчик выжидающе молчал.

Адвокат усмехнулся, вытащил из кармана второй доллар и вручил ему.

На лице юного мексиканца засияла улыбка.

— Спасибо, — поблагодарил он и бодро зашагал по коридору.

Мейсон последовал за ним, вошел в кабину с открытой дверцей, предварительно убедившись, что соседняя пуста, затем поднял трубку, сказав:

— Алло! — И, услышав в трубке голос Пола Дрейка, произнес: — Привет, Пол. Что новенького?

Дрейк затараторил так быстро, будто слова стремились обогнать друг друга в неудержимом торопливом потоке.

Послушай, Перри. Слушай внимательно. Мы сидим на бочке с порохом. Мой человек нашел Эзел Гарвин.

— Где? — спросил Мейсон.

— Под Океансайдом. Почти в трех милях к югу от города. В автомобиле, стоящем в пятнадцати — двадцати ярдах от дороги на берегу моря. Она мертва. Пуля попала в левый висок. Скорее всего, это не самоубийство. Она лежала на руле в довольно неестественной позе, крови немного. Стекло дверцы с этой стороны было опущено, и револьвер, из которого, по видимому, стрелял преступник, лежал прямо у дверцы на земле. Она могла бы выстрелить в себя, только если бы повернула револьвер вверх рукояткой и держала таким образом при выстреле, но это очень неудобно, да и не свойственно женщине убивать себя столь необычным способом.

— А что полиция?

— Пока об этом знает только мой человек, обнаруживший тело. Он известил меня, попытался связаться с шерифом в Сан-Диего, но, находясь за пределами Океансайда, по техническим причинам не смог связаться ни с ним, ни со следователем... Теперь, Перри, слушай меня дальше. Мой человек достаточно сообразителен, чтобы наследить. При осмотре ему в глаза бросилось следующее. Похоже, там останавливались две машины — вторая машина к тому времени уже уехала. Склонившись к револьверу, он рассмотрел его: револьвер системы «Смит-и-Вессон», 38-го калибра, номер, выгравированный на рукоятке, — С 64805. Думаю, нужно постараться снять с него отпечатки пальцев до прихода полиции. Можно кого-нибудь послать, чтобы опередить ее.

— Хорошо, — согласился Мейсон. — Я выезжаю.

— А Гарвин и его жена с тобой?

— Здесь, — ответил Мейсон, — но не со мной.

— Как ты поступишь с ними?

— Черт, — раздраженно сказал адвокат, — я не намерен ничего с ними делать. Я вообще хочу, чтобы они оставались здесь. Гарвин не может вернуться в Штаты, иначе его арестуют по обвинению в двоеженстве. Я не могу допустить этого.

Дрейк пожаловался:

— Меня несколько удручают затраты на эти звонки. Как подумаю о счете за разговор с другой страной... Перри, я предпринял кое-какие шаги на свое усмотрение, и надеюсь, правильные.

— Что именно?

— Я позвонил Делле Стрит и велел ей быстро одеться по-дорожному, взять свою машину и мчаться во весь опор к Океансайду... Мой человек сбил с толку полицию, и теперь у нас есть шанс отсрочить их вмешательство. Дозвонившись до шерифа Сан-Диего, мой парень сообщил, что скорее всего произошло самоубийство, довольно заурядный случай.

У шерифа в Океансайте есть заместитель, которому он по телеграфу рекомендует съездить и закрыть дело. Тот только на месте сможет убедиться, что это убийство, и позвонит шерифу. В нашем распоряжении будет некоторый запас времени, прежде чем шериф и следователь доберутся туда. До тела не дотронутся, пока не прибудет следователь, занимающийся убийствами. Так что у нас есть время, если поспешим.

— Ох уж эти мне звонки, — проворчал Мейсон. — Я рад, что ты подключил Деллу. Мне скорее всего понадобится секретарь.

— Я просил ее осмотреть вокруг все, что успеет, — сказал Дрейк. — Она уже выехала из Лос-Анджелеса. Ты приедешь с ней одновременно, а может быть, и раньше — все зависит от того, как будет с транспортом на дороге и как долго будет продолжаться наш разговор.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Еду.

Он положил трубку и заспешил в свой номер. Там он покидал в чемодан свои вещи, а затем устремился к выходу, где наткнулся на Панчо, который сидел на том же месте.

— Панчо, — окликнул он мальчика, — у меня здесь двое друзей, мистер и миссис Гарвин. Они живут в комнатах пять и шесть. Когда они встанут, скажи им, что я уехал. Так как умерла наша общая знакомая. Я обязательно им позвоню. Передай также, чтобы они ни в коем случае не покидали эту гостиницу и непременно дождались меня. Ты понял?

— Да, сеньор.

— И еще. Я не оплатил счет за гостиницу. Вот двадцать долларов хозяйке. Эти деньги — оплата за комнату, понял?

— Да, сеньор.

— Прекрасно, — заключил адвокат. — Я поехал. Распахнув дверцу машины, он сунул туда чемодан, а потом забрался сам и уже включил зажигание, когда в дверях появился улыбающийся Панчо и на чистейшем английском языке сказал:

— Ваши ключи, мистер Мейсон, вы оставили их в ящике стола. — Заметив удивление на лице адвоката, пояснил: — Вообще-то моя тетя, сеньора Инокенте Мигуериньо, из предосторожности не оставляет ключи в ящике стола, а запирает их в сейф, прежде чем идти спать. Но когда я в гостинице, то, как дворецкий, иногда подгоняю машины к веранде, и поэтому ключи не убирают.

Мейсон улыбнулся, взял ключи и сказал:

— Ты хорошо говоришь по-английски, Панчо.

— Черт возьми, а вы думаете, ради чего я хожу в школу? — с гордостью ответил мальчик.

Перри Мейсон, увидев впереди группу людей, сбавил скорость. К северу, в лучах утреннего солнца, далекие дома Океансайда выглядели ослепительно белыми.

К западу от шоссе простирался пляж, а за ним безмятежно плескался под безоблачным небом голубой океан.

Мейсон остановил машину на обочине дороги.

Офицер дорожной службы героически пытался заставить машины следовать дальше, однако многие из проезжающих, снедаемые любопытством, отъезжали в сторону от дороги и останавливались.

Когда адвокат приблизился, заместитель шерифа, заметив его, велел ему вернуться к машине.

— Следователь еще не прибыл, — сказал он. — Уходите, тут нельзя стоять.

Мейсон был вынужден удалиться, но, как только помощник шерифа отвлекся, снова осторожно двинулся вперед.

Человек Пола Дрейка, увидев Мейсона в толпе зевак, протиснулся к нему и доложил:

— Я работаю на Дрейка. Чем могу быть вам полезен, мистер Мейсон?

Адвокат отвел его в сторону и спросил:

— Вы вокруг все осмотрели?

— Да, — ответил детектив. — Все осмотрел, отпечатков пальцев не оставил, ничего незаконного не делал.

— Что с револьвером?

Мужчина открыл записную книжку и сказал:

— Вот номер оружия.

Мейсон сверил его со своими записями в записной книжке и объяснил:

— Пол Дрейк продиктовал мне его по телефону. Сколько было сделано выстрелов?

— Только один. Оружие — револьвер 38-го калибра системы «Смит-и-Вессон». Барабан был полностью заряжен. Стреляная гильза осталась в гнезде барабана. Пуля угодила в левый висок.

— Порохом обожгло? — спросил Мейсон.

— Полагаю, да. Волосы опалены. Признаться, я не смотрел слишком пристально.

— Что еще интересного?

— Есть один факт, который может быть важен в этом деле, — сказал детектив. — Зажигание было выключено. Я включил его, чтобы узнать по прибору, сколько осталось бензина. Оказалось, бензобак был полон.

— Вы проверили бензозаправочные станции у Океансайда?

— Конечно.

— Нашли ту, на которой она заполнила бак?

— Я обошел все работающие ночью станции. Никто не припомнил машину Эзел Гарвин.

— Вам придется проделать это еще раз, как только уйдете отсюда, — потребовал Мейсон. — Это очень важно. А пока я осмотрю местность, может быть, что-нибудь найду.

Сперва он держался поодаль от машины, но постепенно приблизился к ней, осмотрел ее и все вокруг нее.

Тело лежало правее руля. Рука в перчатке застряла внутри его обода, о который, видимо при резком падении тела, была поранена кисть жертвы.

Детектив неотступно следовал за Мейсоном.

— Фары горели, когда вы обнаружили машину? — спросил адвокат.

— Нет. Все было так, как сейчас. Очень смахивало на самоубийство.

— Но почему же, черт побери? — спросил Мейсон. — Разве она проделала бы столь долгий путь сюда, чтобы именно в этом месте свести счеты с жизнью? Кроме того, женщина, собирающаяся уйти из жизни, не заботилась бы о том, чтобы наполнить бензобак.

Мейсон еще раз обошел машину, при этом внимательно оглядев ее. На ветровом стекле он заметил много мелких пятен. Вероятно, они образовались при столкновении с ним ночных бабочек, когда автомобиль несся на предельной скорости навстречу смерти.

— А могли ее убить в другом месте и лишь потом привезти сюда тело в ее собственной машине? — спросил Мейсон.

— Я не думал об этом.

Вы не видели мою секретаршу, Деллу Стрит?

— Я не знаю, как она выглядит.

— Прекрасно... Сейчас она подъедет, — воскликнул адвокат, завидев ее машину.

Делла Стрит, быстро приближаясь с северной стороны, сбавила скорость. Офицер дорожной службы жестом приказал ей продолжать движение, но она, улыбнувшись, отрицательно покачала головой и, чуть проехав вперед, остановила машину.

— Вы заметили вокруг какие-нибудь следы? — спросил Мейсон, наблюдая за Деллой Стрит, которая спешила к нему.

— Нет, ничего особенного. Очевидно, в этом месте уединяются влюбленные парочки. Приезжает много машин. Своими колесами они уже проложили колею от шоссе к океану. Везде обычные следы парковки и разворотов... Но следов, о которых я мог бы сказать, что они для нас представляют интерес, нет... Конечно, сейчас все изрядно затоптано. Здесь уже побывало человек сто: подходят, расспрашивают и топчутся тут, пока полицейские их не прогонят.

В это время к ним подошла Делла Стрит. На ней была безукоризненно сшитая юбка и жакет. Держалась она собранно и уверенно.

— Привет, шеф.

— Привет, Делла. Извини, что тебе пришлось добираться сюда столь рано. У тебя есть блокнот?

— Конечно.

— Знакомься — сотрудник Пола Дрейка... Моя секретарша. Мы сейчас как раз говорим о следах. Продолжайте, я слушаю.

— Ну, как я уже сказал, эту красивую прибрежную полосу облюбовали приезжие для пикников и приятного времяпрепровождения. Слева от машины я заметил ведущие к дороге следы человека, но в основном их уже затоптали, прежде чем полиция спохватилась и оттеснила толпу любопытных назад. Теперь здесь много и моих следов. Я слишком увлекся своим делом, но мне удалось убедить полицейского, что я и не понял, была ли она мертва или просто мертвецки пьяной, когда обнаружил ее. Если бы даже кто-нибудь и был в машине, полицейский уверен, что тот, покинув ее, следов бы не оставил.

Со стороны Сан-Диего послышался нарастающий звук сирены. Вдалеке замаячила мигалка полицейской машины, как только она свернула с шоссе.

— Кто первый обнаружил тело? Подойдите-ка сюда! — крикнул заместитель шерифа.

Сотрудник Дрейка, оставив Мейсона, направился к заместителю шерифа.

Проводив его взглядом, адвокат обратился к своей секретарше:

— Думаю, мы узнали все, что можно. Попытайся посмотреть на это дело глазами женщины. Я пока отправляюсь в город, позвоню оттуда Полу. Встретимся в аэропорту.

Добравшись до Океансайда, Мейсон сразу же связался с агентством Дрейка.

— Пол, у тебя есть какие-нибудь сведения о револьвере?

— Как раз этим я сейчас и занимаюсь, — ответил детектив. — Есть имя покупателя.

— И кто же он?

— Френк Л. Байнам. Проживает в Риверсайде. Я уже отправил на его поиски своего человека. Пока сообщений от него не поступало.

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Я здесь уже закончил. Сейчас захвачу Деллу, найму самолет и вернусь вместе с ней. Теперь что касается результатов нашей поездки. Похоже, миссис Гарвин вела машину по прибрежной дороге на максимальной скорости. Лобовое стекло сильно испачкано разбившимися о него ночными бабочками. Поверь мне, они ударились довольно сильно. Все лобовое стекло забрызгано.

— Ничего удивительного в этом нет, раз она ехала быстро, — заметил Дрейк. — Неужели она в столь поздний час отправилась в небольшое приятное путешествие?

— Нет, это не так, — разделил его сомнения адвокат. — Незадолго до трагического конца в Океансайде или где-нибудь рядом она залила бензобак доверху, тем не менее ни на одной заправочной станции, работавшей ночью, ни ее, ни машину не опознали. Возможно, ситуация изменится, если увидят ее тело. Правда, я не очень в этом уверен. Теперь, если ты объяснишь мне, зачем женщина мчалась по шоссе с бешеной скоростью к Океансайду, где заправила машину, и почему, съехав с дороги недалеко от города, покончила с собой, то получишь от меня ценный подарок... — Мейсон на мгновение умолк и, ухмыльнувшись, добавил: — Ну, например, авторучку.

В трубке воцарилось молчание. Насладившись произведенным эффектом, адвокат продолжил:

— Если же ты сможешь растолковать, почему женщина гнала машину по шоссе, затем свернула с него на прибрежную полосу, где обычно отдыхают влюбленные парочки, и ждала там чего-то, пока не получила пулю, то в Этом случае, так и быть, подарю тебе... свои наручные часы.

Дрейк от души расхохотался.

— Перри, твоя щедрость не знает границ.

— Ты зря смеешься, — серьезно сказал Мейсон. — Меня просто снедают эти вопросы. Что все это значит? Она заправляла машину там, где ей почему-то не протерли лобовое стекло. Что скажешь?

— Ох, ох! Думаешь, это было на ранчо?

— Да.

— Хочешь ему позвонить?

— Пока нет. Сначала мы займемся револьвером. Тебе придется возглавить расследование до моего приезда. Пока Делла изучает труп с позиции женщины, я найму самолет и подготовлю его к полету. Мы будем скоро. К нашему возвращению постарайся проработать версию относительно револьвера. Мне бы хотелось опередить полицию.

— Я все понял, — ответил Дрейк, — С минуты на минуту мы доберемся до Байнама.

Зафрахтовав в аэропорту самолет, Мейсон поджидал Деллу Стрит.

— Ну, что-нибудь еще обнаружила? — спросил он ее, как только она появилась.

— Да. Пропала шляпа. Ее нет в машине. Вспомни, агент Дрейка говорил, что, когда она вышла из апартаментов, на ней была небольшая шляпа. Это может оказаться для нас очень важным.

— Возможно, она сняла или забыла ее, — предположил Мейсон.

— Может быть, но за женщинами обычно такое не водится. Еще вот что. Кто-то в толпе любопытных сказал, что хозяин ближайшего дома заметил стоящую здесь машину с

зажженными фарами, а оперативник Дрейка обнаружил ее уже с выключенными. По свидетельству местного жителя, фары горели минут пять-десять. Их свет бил прямо в окна его спальни и мешал ему спать. Выстрела он не слышал.

— Но это могла быть другая машина, стоявшая рядом.

— Не исключено, — подхватила Делла. — Это вполне могла быть машина какой-нибудь влюбленной парочки.

Заниматься любовью при включенных фарах? Да-а... — протянул Мейсон.

— В общем, вам решать, заслуживает ли этот факт внимания, — рассмеялась секретарша.

Их разговор прервал подошедший пилот:

— Если вы все в сборе, можно отправляться. Адвокат и Делла забрались в маленькую кабину.

Самолет разогнался по взлетной полосе и взлетел. Уже в воздухе Мейсон сообщил:

— Дрейк выяснил адрес первого покупателя револьвера. Это Френк Байнам из Риверсайда. Он обещал разобраться с этим делом к нашему приезду. Как только прилетим в аэропорт, сразу же позвоним ему. Хотелось бы опередить полицию по части этой улики.

Затем они переключились на другую тему и умолкли, лишь когда самолет заметался при встречном сильном ветре, пролетая над холмистой местностью поблизости от Сан-Хуан-Капистрано. За ней потянулись пашни, затем появились отдельные постройки, которых становилось все больше и больше по мере приближения к Лос-Анджелесу. Здесь самолет пошел на снижение, готовясь к посадке в аэропорту.

— Свяжись с Полом Дрейком, пока я расплачусь с пилотом, — сказал Мейсон, и Делла Стрит, кивнув, поспешила к таксофонам.

Мейсон расплатился с пилотом и торопливо зашагал к телефонным кабинам аэровокзала. Он знал, что, когда увидит лицо Деллы Стрит в дверное стекло телефонной кабины, она уже будет располагать необходимой информацией.

Делла толкнула дверь и сказала:

— Встреча с Френком Байнамом уже состоялась. Он говорит, что револьвер отдал своей сестре для самообороны. Она снимает апартаменты «Диксиленд», номер двести шесть. Дрейк интересуется, вы не против того, чтобы он ей позвонил?

— Скажи Полу, пусть его попридержит, чтобы тот не смог связаться с сестрой. Я сам ей позвоню, — сказал Мейсон. — А ты возьми такси до офиса и уже оттуда позвонишь Эдварду Гарвину в гостиницу «Виста де ла Меса» в Тихуане. Как дозвонишься, в первую очередь возьми у него список акционеров, которых можно вызвать по телефону на дневное собрание. После этого расскажешь ему о том, что произошло. Убеди его остаться в Мексике и ни в коем случае не поддаваться на уговоры полиции вернуться для опознания или еще чего-нибудь в Штаты. Возьми с него слово не давать репортерам интервью. И не рассказывай о смерти его жены слишком подробно. Расскажи ему обо всем в общих чертах. Я еду. — И Мейсон побежал к стоянке такси.

В апартаментах «Диксиленд» не оказалось ни коммутатора, ни клерка, но зато имелся список жильцов, каждому из которых сбоку соответствовала своя кнопка вызова.

Мейсон нашел имя мисс В.К. Байнам и указательным пальцем нажал на кнопку, расположенную справа от таблички.

Мгновение спустя телефонная трубка, висевшая на крючке у двери, издала пронзительный звук, и адвокат, подняв ее, сказал:

— Алло, я ищу мисс Байнам.

— Кто вы и что хотите? — спросил голос. Мейсон решил прибегнуть к хитрости:

— У меня для нее посылка, за доставку нужно заплатить двадцать три цента, — соврал

он. — Не хотите спуститься сюда и принять ее?

— Ох, минуточку. Я сейчас спущусь... а вы бы не могли быть столь любезны подняться в комнату двести шесть? Я как раз одеваюсь и...

— Хорошо, я поднимусь, — охотно согласился Мейсон.

Раздался электрический сигнал, разрешающий открыть дверь, и адвокат, толкнув ее, вошел в длинный, слабо освещенный вестибюль.

Комната за номером 206 оказалась на втором этаже, поэтому Мейсон поднялся на него пешком и пошел по коридору, отыскивая нужный номер.

Когда он был уже в ярде от двери комнаты 206, она распахнулась, и появилась молодая женщина, именно та, которую он уже однажды видел на пожарной лестнице. Тогда она представилась Вирджинией Колфекс. Девушка наспех набросила халат, придерживая его спереди левой рукой. В протянутой правой руке были приготовлены двадцать три цента.

— Где посылка? — спросила она и вдруг, узнав Перри Мейсона, с поспешностью отпрянула назад, невольно испуганно вскрикнув.

Мейсон сказал:

— Посылку вы выбросили и потом подобрали.

Он проник в комнату, воспользовавшись ее растерянностью.

— Вы!.. Как вы нашли меня?

Мейсон, прикрыв за собой дверь, произнес:

— У нас мало времени для разговора, поэтому давайте ближе к делу. Итак, признайтесь, когда вы заметили, что я увидел револьвер, вы его выбросили.

— Почему я...

— Позже я осмотрел переулок, — сказал адвокат, — и не смог его найти, а значит, либо с вами действовал сообщник, либо вы бросили револьвер куда-нибудь, где я не смог бы найти, а позже вернулись за ним и подобрали.

Она уже успела прийти в себя.

— Мистер Мейсон, я одеваюсь...

— Я хочу знать все об этом револьвере.

— Посидите, — попросила она, — пока я не закончу одеваться. Комната небольшая. Я только возьму одежду, схожу в ванную комнату и...

— Сначала вы мне расскажете о револьвере, — настаивал Мейсон.

— Я вам уже говорила тогда, что у меня не было револьвера.

— Револьвер, — продолжил он, — дал вам ваш брат, Френк Байнам, который живет в Риверсайде. Сегодня ночью он был использован при убийстве миссис Эзел Гарвин. Рано или поздно вам придется давать показания, стоять в суде и рассказывать присяжным заседателям все, что вы знаете о револьвере, и как вы шпионили на пожарной лестнице у окон кабинета корпорации «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани». Считайте, у вас сейчас генеральная репетиция, своего рода подготовка, так что вам предоставляется исключительный случай отшлифовать изложение всей истории до совершенства.

— Мистер Мейсон, я... тот револьвер... Эзел Гарвин! Боже мой!

— Так, давайте-ка начнем излагать историю.

Она села как подкошенная, сраженная тем, что сообщил ей Мейсон.

На мгновение наступила тишина. Затем Мейсон произнес:

— Если вы убили ее, то вам лучше ни мне, ни кому-либо еще не рассказывать об этом, пока вы не переговорите со своим адвокатом. Но если есть другое объяснение, то для меня чрезвычайно важно знать его. Я представляю интересы Эдварда Гарвина.

— Он... ваш клиент?

— Да.

— А при чем тут он?

Мейсон нетерпеливо покачал головой и резко сказал:

— Бросьте записаться. Как вы оказались к этому причастны?

— Я... ту ни при чем.

— Как же ваш револьвер попал в руки убийцы?

— Несколько недель назад его у меня украли, — отбивалась она. — Я хранила его прямо здесь, в этом ящике. Посмотрите сюда, я покажу, где он лежал. — Она направилась к ящику и сказала: — Полюбуйтесь, вот здесь, в этом углу.

Мейсон даже не шелохнулся в кресле. Он вытащил портсигар, открыл его и протянул ей сигарету.

Она отказалась, покачав головой, и снова указала на ящик:

— Вот, посмотрите, он лежал в этом углу. В картонной коробке остались следы смазки. Мой брат начитался в газетах о всплеске преступности и об изнасиловании девушек и решил, что его оружие будет надежным подспорьем для моей самозащиты. Кроме того, он настаивал, чтобы я ночью не отвечала на звонки и...

— Когда он пропал?

— Честно говоря, я не знаю точно. Я обнаружила пропажу, лишь когда полезла в ящик за вещами. Вы видите, здесь у меня лежат чулки и нижнее белье. Совсем недавно... о, я не знаю, возможно, три или четыре недели...

Мейсон с недоверием в голосе сказал:

— Той ночью, когда я застал вас врасплох на пожарной лестнице, в вашей руке был револьвер. Вы заметили, что я его обнаружил, и бросили вниз, в переулок. Чтобы улизнуть, вы успешно надули меня. После вашего бегства я пошел в переулок с единственной целью найти его. Но его там не оказалось. Если бы он там был, я бы, несомненно, нашел его. Припоминаю: там были ящики, контейнеры с разным хламом и корзины с макулатурой. Я рассчитывал найти револьвер на тротуаре, но не нашел его там. Что же с ним приключилось?

— Я уже сказала вам, его украли и...

— Я утверждаю, что видел его позавчера ночью в вашей руке, — настаивал Мейсон.

— Вы сможете присягнуть в том, что это был именно тот револьвер?

Мейсон улыбнулся.

— Нет, мисс Прокурор. Я не могу этого сделать, но клянусь, это был револьвер, и полиция уж непременно дознается.

Мгновение она колебалась, а потом сказала:

— Мистер Мейсон, я действительно не знаю, у кого оказался револьвер. Это все, что я могу сказать. Вы правы, я выбросила его тогда, и с тех пор оружия у меня не было.

— Что вы делали на пожарной лестнице?

— Следила за одним человеком, находившимся в кабинете фирмы «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани».

— За кем?

— Точнее говоря, я притаилась там, чтобы наблюдать за тем, что происходило ночью в офисе. Я прямо опешила, когда открылась дверь и вошла женщина, которую я никак не ожидала встретить в этом месте и в это время. Этой была первая жена Эдварда Гарвина.

— Что она делала?

— Мне так и не суждено было узнать об этом. Вы помешали. Она держала в руках пачку бумаг, которые, как я сейчас думаю, скорее всего были доверенностями. Эзел Гарвин открыла ящик с уже оформленными доверенностями в тот самый момент, когда вы застали меня за моим

занятием и, увы, выдворили меня оттуда.

— Почему вы следили за кабинетом? За кем вы следили?

Она округлила свои и без того огромные глаза и сказала:

— За секретарем-казначеем фирмы. Его зовут Денби.

— Вы его знали?

— Да.

— Хорошо?

— Нет.

— Почему вы следили?

— Потому что моя мать вложила все свои деньги в эту компанию, и я боялась, что она обанкротится.

— Теперь кое-что проясняется, — сказал адвокат. — Что заставило вас думать, что компании грозит крах?

— Я думала, что было что-то... ну, скажем так, странное в ее делах.

— Что навело вас на эту мысль?

— Мама получила по почте еще один формуляр на оформление доверенности. Она всегда посылала доверенности на имя мистера Гарвина. Так все поступали. Все пайщики полностью доверяли администрации компании. Она гарантировала хорошие дивиденды. Думаю, что такое положение вещей всех устраивало. Я тоже хотела бы, чтобы все было по-прежнему.

Адвокат сказал:

— Послушайте, довольно ходить вокруг да около. Вы что-то пронюхали. Неспроста вы были в столь поздний час на пожарной лестнице с револьвером в руке. Вы же не собирались его использовать в качестве декорации. Вы намеревались его использовать с определенной целью.

Она возмутилась:

— Я просто собиралась использовать его в целях самозащиты, мистер Мейсон. Дело в том, что я всегда беру его с собой, когда мне приходится быть где-нибудь поздно ночью. Я устроилась на работу стенографисткой и иногда работаю по ночам. Фирма в трех кварталах отсюда. Я возвращаюсь домой пешком. В такое время всякое может случиться — ну, вы читаете в газетах о случаях с девушками, подвергшимися нападению, поэтому я вынуждена носить револьвер. Вот почему мой брат дал мне его. Конечно, мне не следовало носить его без официального разрешения, но вы же понимаете, что в жизни могут возникнуть всякие непредвиденные обстоятельства. Все очень просто.

— А почему тогда вы взяли его с собой и держали в руке наизготовку, когда находились на пожарной лестнице? На вас никто не нападал.

— Потому что я испугалась. Я не знала, что произойдет, если меня поймают.

— Так все же, что вы делали на пожарной лестнице?

— Как я вам уже говорила, мистер Мейсон, моя мама получила второй бланк доверенности и заполнила его, а потом при встрече со мной, когда случайно зашел разговор о компании, она поведала мне об этом. Я никак не могла понять, почему были высланы две доверенности подряд, но сначала не придавала этому особого значения, пока она не упомянула о том, что последняя доверенность несколько отличалась по содержанию от тех, которые обычно присылались до этого случая. Эта доверенность оформлялась на номер сертификата фондовых акций Гарвина. Ну, я начала сомневаться и пошла в компанию, где спросила у секретарши, кто в офисе занимается организационными вопросами, в частности, готовит проведение собрания пайщиков, а затем, назвавшись, попросила разрешения взглянуть на доверенности моей матери.

— И что же?

— Девушка ушла и сообщила об этом мистеру Денби. Он встретился со мной. При

разговоре все время улыбался, был подчеркнуто вежлив. Выслушав уже от меня мою просьбу, он сказал, что не имеет ничего против того, чтобы показать мне доверенность, присланную моей матерью. Денби вышел и вернулся с первой доверенностью, которая была оформлена на имя Э.К. Гарвина. В ней не был указан номер сертификата.

— Поэтому вы забрались на пожарную лестницу и... Она спросила:

— Мистер Мейсон, вам кажется это абсурдным?

— Честно говоря, мне кажется это несколько подозрительным.

Она изо всех сил боролась с зевотой, прикрывая рот ладонью. Покрасневшие веки свидетельствовали о том, что последнее время она недосыпала.

— Продолжайте.

— Если хотите, назовите это женской интуицией. Я не знаю, как еще объяснить, однако в любом случае я всегда доверяла своим предчувствиям. По пути в офис я обратила внимание на вывеску, которая гласила, что в здании находится сыскное агентство Дрейка, открытое двадцать четыре часа в сутки, и что от посетителей, приходивших в агентство, регистрации не требовалось.

Я долго думала об этом и в конце концов решила пойти в сыскное агентство Дрейка со своим делом.

По пути в агентство меня осенила блестящая мысль. Я вспомнила, что лестничная площадка пожарной лестницы примыкала к окну горнопромышленной компании. Я покинула этаж, на котором расположено сыскное агентство, прошла по ступенькам на два пролета выше, затем, разыскав, лестничную площадку пожарной лестницы, забралась на нее и, крадучись, спустилась по ней на один пролет. Так я оказалась прямо у окна офиса корпорации.

Окно было чуть приоткрыто. Я боролась с искушением проникнуть через него в комнату, но тут неожиданно за матовым стеклом входной двери возникла чья-то тень. Благодаря коридорному освещению было очевидно, что этот некто подбирает ключ к двери офиса.

Меня прямо бросило в жар. При мысли, что я только что собиралась войти, чтобы посмотреть картотеку, из которой мистер Денби доставал мамину доверенность, и меня могли застать за этим занятием, мне стало дурно. Одной ногой я опиралась на подоконник.

— Продолжайте, — сказал Мейсон.

— Ну, я быстро ретировалась и начала спускаться вниз по пожарной лестнице. В этот момент неизвестный уже вошел в комнату и включил свет. Я сообразила, что он освещает не только комнату, но и пожарную лестницу, а значит, меня могут заметить, поэтому я опустилась еще ниже и наткнулась на вас. Вы уставились на мое платье, которое, на ваше счастье, мистер Мейсон, от сильного ветра вздулось парашютом, — сказала она и обезоруживающе улыбнулась. — Только безвыходность моего положения заставила меня войти к вам.

— Тоже мне счастье, — произнес Мейсон. — Но в смелости вам отказать действительно трудно.

— Вам только кажется, мистер Мейсон. Сожалею и прошу извинить меня за ту пощечину.

— Ну что ж, я у вас в долгу. Девушка нервно засмеялась:

— Я вам не доверяла. Я не чувствовала, что вам можно было рассказать о том, что привело меня на пожарную лестницу... Мне казалось, что вы не поверите моему отчаянному положению.

— А теперь почему-то вы рассказываете весьма охотно.

— Сейчас совсем другое дело. Вы пришли ко мне. Когда я вас увидела, мне сразу стало понятно.

— Что же вам понятно? — спросил адвокат.

— Что вы нашли мой револьвер. Я почувствовала, что с ним связано что-то неладное.

— Вы уверены, что рассказали о револьвере все? — настаивал Мейсон.

— Я не выбросила его в переулок, а лишь сделала вид. Вместо этого я положила его у стенки лестничной площадки. Позже, когда я вернулась за ним, его там не оказалось. Я решила, что вы догадались, где он может лежать, и забрали его. Наверное, по номеру оружия вы вышли на моего брата и затем на меня. Вот как все было!

Адвокат спросил:

— Вирджиния, как вы узнали, что револьвер пропал? На мгновение выражение ее глаз переменилось, но затем, быстро справившись с собой, она открыто взглянула ему в лицо.

— Очень просто: наклонилась и посмотрела.

— Очень познавательно, — съязвил Мейсон.

— Прошлым вечером, как только стемнело, я прошла в здание и провела в нем всю ночь. Вот почему я так поздно встала сегодня утром. В офисе работали всю ночь. Пребывая на пожарной лестнице длительное время, я почти околела. Я с надеждой взглянула на ваш кабинет и подумала, что сейчас отдала бы все, лишь бы согреться в нем.

Вы дежурили именно этой ночью? — спросил Мейсон.

— Да, всю ночь.

— Расскажите мне об этом поподробнее.

— Ну, — продолжала она, — я подождала, когда уборщица покинет помещение, затем проделала все так же, как и накануне, поднялась на этаж, где расположено сыскное агентство Дрейка.

— Но к нему вы не пошли. Что же вы сделали?

— Поднялась двумя этажами выше, вышла на площадку пожарной лестницы и прокралась к тому месту, где оставила револьвер. Его там не оказалось. Это меня встревожило.

— Давайте оставим это. Я, кажется, понял, почему вы так бойко щебечете.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

— Ничего, — ответил адвокат.

— Давайте ближе к делу.

— Ваши слова бьют хуже пощечины.

— Не сомневаюсь, — сказал Мейсон. — Рассказывайте вашу историю дальше.

— Я стояла в раздумье, как вдруг на меня обрушился сильный ветер, и начался дождь. Отправляясь туда, я захватила с собой теплую одежду, связав ее в узел. Моя экипировка была рассчитана на длительный срок пребывания на пожарной лестнице: шерстяной свитер, кожаное пальто поверх него, брюки и спортивная шапочка.

— И вы оставались там всю ночь?

— Всю ночь.

— Вам не кажется это несколько неправдоподобным, чтобы кто-то, подобно вам, мог отважиться прийти туда — ох, скажем, в час или два ночи?

— У меня не было другого выбора, мистер Мейсон. Собрание пайщиков состоится сегодня в два часа дня. Я собираюсь быть там и отстаивать мамины интересы. И вот что я вам скажу: в этой компании происходит нечто странное. Все держится на обмане.

— Что заставило вас так думать?

Она ответила:

— Тот мужчина, который выполняет обязанности секретаря и казначея корпорации — по моему, его зовут Денби, — пробыл в кабинете всю ночь, занимаясь какими-то делами.

В глазах Мейсона появился интерес.

— Какими делами?

— Я не уверена, следует ли мне рассказывать вам об этом, мистер Мейсон. Я не знаю,

какая у вас будет реакция. По моему суждению, вы представляете интересы человека, враждебного мне и моей маме.

Мейсон сказал:

— Тем не менее, вы уже довольно много рассказали. Давайте все-таки выясним до конца, что же действительно происходило. Итак, что делал Денби?

— Он все время диктовал. Сначала я подумала, что этот Денби выполняет сверхурочную работу: он сидел и диктовал в диктофон восемнадцать протоколов. В общем, ничего особенного: верный компании человек старается выполнить работу, которую необходимо было успеть сделать к собранию пайщиков. Но потом я начала сомневаться.

— Почему?

— Он начал просматривать картотеку, потом принялся вытаскивать оттуда бумаги и складывать их в кейс. Это выглядело подозрительно. Смахивало на побег кассира. Затем он открыл сейф и взял из него еще какие-то бумаги и тоже положил их в кейс. После этого он занялся книгами, делая цифровые записи с различных страниц, и именно то, как он это проделывал, меня и насторожило.

— Долго он был там? — спросил Мейсон.

— Когда я подошла к окну, он уже был там, и оставался всю ночь напролет. Могу поручиться за это.

Я, как пластырь, была приклеена к пожарной лестнице до самого рассвета. Когда стало светать, я почувствовала себя ужасно незащищенной. Меня могли заметить как жители соседних домов, так и секретарь-казначей. Поэтому я вскарабкалась по лестнице на верхний этаж, проникла в коридор, походила по нему, стараясь согреться. Затем сложила верхнюю одежду в узел из пледа. В это время лифт начал ходить регулярно, так что меня могли обнаружить, поэтому я спустилась по лестнице на этаж, где находится кабинет Дрейка, и нажала на кнопку вызова лифта. На нем я приехала на первый этаж и благополучно покинула здание.

Дома я приняла горячую ванну, выпила немного кофе и решила, что мне следует часика два-три поспать. Обеспокоенная сознанием надвигающейся беды, чтобы не проспать, я завела будильник на утро. Мне нужно было присутствовать на собрании и что-нибудь предпринять, защищая мамины интересы.

— Где вы жили раньше? — поинтересовался Мейсон.

— В Айдахо.

— И там же работали?

Она возмутилась:

— Мистер Мейсон, почему вы без конца суετε нос в мою жизнь?

Адвокат усмехнулся.

— Мое лицо до сих пор горит от вашей пощечины. Это дает мне некоторое право.

Вирджиния сказала:

— Ну уж если вы так настаиваете... Я работала в Айдахо совсем недолго. Я из тех женщин, которые любят риск и перемену обстановки. Мне приходилось работать и на предприятиях горной промышленности, и в казино.

— В Айдахо есть казино?

— Сейчас уже нет, — уточнила она, — но несколько лет назад были. В горных районах в игорных домах имелись разного рода азартные игры — рулетка, игровые автоматы и многое другое. В ходе игры я способна сохранять хладнокровие, собрана, четко оцениваю ситуацию. К тому же, я из тех, кого называют везучими. Все признавали, что у меня цепкий глаз.

Внезапно она пересекла комнату, села на широкий подлокотник кресла, в котором сидел

Мейсон, и улыбнулась ему.

— Я очень хорошо разбираюсь в людях, — промолвила она бархатным голосом. — Работа в казино научила меня этому. Я знаю, вы видите людей насквозь. И это прекрасно, мистер Мейсон. Вы, несомненно, справедливый человек. Посетители казино считают, что с девушками, работающими в подобных заведениях, можно вести себя свободно. Я была просто вне себя, когда кто-нибудь позволял себе какую-либо вольность, поэтому я держалась подчеркнуто холодно, и поверьте мне, мистер Мейсон, такая работа требует особой взыскательности к себе.

Вот почему я рассердилась, когда вы обыскивали меня. Надо отдать вам должное, во время обыска вы были весьма корректны. За это я, право, очень вам признательна.

Она улыбнулась, положила руку на его плечо и, склонившись к нему так, что ее лицо оказалось совсем рядом, сказала:

— Вы знаете...

Ее слова были прерваны повелительным стуком в дверь.

Девушка быстро вскочила с подлокотника кресла, при этом ловко запахнув халат.

Удары в дверь возобновились. Вирджиния Байнам с тревогой взглянула на Мейсона. Стук же становился все более настойчивым.

— Кто... кто там? — крикнула девушка.

— Уголовная полиция, сержант Голкомб. У меня ордер на обыск. Открывайте!

Вирджиния Байнам, побледнев, направилась к двери, повернула ключ и открыла ее.

Сержант Голкомб, толкнув плечом дверь, стремительно вошел в комнату.

— Доброе утро, сержант, — поздоровался с ним Мейсон и, обернувшись в сторону девушки, заметил: — Думаю, мое присутствие сейчас очень кстати.

— Ошибаетесь, — заявил полицейский, — сейчас вам придется покинуть комнату.

Глава 10

Как всегда Пол Дрейк занял свою излюбленную позу в большом кресле Мейсона.

— Я потихоньку начинаю складывать разрозненные факты воедино. А в начале — просто хаос какой-то.

— Чем порадуешь, Пол?

— Сдается мне, этот Хекли — крепкий орешек, Перри. Похоже, полиции о нем ничего не известно. По-моему, в нем ключ к развязке всей этой истории.

— Когда наступила смерть?

— Насколько точно могут утверждать врачи при осмотре трупа, это произошло около часа назад. Они учитывают температуру тела, кроме того, принимают во внимание и другие факторы. В общем, предварительно полиция считает, что время смерти — час ночи.

— Она действительно покинула апартаменты «Монолиз» в девятнадцать минут одиннадцатого?

— Да... Медицина, конечно, бессильна фиксировать время смерти с абсолютной точностью. Ее могли убить, как только она добралась до Океансайда, или это могло произойти час спустя.

Мейсон напомнил:

— Она наполнила бак машины бензином. Едва ли убийца, застрелив ее, потом сам залил бак. Должно быть, она сделала это сама.

Дрейк кивнул.

— Но до станции обслуживания она не доехала, и значит, бак там не заполняла.

— Ты полагаешь, она останавливалась на ранчо Хекли? — спросил Дрейк.

— Я почти не сомневаюсь.

Дрейк закурил сигарету, задумчиво проследил за движением струи дыма, плавно поднимающейся от нее к потолку, и наконец, медленно произнес:

— Перри, у полиции уже есть версия убийства. — Какая?

— Они считают, что ее убили не там, где обнаружили тело.

— Да?

— Полагают, что она открыла дверцу машины и кому-то позволила сесть в нее. Он и вел машину дальше, миссис Гарвин же сидела справа от него. Затем этот некто, выбрав подходящий момент, выхватил револьвер и выстрелил ей в висок. Убив ее, он оттолкнул тело к противоположной стенке машины, а дальше подкатил автомобиль к месту, где и нашли тело. Там убийца, кто бы он ни был, вышел из него и положил Эзел Гарвин таким образом, что она оказалась позади рулевого колеса, создав тем самым видимость, что она была застрелена в движущейся машине.

— Стоп, — сказал Мейсон. — Это противоречит фактам, Пол. Твой человек тщательно осмотрел все вокруг в поисках следов машины и ничего не нашел. Разумеется, там было далеко не лучший грунт для поисков следов, но, несмотря на это, ему бы следовало...

— Знаю, знаю, — прервал его Дрейк. — Тем не менее послушай, Перри. По-видимому, другая машина стояла чуть поодаль от того места, где было обнаружено тело. Мужчина, подъехав на машине с телом Эзел Гарвин, осторожно подрулил к другой машине так, чтобы суметь открыть дверцу первой и пересесть во вторую. На ней преступник и уехал после того, как расположил тело позади рулевого колеса и бросил револьвер.

Мейсон сказал нетерпеливо:

— Более нелепого убийства не придумаешь.

Не будь столь категоричным, посоветовал Дрейк. — Это как раз не тот случай. Тому есть доказательства, Перри.

— Какие?

— Во-первых, машина, на которой сбежал преступник, действительно была там припаркована.

— Как полиция может это утверждать?

— Она не может быть абсолютно уверенной в этом. Полиция только предполагает. На мягком грунте пляжа обнаружены следы, оставленные человеком. Они ведут от припаркованной машины к шоссе. Обратных следов не оказалось.

— Дальше.

— Во-вторых, скорее всего, на револьвере есть отпечатки пальцев Гарвина.

Мейсон от такого сообщения прямо рухнул в кресло.

— Что такое?

Дрейк принялся объяснять:

— Полиция выяснила, что револьвер принадлежит Френку Байнаму. При допросе он сказал, что отдал его своей сестре Вирджинии. Полицейские буквально шли за вами следом в поисках девушки. Сначала она заперлась, но потом рассказала им историю о ночном наблюдении за офисом горнопромышленной корпорации с целью защиты вкладов ее матери в эту компанию. Она даже сообщила им о том, как вы, обнаружив ее на пожарной лестнице, заставили войти в свой кабинет. Она призналась, что именно в тот момент и рассталась с револьвером, поскольку поняла, что вы заметили его, и сделала вид, что выбросила его в переулок. Вместо этого, показав вам свои стройные ноги и используя свое тело как щит, положила револьвер на площадку пожарной лестницы. Так она отвлекла ваше внимание от револьвера.

— Ну и ну, — с насмешливым упреком проговорила Делла Стрит.

— Пусть будет так, — махнул рукой Мейсон. — Продолжай, Пол. Что случилось потом?

— А дальше, — продолжил Дрейк, — полиции стала известна важная подробность. Оказывается, на следующий день, после того как проконсультировался у тебя, Гарвин зашел в офис корпорации. Остановившись у окна, он пристально посмотрел в переулок. Затем заметив что-то краем глаза, он обратился к секретарю-казначее Джорджу Л. Денби: «Послушайте, Денби, что за дьявольская штука лежит вон там, на пожарной лестнице?»

— Так, — проговорил Мейсон. — События развиваются как по сценарию. Что же дальше?

— Насчет сценария — это мы проверим, — заверил Дрейк и продолжил: — Денби подошел к окну и, выглянув из него, сказал: «Боже мой, мистер Гарвин, это же револьвер!» Президент компании Френк Ливсей, который тоже присутствовал при разговоре, присоединился к ним. Не долго думая, он выбрался через окно на пожарную лестницу и подобрал оружие. Осмотрев револьвер, он крикнул своим компаньонам: «Револьвер заряжен!» — и, вернувшись в офис, отдал оружие Денби. Тот, в свою очередь изучив револьвер, передал его Гарвину. Гарвин кое-что понимал в этом деле. Обследовав оружие, он изрек: «Револьвер в отличном состоянии. Если бы его оставили здесь давно, он бы уже покрылся ржавчиной, значит, кто-то был здесь совсем недавно. Интересно, кто это мог быть?» Затем все трое принялись ломать голову над вопросом: как поступить с оружием? Денби предложил вызвать полицию, но Гарвин воспротивился. Перед собранием акционеров он боялся всякой нежелательной огласки.

— Так, та-а-к, — протянул Мейсон. — Дело становится действительно любопытным. В нашем распоряжении револьвер, который впоследствии стал орудием преступления, да к тому же на нем отпечатки пальцев трех ключевых фигур этой истории.

— Но они все имеют алиби, — торопливо проговорил Дрейк. — Ливсей собрался пойти выпить чашечку кофе, сказав, что на следующий день рано утром ему предстоит неотложная

работа по оформлению документов к собранию пайщиков. Гарвин же, как бы между прочим, заявил буквально следующее: «Ливсей, я прямо сейчас уезжаю со своей женой в небольшое путешествие. Я намерен взять отпуск до собрания и отключиться от всяких дел. Мой кабриолет стоит перед входом. Я прошу тебя положить этот револьвер в мою машину, в отделение для перчаток. Мне хочется осмотреть его повнимательнее, по-моему, это отличный экземпляр».

— А потом что?

— Ливсей спустился, захватив с собой револьвер. Оглядевшись, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает, он бросил оружие в отделение для перчаток, как просил Гарвин, а затем отправился пить свой кофе. После его возвращения они все трое принялись обсуждать кое-какие вопросы, связанные с предстоящим собранием. Гарвин отдал напоследок некоторые распоряжения. Затем он и Денби вместе спустились в лифте на первый этаж. Думаю, в тот момент, когда отдавались последние распоряжения, секретарша Гарвина и выписала чек на тысячу долларов, предназначенный тебе. Сказал это, Дрейк хитро взглянул на адвоката, а затем продолжил:

Теперь, что касается истории с револьвером — Денби вспомнил, что, покинув здание с Гарвином, он заметил, как тот проверил отделение для перчаток. Затем Денби сел в свою машину и уехал. Девушка же, оставившая револьвер на пожарной лестнице, утверждает, что не видела оружия с тех пор, как вошла в твой кабинет, где ты с пристрастием обыскал ее...

— Ох, ох, ох, — насмешливо проговорила Делла Стрит.

— Прекрати свое ребячество, Пол. К тебе, Делла, это тоже относится, — одернул напарников Мейсон. — Эта бестия так и кружила вокруг моего кабинета. Я был просто уверен, что она кралась по лестнице, чтобы выстрелить в меня, пока я сплю. У меня совсем не было желания приглашать эту девицу в свой кабинет, но иного выхода обезопасить себя я не видел.

— Я же ни в чем не осуждаю тебя, — извиняющимся тоном произнес Пол.

— Делла, пожалуйста, свяжись с Эдвардом Гарвином, — обратился адвокат к своей секретарше.

Делла Стрит уселась перед телефоном.

— Как обстоят дела с хронологией событий? — спросил Мейсон. — Полиция выяснила, что делал каждый из них? Где, когда и почему?

— Ты имеешь в виду алиби на время совершения убийства?

— Именно.

Они провели предварительный опрос. Только пойми меня правильно, Перри, полиция со мной информацией не делится. Я суммировал все, что смог вытянуть из газетной хроники, ну и наскреб понемножку отовсюду.

Мейсон отпустил ему комплимент:

— Ты всегда ухитряешься все сделать на высшем уровне, Пол. Чем сейчас занимается полиция?

— Сначала они допросили Денби. Тот всю ночь проработал здесь в офисе, с книгами, диктуя некоторую корреспонденцию и подбирая материалы для собрания акционеров. Он действительно выглядит очень усталым. Секретарь-казначей всю ночь диктовал за столом своей секретарши до тех пор, пока она не пришла этим утром. К тому же, его рассказ абсолютно совпадает с тем, что он говорил Ливсею, когда тот рано утром позвонил ему, еще до того, как стало известно об убийстве миссис Гарвин. Это также подтверждается показаниями Вирджинии Байнам, адрес которой полиция вычислила буквально через полчаса, по номеру револьвера. Прошлой ночью она снова наблюдала за офисом корпорации. Полиция потребовала описать, что она видела. Ее повествование и послужило подтверждением алиби как Денби, так и ее самой. Но тем не менее полиция не исключает, что у Денби имелся мотив преступления.

— История с Вирджинией, о которой она поведала мне и полиции, просто фантастична. Однако иногда и фантастические истории бывают правдивы, — заметил Мейсон и спросил: — А что Ливсей?

— Ливсей — холостяк. Он в это время, как и полагается ночью людям, спал у себя дома.. Он сказал, что, к сожалению, не может доказать свое алиби, потому что спал один, на что полиция ему посоветовала на будущее занять жену, чтобы защищать в подобных случаях свою невиновность.

— Что ж, они правы, — согласился Мейсон.

— Естественно, теперь полиция хочет побеседовать с Гарвином. Они знают, что он во что бы то ни стало будет на собрании, прервав медовый месяц со своей новой женой. Они собираются навалиться на него с вопросами по тяжести в тысячу тонн кирпича, когда он...

— Шеф, ваш вызов, — прервала их беседу Делла Стрит.

— Гарвин на линии?

— Да.

Мейсон, взяв трубку, произнес:

— Алло, Гарвин? Говорит Мейсон. Я хочу задать вам несколько вопросов. Мне нужно, чтобы вы были очень точны в ваших ответах.

— Силы небесные, Мейсон! — вскричал Гарвин. — Кошмар! Ужас! В это просто невозможно поверить... Почему вы уехали? Почему вы не разбудили меня?

— Я подумал, что вам будет неприятно, если вас кто-нибудь побеспокоит.

— Да вы соображаете, что говорите?.. Случилось такое... а вы ничего не сказали, просто взяли и уехали. Мейсон, я хочу вернуться, хочу разобраться во всем, что произошло. Хочу...

— Оставайтесь там, — перебил его адвокат, — и держите себя в руках. Еще... Не беспокойтесь о собрании акционеров. Делла поработала с тем списком, который вы дали ей. На собрании лично будут присутствовать верные вам акционеры. Так что все доверенности можно выбросить в окно. Полагаю, на собрании все пройдет гладко.

— Но я хочу сам присутствовать на собрании, Мейсон. Я должен быть на нем. Если я потеряю компанию...

— Вы должны сидеть тихо, — сказал адвокат, — и не нужно беспокоиться. Не волнуйтесь. Ни с кем не говорите об этом. Не покидайте гостиницу до тех пор, пока у меня не появится возможность приехать к вам, а если кто-то разыщет вас, не отвечайте ни на какие вопросы. Просто отказывайтесь говорить, пока не придет ваш адвокат.

— Но поймите, Мейсон, это представит меня в ложном свете.

— Здесь я бессилён помочь. Есть много версий в этой истории, о которых вам пока ничего не известно. Послушайте меня внимательно. Ответьте на вопросы, при этом будьте осторожны в словах.

— То есть?

— Я имею в виду название предмета. Теперь слушайте. Вчера утром, выглянув из окна вашего кабинета, вы заметили кое-что на пожарной лестнице, какой-то предмет?

— На пожарной лестнице?

— Да, металлический предмет...

— Ох, да, вспомнил. Ну да, я указал на...

— Осторожно, — предупредил Мейсон, — если возможно, постарайтесь не говорить открытым текстом. Помните: перегородка между телефонными кабинетами тонкая, как бумага. Сама дверь достаточно плотная, но стенка совсем другое дело.

— Ливсей вылез из окна и подобрал его. Мы обсудили, как с ним поступить, и я... я в итоге велел Ливсею положить его в отделение для перчаток в моей машине. Он как раз собирался

сходить выпить чашку кофе. Я хотел изучить этот предмет, сказать по правде, мистер Мейсон, я совсем о нем забыл... об этой вещи. Он должен быть сейчас в моей машине.

— Сходите и убедитесь в этом, — попросил адвокат.

— Прямо сейчас?

— Именно сейчас. Положите трубку на полку, сходите и посмотрите. Я подожду. Ваша машина стоит там же?

— Да.

— Еще, подождите минуточку, — сказал Мейсон, — это очень важно. Вы не отдали ключи от вашей машины женщине, которая дежурила в гостинице этой ночью?

— Нет, я забыл. Я собирался. Положил в карман и... но в этом не было необходимости. Им не нужно было подгонять утром машину к парадной двери.

— Ну хорошо. Скажите, ключи оставались в кармане всю ночь?

— Конечно. Машина стоит на том же месте, где я оставил ее прошлой ночью.

Мейсон сказал:

— Так сходите, посмотрите и скажите мне, если тот предмет там.

— Хорошо, — ответил Гарвин. — Подождите. Мейсон, держа трубку телефона и легко постукивая кончиками пальцев по крышке стола, ждал его несколько минут, прежде чем смог услышать по телефону звук быстрых шагов Гарвина, возвращавшегося в телефонную кабину. Затем он услышал и его возбужденный голос:

— Мейсон, он исчез!

— Так, — спросил Мейсон, — когда он пропал?

— Черт побери, должно быть, его взяли еще до того, как я уехал из Лос-Анджелеса. Здесь его никто не мог взять.

— Вы уверены в этом?

— Ну, откуда мне об этом знать точно? Я точно знаю только то, что он исчез, знаю, что его туда положил Ливсей...

— Вы видели его...

— Да, да. Спустившись, я убедился в этом. Он тогда был там.

— А когда потом вы снова туда заглянули?

— Только теперь. Пойдите, нет. Минуточку. Лоррейн могла видеть, как только мы тронулись в путь. Я попросил ее открыть отделение для перчаток и достать мне солнцезащитные очки. Я хотел вести машину в них.

— А где сейчас Лоррейн?

— Здесь. В вестибюле. Минуточку.

— Только не стоит волноваться и говорить об этом при людях. Это нежелательно, — предупредил Мейсон. — Пригласите ее в телефонную кабину, и все.

— Ладно.

Мейсон услышал звук открывавшейся двери и невнятный разговор. Потом Гарвин сказал:

— Она здесь.

— Прекрасно. Спросите ее, видела ли она интересующий нас предмет, когда доставала солнцезащитные очки и...

— Я уже спросил, — ответил Гарвин. — Она говорит, что, когда брала очки, того предмета там не было.

— Но вы же говорили, что, спустившись из офиса, вы видели его там.

— Да.

— Вы сразу уехали?

— Я... нет, минутой позже. Я ходил к табачной палатке, чтобы купить сигареты. Потом я

вернулся в машину и поехал к жене. Она уже собрала багаж. Потом мы уехали.

Адвокат сказал:

— Хорошо. Оставайтесь в гостинице. Ничего не предпринимайте до моего приезда. Буду у вас прежде чем стемнеет.

Когда приехал Мейсон, Гарвин прохаживался по вестибюлю гостиницы «Виста де ла Меса». От звука открывающейся двери он резко обернулся, как будто его ударило током, и, увидев лицо Мейсона, расплылся в своей неповторимой улыбке.

— Слава тебе, Господи! Вы здесь, Мейсон! — воскликнул он. — Мне казалось, я никогда уже не увижу вас здесь. Какие новости?

Адвокат сказал:

— Я прямо с собрания.

— Как оно прошло?

— Как по нотам, — заверил его Мейсон. — Один человек, по имени Смит, попытался было возразить, но его попытка умерла в зародыше. Собрание выбрало Совет директоров на следующий год в прежнем составе, проголосовав за те же кандидатуры. После собрания Совет директоров предложил вас на новый год Генеральным управляющим, с тем же окладом и премиальными. Я проследил за тем, чтобы все было вовремя и должным образом подписано.

— Чудесно, — обрадовался Гарвин. — Теперь расскажите об Эзел, Мейсон. Видит Бог, это ужасно. Чего я только не передумал. Что случилось? Она покончила с собой?

— Похоже, нет. По-видимому, это убийство.

— Но кто ее мог убить?

— Этим вопросом как раз и занимается полиция. А где ваша жена?

— В своей комнате.

Мейсон сказал:

— Предлагаю пройти туда. Я позову Деллу.

Он окликнул Деллу Стрит, которая сидела в лимузине, потом все вместе они прошли в коридор. Гарвин постучал в дверь, в ответ послышался голос Лоррейн:

— Войдите.

Гарвин открыл дверь и сказал:

— Лорри, он приехал.

— Слава тебе, Господи! — воскликнула она, подошла к Мейсону, приветливо улыбаясь, и протянула ему руку. — Мистер Мейсон, я не могу выразить всю свою признательность за то, что вы снова с нами. Я была напугана, а Эдвард был просто вне себя.

— Благодарю вас, — промолвил Мейсон. Он представил Деллу Стрит миссис Гарвин и сказал: — Собрания пайщиков и вновь избранного Совета директоров уже состоялись. Все прошло гладко. Никаких препятствий. Думаю, оформление подложных доверенностей на имя Эзел Гарвин было лишь звеном в организованной ей затее. За этим явно скрывалось что-то более изощренное. На собрании присутствовали и те держатели акций, которым мы не звонили. Делла Стрит обзвонила всех по тому списку, который вы ей дали, и почти все из них пришли. На собрании было достаточно много лояльно настроенных к вам держателей акций, чтобы контролировать его решения, однако мне не понятно, почему пришли неоповещенные. Это, скажу я вам, очень странно.

— Во всяком случае, мы можем больше ни о чем не беспокоиться, — подытожил Гарвин. — Все кончилось хорошо. Мейсон, расскажите мне об этой ужасной трагедии.

Адвокат вспылил:

— Гарвин, буду говорить прямо. Не думайте, что для вас все позади. Происшедшее ничего не меняет. Обвинение вас в двоеженстве сохраняет силу. Я против того, чтобы вы возвращались в Штаты. Для вас эта просьба может показаться бездушной: остаться здесь и не присутствовать

на похоронах вашей бывшей жены, — но тем не менее я настаиваю на этом и хочу, чтобы вы действовали так же, как и до сих пор. Есть вещи, о которых я сейчас не могу говорить.

— А я хочу знать подробности, — упрямо заявил Гарвин. — Боже мой, Мейсон. Я вправе знать о происшедшем. Расскажите мне, как все случилось?

Адвокат сдался:

— Мой агент следил за ней. Вечером в девятнадцать минут одиннадцатого она неожиданно покинула апартаменты. Похоже, кто-то ей позвонил. Она оторвалась от слезки, а позже ее тело обнаружили в машине в трех километрах к югу от Океансайда, на безлюдном пляже. Вашу жену убили из револьвера 38-го калибра, выстрелом в левый висок.

Теперь... этот револьвер, скорее всего, тот самый, который вы нашли на пожарной лестнице два дня назад, незадолго до отъезда. Мне необходимо задать вам несколько вопросов. Они будут для вас болезненны, но мы должны пройти через это. Эти же вопросы будут и у полиции. Для меня важно услышать ответы на них раньше, чем она нагрянет сюда.

— Ну что ж, задавайте ваши вопросы, — обреченно промолвил Гарвин. — Разговор, надо полагать, пойдет о револьвере?..

— И о нем тоже. Но прежде всего я хочу поговорить о вас.

— Обо мне?

— Да.

— Что это значит?

— Где вы были прошлой ночью?

— Где я был? Разве вы не были со мной? Мы приехали сюда. Вы пересекли границу вместе со мной. Вы...

— Вы вошли в свою комнату, а затем что вы делали?

— Лег спать.

— Вы оставались в комнате всю ночь?

— Разумеется.

— Не покидали комнату с какой-либо целью?

— Нет, конечно, нет.

— А как вы; миссис Гарвин? — спросил Мейсон. — Вы можете поклясться в этом?

— Безусловно, — сказала она с негодованием.

— Прошу держать себя в руках, — предупредил Мейсон. — Я просто хочу разобраться в этом деле так, чтобы у полиции не осталось лазеек. Теперь скажите, вы заснули около полуночи?

— Возможно, перед полуночью.

— Вы крепко спите?

— Я сплю не слишком крепко, — сказал Гарвин. — У жены вот крепкий сон.

— Жаль, — сказал Мейсон.

— Ничего не вижу в этом плохого, — сказала она.

— В таком случае вы не можете обеспечить ему алиби.

— Могу. Я проснулась около часа ночи из-за храпа Эдварда, подошла к нему и попросила его лечь на бок. Мне пришлось попросить его дважды, прежде чем он откликнулся и, повернувшись на бок, перестал храпеть, и я пошла обратно спать. Надо сказать, что я сплю крепко, но время от времени просыпаюсь. Я заснула в половине третьего, но без четверти три я пробудилась и не спала до четверти четвертого.

— Как вы узнали о времени? — спросил Мейсон. Она ответила:

— Я слышала звон часов в час ночи, а когда я в течение получаса лежала с открытыми глазами, я не только слышала звон часов, но и смотрела на свои наручные часы. Я встала и

приняла аспирина: разболелась голова, я чувствовала себя неважно. Потом я отправилась спать.

Мейсон с облегчением вздохнул и произнес:

— Вот и прекрасно. Теперь я убедился, что вы имеете абсолютно железное алиби. Сейчас же вернемся к вопросу о револьвере...

— Мистер Мейсон, я точно помню, что его не было в отделении для перчаток, — сказала Лоррейн Гарвин. — Я имела возможность в этом убедиться, когда доставала оттуда для Эдварда солнцезащитные очки.

— Когда это было?

— Почти сразу, как только мы выехали из Лос-Анджелеса. Сначала была незначительная облачность, а затем выглянуло солнце, которое так ярко светило, и Эдвард попросил солнечные очки. Я открыла крышку отделения для перчаток и в глубине его увидела футляр для очков. Что касается револьвера, помню, что когда я заглянула туда, у меня мелькнула мысль, что как-то в нем все не так, все было отодвинуто к задней стенке и наводило на вопрос: почему? Выглядело все так, как будто какой-то предмет некоторое время занимал переднюю часть отделения. Самого же предмета, когда я брала очки, там не было. Лежали несколько дорожных карт и маленький фонарик, пара плоскогубцев, футляр с солнечными очками.

— Значит, револьвера не было?

— Нет, не было. Мейсон спросил Гарвина:

— Вы уверены, что оружие находилось в отделении для перчаток?

— Уверен. Думаю, его могли похитить, лишь когда я вышел из машины, ожидая Лорри. Она собрала чемоданы, а я вошел в дом, принял у нее всю поклажу, а потом...

— А потом мы выпили бутылку пива, — продолжила Лоррейн. — Помнишь, ты хотел выпить пива? Ты сказал, что тебя мучает жажда, поэтому мы пошли к холодильнику и достали бутылку пива.

— Верно, — сказал Гарвин.

— А машина была все время закрыта?

— Нет, — ответил Гарвин. — В том-то и дело, что я даже не заглушил мотор. Лоррейн сказала, что багаж собран, и я вошел в дом, чтобы забрать его, а потом решил еще выпить пива. Мы открыли бутылку и наполнили стаканы. За это время вполне можно было вытащить револьвер из машины.

— За вами кто-нибудь следил? — спросил адвокат.

— Не думаю. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог быть способным на подобное. Это больше похоже на проделки соседской детворы.

— Это не проделки детворы, — заметил Мейсон. — Кто бы это ни был, но взял он револьвер преднамеренно. Оружие было использовано при убийстве вашей жены.

— Это точно установлено? — спросил Гарвин.

— Как только из тела извлекут пулю, будет произведена баллистическая экспертиза. Я поставил бы один против тысячи, Эзел Гарвин была убита именно из этого револьвера.

— Это, конечно, усложняет дело, — признался Гарвин. — Не исключено, что полиция обнаружит на нем мои отпечатки пальцев.

— Вы держали его в руках?

— Конечно. Держал и я, и Денби, и Ливсей. Но там должны быть отпечатки и того, кто спрятал его на пожарной лестнице. Я хочу сказать, что на нем должны быть отпечатки нескольких людей.

— Согласен с вами, — произнес Мейсон, — но полиция меня не информирует.

— Тело нашли около Океансайда, — многозначительно проговорила Лоррейн.

— Да, — сказал Мейсон. — Мы еще не разговаривали с Хекли. Полиции же ничего не

известно о нем. Я собираюсь на машине добраться отсюда до Океансайда. Там меня встретит Пол Дрейк.

— Пол Дрейк? — спросила Лоррейн. — Кто это?

— Это частный детектив, работающий со мной. Кстати, он и занимался поисками Эзел Гарвин.

— Я, конечно, ничем не могу помочь, — продолжила Лоррейн, — но считаю весьма существенным то, что она ехала к Океансайду. Если не ошибаюсь, это место, где живет ее любовник?

— Мы точно не знаем, был ли он ее любовником. Мы мало знаем о нем, — заметил Мейсон. — Возможно, он крепкий орешек. Единственное наше преимущество в том, что мы о нем знаем, а полиция нет. Безусловно, очень важно, что она ехала к Океансайду. Это дает основание предполагать, что она ехала на свидание с этим мужчиной и...

В это время со стороны столовой послышался голос сеньоры Инокенте Мигуериньо.

— Это старинное место, — говорила сеньора Мигуериньо, — об этом свидетельствуют и руины. Мой отец, а до него мой дед владели этой землей. А теперь, благодаря мне, туристы могут отдохнуть и переночевать здесь, нет?

— Понятно, — ответил мужской голос.

— Старинное поместье, фазенда, — продолжала сеньора Мигуериньо.

Мужской голос произнес:

— Рад узнать об этом. Два года назад я был здесь и не обратил внимания на все это.

— Правильно, вы и не могли этого видеть. Чтобы скрыть руины, мой отец построил изгородь, нет?

— Нет, — ответил мужчина.

Смех сеньоры Мигуериньо был подобен водопаду.

— Ах, туристы любят останавливаться в моем доме, любоваться старинной архитектурой, ощущать романтическую атмосферу старины. Или вы считаете это причудой, нет?

— Да.

— Ну и пусть причуда. Вы говорите по-испански, сеньор, нет?

— Нет, только несколько слов.

— Так входите же и присаживайтесь, нет?

— Да, благодарю.

Мейсон мельком взглянул на изменившегося в лице Гарвина, приложившего указательный палец к губам, призывая тем самым к молчанию.

Мужской голос доносился через открытое окно:

— Скажите, а здесь не останавливались сеньор Эдвард Гарвин и его жена? Мне кажется, это его кабриолет стоит на подъездной дорожке.

— Ох, верно. Сеньор Гарвин и сеньора. Она прелестна, у нее волосы подобны чистейшему золоту. И с ними их друг, сеньор Перри Мейсон.

— Черт! — воскликнул мужчина раздраженно. Мейсон наклонился к Гарвину и прошептал:

— Это голос лейтенанта Трэгга, из столичной полиции. Скорее всего, он явился сюда не для того, чтобы наслаждаться стариной. Придется с этим считаться.

— Сеньор Гарвин и его жена занимают номер с комнатами 5 и 6. — Услышали они голос сеньоры Мигуериньо. — Если вы им друг, они, вероятно, будут рады видеть вас, нет?

— Сомневаюсь, — буркнул в ответ мужчина. Гарвин и Мейсон услышали, как захлопнулась дверь, затем послышались шаги в коридоре. Вслед за этим раздался стук в дверь комнаты. Мейсон подошел и распахнул ее.

— О, Трэгг?! Как поживаете?

— Мейсон! — воскликнул в ответ полицейский. — И уважаемая мисс Стрит. Мейсон, я рад видеть вас, хотя за последнее время мы встречаемся с вами слишком часто.

— Что поделаешь, — вздохнул Мейсон. — Лейтенант, позвольте вам представить мистера Эдварда Гарвина.

— Рад познакомиться, — произнес лейтенант Трэгг. Адвокат повернулся к Лоррейн Гарвин, стоявшей в дальнем углу комнаты.

— Миссис Гарвин, разрешите представить вам лейтенанта Трэгга, сотрудника отдела по расследованию убийств, из столичной полиции.

Лоррейн улыбнулась, но улыбка получилась вымученной. Женщина выглядела так, будто ее застали врасплох.

— Здравствуйте, лейтенант, рада познакомиться с вами.

— Вы уже знаете о смерти вашей жены? — обратился Трэгг к Гарвину.

— Да, и меня это потрясло. Просто... в голове не укладывается.

— Ее убили в Лос-Анджелесе и отвезли к Океансайду. Вот почему этот случай меня заинтересовал, — продолжил лейтенант.

— Не желаете вернуться и принять участие в организации похорон, а по пути мы...

— ...предъявим вам обвинение в двоеженстве, которое было вчера выдвинуто окружной коллегией адвокатов, и арестуем, — закончил за него Мейсон.

Трэгг, повернувшись к адвокату, отрицательно покачал головой:

— Теперь в этом нет необходимости.

— Я только хотел, чтобы у него не было на этот счет заблуждений.

— Послушайте, — раздраженно заявил лейтенант, — я хочу поговорить с мистером Гарвином. Я не собираюсь причинять ему какой-либо вред, ведь скрывать мистеру Гарвину нечего. В смерти его жены существуют кое-какие неясные детали, в которых я хотел бы разобраться, и он может мне в этом помочь.

— Прекрасно, — ответил Мейсон. — Мы вам поможем.

— В вашей помощи, Мейсон, я не нуждаюсь, — резко ответил лейтенант Трэгг.

— Ну, что вы, лейтенант. Одна голова хорошо, а две лучше.

— Если уж вам так нравятся поговорки, Мейсон, то позвольте напомнить еще одну: у семи нянек дитя без глазу.

— Разве Эзел Гарвин не покончила жизнь самоубийством? — поинтересовался адвокат.

— Нет, — ответил Трэгг. — Ее убили. Смерть от пулевого ранения в голову наступила мгновенно.

— И что же? — спросил Мейсон.

— В нее стреляли, когда она сидела с правой стороны автомобиля. Кто-то некоторое время вел ее машину, затем остановился и перетащил женщину на место водителя. Потом этот кто-то просунул ее левую ладонь через обод колеса, выключил фары и зажигание, а сам уехал в другой машине.

— Что было перед этим? — спросил Мейсон. Трэгг тряхнул головой и сказал:

— Честно говоря, Мейсон, я не ожидал. Выглядело все так, будто убийца раньше приехал к тому месту, где и оставил машину, на которой впоследствии сбежал. Потом он уехал и где-то присоединился к своей жертве, выстрелив в голову с близкого расстояния. Затем некоторое время вел ее машину, возможно, несколько километров, до того места, где уже стояла его собственная машина. Не исключено, что убийство совершено еще в Лос-Анджелесе. Преступник подвел машину Эзел Гарвин как можно ближе к своей. Встав на подножку автомобиля, он положил тело позади руля, придав ему нужную позу, сел в свою машину и

уехал.

— Если, конечно, у него не было соучастника, — уточнил Мейсон, — тогда в убийстве могли быть замешаны двое.

— Нет, по некоторым причинам мы считаем, что преступник был один.

— Почему?

— Ну, качнем с того, что если бы соучастник поджидал его, тогда для преступника было бы удобнее в условленном месте остановить машину с телом, а потом к ней сбоку вплотную подъехала бы вторая машина. На самом же деле было иначе. Убийце пришлось вернуться для того, чтобы инсценировать ту ситуацию, которую он хотел представить. И только уже затем он пересел в другую машину.

— Вполне логично, — сказал Мейсон. Трэгг повернулся к Гарвину.

— Конечно, я понимаю, для вас это тяжело, — сказал он, — но вашу жену убили, а вы, надеюсь, сделаете все, что в ваших силах, чтобы прояснить дело. Несмотря на то, что вы разошлись и между вами были трения, вы поможете следствию, не правда ли?

Гарвин поколебался.

— Давайте двигаться в этом направлении. — сказал Трэгг, и его взгляд стал ледяным, — вы же не хотите оказаться в роли защитника убийцы, да, мистер Гарвин?

— Конечно нет, — нерешительно молвил Гарвин.

— Я не сомневался в вас, — с облегчением произнес лейтенант. — Если вы вернетесь в Штаты, мы...

— Скажите, Трэгг, а как быть с обвинением в двоеженстве?

— Здесь я бессилён. Мистер Гарвин нарушил закон. Но если он не вернется, то не сможет нам помочь. Мистер Гарвин ударился в бег, пытаясь избавиться от наказания за двоеженство. Мне трудно сказать, как поступит правосудие. Оно может закрыть дело, поскольку истец умер. Может затянуть его или предложит ответчику добровольно признаться и попросить испытательный срок. Впрочем, такими делами я не занимаюсь. Моя задача — найти убийцу.

— Моя же задача посложнее вашей, — запальчиво сказал Мейсон. — В отличие от вас. Меня интересует и убийство, и обвинение в двоеженстве.

— Так, — раздраженно сказал Трэгг, терпение которого после убедительной аргументации Мейсона иссякло. — Только не думайте, что у вашего подопечного в данном случае есть выбор. Ему грозит суд и наказание, поэтому мы вправе доставить его в Штаты в любое время, когда только захотим. В распоряжении мистера Гарвина легкий выход и тяжелый. Я хочу предложить легкий.

— Мы предпочитаем тяжелый, — твердо сказал ему адвокат.

— Вы много на себя берете, — начал выходить из себя Трэгг. — Вы же прекрасно знаете, что мы действительно можем заставить вернуться мистера Гарвина в любое время, когда захотим. Мы можем арестовать его в случае возбуждения дела по обвинению в двоеженстве. И здесь вы бессильны. Мы можем выдворить его, как преступника, за пределы Мексики, дабы мистер Гарвин предстал перед правосудием. Это вопрос времени. Я думал, мы могли бы продвинуться в расследовании, избежав бумажных проволочек.

Адвокат сказал:

— Перед вами интересная ситуация по обвинению в двоеженстве.

— Проклятье! — воскликнул лейтенант Трэгг. — Мейсон, перестаньте говорить загадками. Вы так же хорошо знаете, как и я, что по закону развод, оформленный в Мексике, не имеет силы в пределах нашего государства. И вы так же хорошо знаете, что женитьба в данном случае равносильна двойному браку.

Мейсон сказал:

Этот закон интересен небольшой поправкой. Шестьдесят первая статья Гражданского кодекса предусматривает следующее: второй брак, оформленный при жизни неразведенных супругов, незаконный и с самого начала считается недействительным.

— О чем я вам и говорил, — сказал лейтенант Трэгг.

— С другой стороны, продолжал Мейсон, — шестьдесят третья статья Гражданского кодекса включает в себя очень интересную поправку.

— Ну и какую же? — спросил Трэгг.

Мейсон извлек из кармана лист бумаги, на котором была отпечатана копия содержания этой статьи.

— Послушайте меня, лейтенант: «Все браки, заключенные без учета этого положения, которые действительны по законам той страны, в которой они были оформлены, являются действительными в этой стране».

— Что вы хотите этим сказать? Получается, что брак в Мексике равносителен расторжению предыдущего.

— Точно, — сказал Мейсон, — но в Мексике признается и развод, оформленный в ее пределах.

— Ну, и что из того, если это так?

— Вникните в текст положения, — сказал Мейсон. — Я прочту вам его еще раз. — Он снова взял в руки копию и прочел: «Все (я подчеркиваю) браки, заключенные без учета этого положения, которые действительны по законам той страны, в которой они были оформлены, являются действительными в этой стране».

Трэгг сдвинул шляпу назад и почесал голову.

— Будь я проклят! — промолвил он.

— Как вы понимаете, — сказал адвокат, — брак в Мексике законный... Следовательно, он законный в любой другой стране, кроме штата Калифорния, поскольку законодательство данного штата имеет к этому особое отношение.

— Но послушайте, — не унимался Трэгг. — Это лишь доказывает, что эта парочка покинула Калифорнию, чтобы обманным путем обойти законы этого штата и...

Мейсон улыбнулся и покачал головой:

— Посмотрите дело Дональдсов за номером четыреста пятьдесят семь. Его неоднократно печатали. В нем дается ясное и полное объяснение: люди покидают штат Калифорния с единственной целью — оформить брак в обход законов Калифорнии, для этого они уезжают в другой штат, где он может быть признан действительным. Это довольно распространенное явление в Калифорнии, невзирая на тот факт, что подобный брак противоречит законам Калифорнии и, соответственно, подлежит преследованию со стороны полиции.

— Итак, — сказал Трэгг, — «мексиканский развод» не действителен в Калифорнии, вам пришлось признать это.

— Я не признаю, а только констатирую.

— Выходит, брак двойной.

— Такой брак авантюрный, — изрек Мейсон.

— Вы хотите сказать, что этот мужчина имеет двух жен и...

— Сейчас нет, — уточнил адвокат, — но до часа этой ночи — да. Он оказался в довольно уникальном положении законно обвиняемого в двоеженстве и совершенно законно имеющего двух жен.

— Вы не простой человек, Мейсон. Вы мастер по втиранию очков. Со мной этот номер не пройдет. Вы, несомненно, сможете запутать присяжных, но и только.

Мейсон сказал:

Трэгг, послушайте, по документу этот мужчина проживает в Мексике, он женат на женщине, которая сейчас стоит перед вами. В случае возвращения в Штаты его могут задержать по обвинению в двоеженстве. Вот поэтому я не советую ему ехать туда. Он проживает здесь с законно обрученной женой. Мексика может выдать их за преступление, нарушающее законы Соединенных Штатов Америки, но не будет выдавать за поступок, совершенный по законам Мексики, который здесь совершенно законен, а в Калифорнии — нет.

Трэгг раздраженно сказал:

— Вы способны говорить так чертовски убедительно, что с вами опасно иметь дело. Именно так мне вас и характеризовали.

— Гарвин, вы же не хотите вернуться в Штаты? — спросил адвокат своего клиента, не обращая внимания на слова лейтенанта.

Гарвин отрицательно покачал головой.

— Вы слышали, Трэгг? — взглянул на полицейского Мейсон.

Лейтенант вытащил из кармана набор для снятия отпечатков пальцев.

— Ладно, — пробурчал он, обращаясь к Гарвину, — но, надеюсь, вы не откажетесь оказать полиции помощь в поисках убийцы.

— Смотря, что вы имеете в виду, говоря о помощи.

— Я хочу снять у вас отпечатки пальцев.

— Зачем?

— Хочу сличить их с отпечатками на револьвере, с помощью которого было совершено преступление.

— Это совершенно лишнее, лейтенант, — вмешался Мейсон. — Я могу вам прямо сказать: мой клиент держал его в руках, если это действительно тот револьвер, который мы имеем в виду.

— О каком револьвере вы говорите? — подозрительным тоном осведомился Трэгг.

— О том, — объяснил адвокат, — который был оставлен на пожарной лестнице за окном офиса «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани». Дело в том, что оружие побывало у него в руках, а затем его положили в отделение для перчаток в его автомобиле. Некто вытащил револьвер оттуда еще до того, как мистер Гарвин покинул Лос-Анджелес.

Трэгг от души расхохотался.

— Помилуйте, Мейсон! Более наивные и надуманные объяснения даже трудно представить. Вы утверждаете, что ваш клиент положил револьвер в отделение для перчаток в своем автомобиле?

— Его положили туда для него, — уточнил адвокат. Трэгг повернулся к Гарвину:

— Вы утверждаете, что положили револьвер в отделение для перчаток в вашей машине?

— Он утверждает, что еще один человек положил его туда, — ответил за Гарвина Мейсон.

— Я разговариваю с Гарвином, — раздраженно бросил Трэгг.

— А я за него отвечаю, — невозмутимо произнес адвокат.

В разговор вмешалась Лоррейн Гарвин:

— А я утверждаю, что револьвера в отделении для перчаток после того, как мы уехали из Лос-Анджелеса, не было. Кто-то его взял.

— Как вы это узнали? — угрюмо осведомился Трэгг.

— Солнцезащитные очки моего мужа также лежали в этом отделении. Когда мы отъехали от Лос-Анджелеса, он попросил меня достать их. Я открыла дверцу отделения для перчаток и взяла очки. Если бы револьвер там был, я бы увидела его, а если бы я его увидела, я бы непременно захотела узнать, что Эдвард с ним делал.

— А вы уверены, что револьвера там не было?

— Абсолютно.

— Однако, — учтиво сказал Трэгг, — к тому времени ваш муж сам мог забрать револьвер оттуда. Он вполне мог переложить его еще куда-нибудь.

Лоррейн рассердилась на лейтенанта и выпалила:

— Если вы не верите показаниям людей, тогда к чему этот допрос?

Усмехнувшись, Трэгг сказал:

Иногда мы таким образом вычисляем убийцу. Миссис Гарвин, вам придется признать тот факт, что человек, который совершил убийство, особенно старается исказить факты.

Тогда я хочу заявить одну вещь, — набросилась Лоррейн, — мой муж, даже если бы взял револьвер, никогда не смог бы им воспользоваться. Он был здесь со мной всю ночь.

— Всю ночь? Вы не сомкнули глаз?

— Нет, просто я проснулась около часа ночи, он лежал в постели справа от меня и храпел, кроме того, я просыпалась в период от без четверти три до половины четвертого и уверяю вас: он был там же.

— И вы, конечно, посмотрели на ваши часы, чтобы узнать время, — с сарказмом сказал Трэгг.

— Я слышала.

— Услышали?

— Да. Здесь имеются такие часы — можете сами в этом убедиться.

Она жестом призвала соблюдать тишину. Разноголосые колокольчики больших часов в вестибюле мелодично зазвенели, а мгновение спустя часы пробили час.

— Ну, хорошо, — сказал Трэгг, — если вы поклянетесь на них...

— Я присягну на них.

— А если вы ошибаетесь...

— Нет.

— В таком случае я закругляюсь, — сдался Трэгг, — осталось получить отпечатки пальцев мистера Гарвина. Я хочу убедиться, оставил ли он их на том револьвере. Мистер Гарвин, вы не против?

— Конечно, нет. Я хочу помочь следствию.

— Но не возвращаясь в Калифорнию, — заметил Трэгг.

— Естественно, поскольку это затрагивает мои интересы. Я не собираюсь подвергать мою жену вульгарным курьезам. И, в конце концов, глупо идти в ловушку, приготовленную для меня...

— Договаривайте, — настаивал Трэгг. — Кем?

— Нет причин скрывать ее имя сейчас, — с горечью ответил Гарвин. — Ее уже нет в живых.

— Ладно, — проговорил Трэгг, приготовив комплект для снятия отпечатков пальцев, — подойдите сюда, и покончим с этим.

Гарвин покорно протянул руки. Трэгг аккуратно проделал процедуру снятия отпечатков, отметив имя, дату и место, а потом усмехнулся:

— Прекрасно. Я надеюсь, вы останетесь довольны, что не покинули Мексику.

Присутствующие промолчали. На прощание лейтенант произнес: — Рад был познакомиться с вами, мистер и миссис Гарвин. Вы еще услышите обо мне.

Затем он открыл дверь и поспешно вышел.

Глава 12

К тому времени, когда лимузин с Перри Мейсоном и Деллой Стрит вернулся в Сан-Диего, стемнело. Мейсон долго пытался дозвониться до Пола Дрейка.

— Привет, Пол, — сказал он, наконец услышав голос детектива. — Делла и я покидаем Сан-Диего. Мы отправимся в Океансайд, там и пообедаем. Мне хотелось бы встретиться с тобой и поразмыслить, как нам быть с Хекли.

Это крепкий орешек, — предупредил Дрейк. — Я получил еще кое-какую информацию о нем. Он непростой человек.

— Чудесно, — ответил Мейсон. — Люблю возиться с такими. Когда ты прибудешь в Океансайд?

— Я готов выехать прямо сейчас.

— Отлично. Из аэропорта мы с Деллой отправимся куда-нибудь поесть. Езжай медленно вдоль главной улицы, пока не найдешь нас... я надеюсь, ты узнаешь мою машину — у меня кабриолет со светло-терракотовым верхом.

— Ладно, — произнес детектив, — разыщу.

— Мы едем, — сказал напоследок адвокат и повесил трубку.

Лимузин, ровно урча мотором, катился по прибрежной дороге к Океансайду. В городском аэропорту Мейсон и его секретарша разыскали свои автомобили, расплатились за лимузин и отправились в центр городка в поисках места, где можно было бы подкрепиться.

Они вошли в ресторан, не спеша поели и после обеда, за чашкой кофе, покуривая сигареты, неторопливо болтали. Через некоторое время вошел Дрейк. Он, окинув взглядом зал, заметил их и, помахав рукой, направился прямо к ним.

— Что новенького, Пол? — спросил Мейсон.

— Я не против заказать чашечку кофе, — сказал Дрейк, — и пирог с лимоном. Я поздно завтракал, но уже проголодался... Поверь, Перри, совсем не просто проделать путь сюда из Лос-Анджелеса. Пробки на дорогах здорово усложняют движение.

— Скажи, — нетерпеливо обратился к нему адвокат, — что нового в нашем деле?

— Полиция обнаружила отпечатки пальцев Эдварда Гарвина на револьвере убийцы, — выпалил Дрейк.

— Почему бы и нет? Гарвин не скрывал, что держал его в руках. Что еще скажешь?

— Немного. У меня есть небольшая информация о Хекли. Он замешан в одной аванюре. Я не располагаю точными сведениями на этот счет, поскольку люди, близко знающие его, считают этого малого опасным человеком.

— Так, прекрасно, — подытожил Мейсон. — Поедем к нему. Нам следует основательно его потрясти. Он, несомненно, полагает, что никому и в голову не придет связать его имя с Эзел Гарвин.

Дрейк взмолился:

— Только сперва я доем кусок пирога и допью кофе. Они великодушно подождали, пока Дрейк покончит со своим пирогом, а затем втроем покинули ресторан.

Мейсон сказал:

— Нам лучше добираться всем вместе на одной машине. Поехали в моей. В ней широкое сиденье.

— Хорошая идея, — поддержал его Дрейк. — Делла сядет в середину, и у меня появится возможность обнять ее. Правда, я так давно близко не подходил к прекрасному полу, что забыл, как это делается.

— Только не думай, что я буду твоим учебным пособием, — вспыхнула Делла. — У меня нет желания тратить силы на любителей.

— О, все навыки быстро восстанавливаются, — невозмутимо заверил ее Дрейк.

Они сели в машину Мейсона, съехали с обочины и повернули на дорогу, ведущую на восток, к Фолбруку, по которой ехали медленно, пока не увидели почтовое отделение Ломекс. Здесь Мейсон плавно въехал на грунтовую дорогу.

— Когда есть подробное описание, найти не составляет труда, — заметил Мейсон.

— Это точно, — согласился Дрейк, довольно улыбаясь.

— Пол, как думаешь, полиция нас не опередила?

— Не думаю. Сомневаюсь, что им придет в голову проверить пребывание Эзел в Неваде.

Через километр пути дорога, миновав апельсиновые сады, привела их к опрятному бунгалу, которое неясно вырисовывалось в темноте.

— Похоже, он или спит, или его нет сейчас, — высказал предположение детектив. — Что будем делать? Пойдем прямо в дом?

— Да, — ответил Мейсон. — Если он дома, постараемся заставить его обороняться в беседе и, самое главное, отвечать на вопросы. Иначе говоря, если придется, разыграем небольшой спектакль.

— Мы скажем, кто мы такие?

— Нет, нужно постараться сохранить инкогнито. Мы только назовем ему свои имена, не больше.

— Хорошо, — сказал Дрейк. — Вперед!

Мейсон подвел машину к фасаду большого дома и затормозил, ожидая увидеть собак.

Огромная черная немецкая овчарка гордо обошла машину, шерсть у нее на загривке вздыбилась, нос нервно подрагивал. Запах поздних гостей был ей явно незнаком.

— Наши шансы выбраться из машины при этой собаке близки к нулю, — грустно изрек Дрейк. — Посигналь, может быть, хозяин выйдет?

Мейсон сказал:

— Я бы предпочел позвонить в дверь и застать его врасплох. Собака мне не кажется агрессивной.

— Ну-ну, — с сомнением протянул Дрейк.

— Сейчас вы убедитесь, — сказал Мейсон и открыл дверцу машины.

Собака угрожающе присела, явно намереваясь прыгнуть на непрошеного гостя. Мейсон спокойно посмотрел и поймал ее взгляд.

— Послушай, — сказал он, будто разговаривая с человеком. — Я хочу поговорить с хозяином дома. Я собираюсь выйти из машины и подойти к веранде, чтобы позвонить в дверь. Ты можешь следовать за мной и убедиться в моих честных намерениях. Как, идет?

Последние два слова он сказал несколько громче. Затем, без тени сомнения, он ступил на землю. Овчарка двинулась с места и последовала за Мейсоном, держа свой нос в сантиметре от его ноги.

— Вот видите, все в порядке, — гордо заявил адвокат Делле Стрит и Полу Дрейку, наблюдавшим за ним затаив дыхание.

Он протянул руку по направлению к собаке, и холодный нос пса ткнулся в его ладонь.

Мейсон поднялся на веранду и надавил на кнопку звонка. Внутри дома раздался звон колокольчиков.

Подождав минуту, он нажал на кнопку звонка еще несколько раз.

В глубине дома послышался звук неторопливо приближающихся к двери шагов. Затем зажегся свет сначала в одной комнате, а потом в другой. Через оконное стекло Мейсон

разглядел мужчину в сером двубортном костюме. Он держал правую руку за левым отворотом пиджака. Под ним адвокат заметил рукоятку револьвера, торчащую из кобуры, прикрепленной у плеча.

Овчарка стояла начеку у двери, ритмично виляя хвостом.

С обратной стороны двери щелкнул запор. За приоткрывшейся на длину предохранительной цепочки дверью стоял мужчина. Свет из коридора ослепил Мейсона.

— Кто вы такой? — грубо осведомился мужчина. — Что вам надо?

— Я разыскиваю Алмена Билла Хекли.

— Зачем?

— Я хочу побеседовать с ним.

— О чем?

— О некоторых земельных участках, которыми он владеет в Неваде.

— Ничего не продается.

— Так вы выслушаете меня или нет?

— Если вы приехали с коммерческим предложением, то возвращайтесь в Океансайд и позвоните мне не раньше десяти часов утра.

Он начал было закрывать дверь, но его внимание привлекла поза собаки, и он с подозрением спросил:

— Скажите, как вам удалось приручить собаку?

— Я просто вышел из машины и...

— Овчарка никого не подпускает после наступления темноты.

— Для меня собака сделала исключение, — язвительно проговорил Мейсон.

— Почему?

— Спросите у нее. Нахмурившись, хозяин дома спросил:

— Так что же вас привело сюда?

— Мне нужна кое-какая информация об Эзел Гарвин. Лицо Хекли исказила гримаса.

— Вы что-нибудь знаете о ней? — спросил адвокат.

— Нет, — резко ответил Хекли и захлопнул дверь.

— Ее убили сегодня рано утром, — крикнул Мейсон. Ответа не последовало, однако и удалявшихся от двери шагов Мейсон тоже не услышал.

— Она останавливалась здесь, чтобы заправить машину бензином, — снова крикнул Мейсон.

Мгновение спустя дверь открылась от резкого толчка.

— Что вы сказали? — спросил мужчина.

— Я сказал, что она была здесь где-то около половины первого ночи и заправляла свою машину бензином.

— Вы либо пьяны, либо не в себе — одно из двух. Я не привык иметь дело с подобными субъектами. Возвращайтесь в машину, или я натравлю на вас собаку.

— Пожалуйста, но тогда я подам на вас в суд за нанесение мне телесных повреждений. Компенсация будет стоить вам ваших владений в Неваде, — спокойно отвечал Мейсон.

— Не слишком ли ты самоуверен, приятель?

— Тогда валяйте, командуйте собаке. Посмотрим, что будет.

— Что вы хотите?

— Я уже сказал, поговорить об Эзел Гарвин.. Крепкий, мускулистый мужчина долго смотрел в глаза Мейсона вдумчиво-оценивающим взглядом. Внезапно решившись, он снял предохранительную цепочку и предложил:

— Входите. Если вы хотите поговорить, я готов выслушать. Прежде чем вы уедете отсюда,

объясните мне, что вы имели в виду, когда говорили, что Эзел Гарвин останавливалась здесь в половине первого этой ночью? Проходите, мистер?..

— Мейсон, — представился адвокат.

— Хорошо, мистер Мейсон, проходите.

Мейсон обернулся к машине и позвал Деллу и Пола Дрейка.

— А что делать с этим дьявольским отродьем? — указал Дрейк на собаку. — Нельзя ли ее увести куда-нибудь?

— Собака останется здесь, — сухо ответил Хекли. — Она ничего вам не сделает без моей команды.

Делла Стрит приоткрыла дверцу машины и выскользнула из нее. Уверенным шагом она прошла к веранде, где стоял Мейсон. Собака повернулась к ней и тихо, зловеще зарычала, но с места не двинулась.

Дрейк, который уже было ступил одной ногой на землю, услышав рычание, мгновенно нырнул в автомобиль и захлопнул дверцу.

— Все в порядке, — крикнул Хекли и скомандовал собаке: — Молчать!

Рычание стихло. Собака, внимательно проследив за Деллой Стрит, вильнула хвостом. Дрейк, наблюдая за этой сценой, успокоился, снова открыл дверцу машины, осторожно выбрался наружу и сделал два неуверенных шага по направлению к веранде.

Собака оцетинилась, зарычала и вдруг кинулась к Дрейку.

Дрейк вихрем понесся назад к машине, а рычащая собака бросилась ему наперерез, лязгая зубами.

— Сидеть! Черт побери, я приказываю сидеть! Собака обернулась и нехотя остановилась.

— Ко мне! — приказал Хекли. — Рядом!

Собака развернулась и подбежала к Хекли, явно в ожидании наказания.

— Черт бы тебя побрал, — выругался мужчина. — Я же приказал тебе не трогать его. Теперь ступай вниз и оставайся там.

Хекли подошел к машине и обратился к Дрейку:

— Вылезайте. Больше он вас не тронет.

Дрейк взглянул на собаку и предупредил его:

— Если ваша псина кинется на меня, я ее пристрелю.

— Все будет в порядке, — заверил Хекли. — Только идите спокойно. Как бы вы ни боялись, постарайтесь не бегать. Бег все усложнит.

— Уверен, она только и ждет, чтобы я выбрался из машины.

— С вашими друзьями ничего не случилось, — указал Хекли на Мейсена и Деллу.

— Но теперь, я думаю, эта зверюга решила отыграться за всех на мне.

Обреченно вздохнув, Дрейк выбрался из машины и направился к веранде вслед за Хекли.

— Входите, — предложил Хекли. — Я накажу собаку. Он попытался ударить собаку ногой, но та ловко отпрянула в сторону, избежав удара. Она стояла, не спуская глаз с Дрейка. В приоткрывшейся пасти зловеще сверкнули мощные клыки.

Хекли сказал:

— Проходите в дом. — И тут же обратился к Мейсону: — Итак, давайте уточним. Ваше имя Мейсон. А как зовут других?

— Мисс Стрит, моя секретарша.

Поклон Хекли был образцом вежливой почтительности.

— Мисс Стрит, — произнес он, — весьма рад с вами познакомиться.

— Пол Дрейк, — продолжил адвокат.

— Я приветствую вас, мистер Дрейк.

— Дрейк работает частным детективом, — добавил Мейсон.

— О-о, — удивленно протянул хозяин дома. — Так значит, я ему обязан счастьем лицезреть вас.

— Совершенно верно, — подтвердил Мейсон. — Так где мы будем беседовать?

— Прошу.

Хекли придержал раскрытую дверь, пока все трое не вошли в дом, а затем указал:

— Проходите через эту дверь и налево.

Делла Стрит первой вошла в комнату, используемую, судя по интерьеру, в качестве библиотеки. На полках шкафов стояли внушительных размеров книги. Это было типичное жильё сельского холостяка.

— Присаживайтесь, — пригласил Хекли. Все расселись.

— Итак, — сказал Хекли, — я готов слушать вас.

— Вы заблуждаетесь, — произнес Мейсон. — Это мы готовы вас слушать.

— Мне нечего вам сказать.

— Вы знали Эзел Гарвин.

— Почему вы так решили?

— Вы познакомились с ней, когда она приехала в Неваду, — уверенно промолвил адвокат. — У вас были с ней достаточно близкие отношения. Вы настаивали на ее разводе с мужем. Посоветовали ей, если она окажется «на мели», сделать так, чтобы ее муж поверил, что она якобы оформила развод, а когда он решит второй раз жениться, потребовать плату за молчание.

Хекли изрек:

— Мистер Мейсон, я не рассчитываю на ваши симпатии ко мне.

Мейсон, встретившись с ним взглядом, с усмешкой ответил:

— В этом я не сомневаюсь.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— Эзел Гарвин появилась здесь сегодня после полуночи, — продолжал Мейсон. — Она остановилась у вас и заправила бак машины бензином. Я не знаю, что вы наговорили друг другу, но знаю точно, что, проехав отсюда около трех километров по дороге и потом съехав с нее, она остановила машину; в этом же месте она и была кем-то убита.

— Полагаю, — произнес Хекли, — своими словами вы просто стараетесь заставить меня расколоться. Я готов поклясться, что эту Эзел Гарвин, кто бы она там ни была, никто не убивал. Думаю, вы таким образом стараетесь выудить из меня какую-нибудь информацию по поводу моего знакомства с ней в Неваде. А теперь, если вы раскроете свои карты и скажете, что же именно вы хотите узнать от меня и зачем вам это надо, то, может быть, вы что-нибудь и услышите.

— Сделаем проще, — сказал Мейсон. — У вас есть телефон. Позвоните в полицию Океансайда и спросите, была ли этой ночью убита Эзел Гарвин.

Хекли поднялся, быстро подошел к телефону и с улыбкой произнес:

— Мейсон, я уверен, вы блефуете. Это вам просто так не сойдет с рук. Кто бы ни перешел мне дорогу, он будет наказан.

Подняв трубку, он сказал:

— Пожалуйста, соедините меня с полицией. — И несколько секунд спустя спросил: — Будьте любезны сказать мне, не была ли некая Эзел Гарвин убита этой ночью поблизости от Океансайда?.. Какая разница, кто я, просто так спрашиваю... Ну, положим, я мог быть свидетелем в случае... — Хекли несколько секунд молча держал телефонную трубку, затем отрывисто сказал: — Благодарю, — и положил ее.

Он обернулся к своим непрощеным гостям и принялся в тяжком раздумье расхаживать взад и вперед, прикрыв глаза и глубоко засунув руки в карманы своего двубортного пиджака. Наконец он резко повернулся спиной к стене.

— Ну хорошо, — сказал он, — вы выиграли.

— Что же мы выиграли? — спросил Мейсон. Улыбка Хекли была вымученной.

— Мистер Мейсон, вы выиграли куда больше, чем те, кто обычно пытается играть со мной.

Теперь, вы сказали, что этот джентльмен, — он кивнул в сторону Дрейка, — детектив.

— Да.

— Из Лос-Анджелеса, Сан-Диего или Океансайда?

— Из Лос-Анджелеса.

— Мистер Дрейк, вы сотрудничаете с отделением по расследованию убийств?

Дрейк мельком взглянул на Мейсона. находясь в некотором замешательстве.

Адвокат улыбнулся и покачал головой.

— Он частный детектив и работает на меня.

— О, — с притворным восхищением произнес Хекли, — а эта очаровательная молодая леди — ваша секретарша?

— Совершенно верно.

— Кто же в таком случае вы?

— Я адвокат.

— Неужели?! И вас тоже кто-то нанял? Вряд ли вы взялись расследовать это дело из чистого любопытства.

— Не буду вас разочаровывать — меня действительно наняли.

— И кто же, если не секрет?

— Эдвард Карлес Гарвин.

— Муж женщины, которую убили?

— Бывший муж, — уточнил Мейсон.

— Понятно, — задумчиво произнес Хекли. — Интересная получается история, не так ли?

— Согласен с вами.

— Ну ладно, — продолжал хозяин дома, — вы застали меня врасплох. Тем не менее я сделаю заявление. Нет, нет, мисс Стрит, не нужно записывать. В настоящий момент я не уверен, что в этом есть необходимость. Я просто сделаю заявление на основании того, что вы — те люди, которые имеют право на проведение расследования. Я внесу свой посильный вклад в поиски убийцы этой женщины.

Некоторое время он молчал, вероятно собираясь с мыслями, а затем проговорил:

Я намерен рассказать вам всю правду.

Последовала минутная пауза, потом Хекли, скользя взглядом по лицам слушателей и пытаясь определить их реакцию, приступил к своему рассказу:

— У меня есть ранчо в Неваде. Довольно крупное владение. Я люблю проводить там время. Я никогда не был женат, так как считал, что не создан для брака. Но и жизнь отшельника меня не очень привлекает — я обожаю женщин, тем не менее мысль о создании домашнего очага никогда не посещала мою голову. В тех же краях находится поместье гостиничного типа, своего рода дом отдыха, территория которого примыкает к моим угодьям. Надо сказать, что некоторые из отдыхающих там вызывают определенный интерес. Как вы понимаете, многих из них привлекает в это место не только желание отдохнуть. Они устраивают там для себя обитель на время получения развода. У некоторых из этих женщин появлялся интерес ко мне, а у меня к ним. Женщина, которая рвет семейные узы, приезжает в штат, где у нее нет друзей и рассчитывает, в течение первого времени, только на себя, как правило, или расположена к

одиночеству, или, наоборот, активно ищет компанию. Мое ранчо было доступно для всех. И вполне возможно, что некоторые из бывавших на нем женщин строили планы относительно меня. Я был счастлив до тех пор, пока в Неваде не появилась Эзел Гарвин, чтобы обосноваться в вышеупомянутом поместье. Я полюбил ее и стремился быть с ней, но постепенно я начал понимать, что она была очень волевой и очень изобретательной женщиной. Я также понял, что у нее есть законченный план бездеятельности и что в этом плане определенное место отведено и моему будущему.

Я ждал до тех пор, пока не стало очевидным, что надо что-то предпринимать. Ситуация накалилась до предела. Я не хотел причинять ей боль. У нас были слишком теплые отношения. Я не хотел говорить ей прямо, что меня не будет дома, когда она позвонит, и избрал более простой путь. Я уже давно искал, во что бы вложить деньги в Калифорнии. Агент по торговле недвижимостью подыскал мне это место. Это была удачная покупка, так как в это время цены на недвижимость подскочили. Я велел моему агенту держать в секрете факт нашей сделки.

Когда он оформил купчую, я покинул свое ранчо в Неваде. Я оставил записку для Эзел, что меня срочно вызвали по делам, что некоторое время я буду за пределами штата и что постараюсь с ней увидеться, как только представится случай. Но там же я указал, что очень сомневаюсь в возможности такого случая, поскольку дело, предстоящее мне, было весьма важным.

Затем на своем личном самолете я отправился в Денвер. Там, поставив свой самолет в ангар, я долетел на обычном рейсовом самолете до Лос-Анджелеса. В Лос-Анджелесе я пересел в автомобиль, который был заранее приготовлен для меня, и на нем прибыл сюда.

Я намеренно не сообщал Эзел Гарвин о своем новом жилище и был удивлен, узнав, что она в Калифорнии. Я ожидал, что она будет искать меня где-нибудь во Флориде.

Излишне говорить, что она не приезжала сюда прошлой ночью или еще когда-либо. И уж конечно она не заправляла здесь свою машину. Короче говоря, я не видел Эзел Гарвин с тех пор, как покинул Неваду.

Хекли сделал небольшую паузу и продолжил:

— Известие о том, что Эзел была убита сегодня ночью, потрясло меня. Я просто в ярости... Какой подонок мог сделать это? Она была чудесной женщиной... Вот в общем-то и все, что я могу вам рассказать. Единственное, чем я еще могу вам помочь, так это поведать о том, что я случайно узнал: оказывается, в течение всей семейной жизни Эзел ужасна боялась своего мужа.

У нее был какой-то план, правда, я не знаю, какой именно. Так вот, она очень боялась того, что может предпринять ее муж, когда она приступит к осуществлению своего плана.

Есть кое-какие факты, которые я не хотел бы освещать здесь и о которых совсем ни к чему знать вашему клиенту, мистер Мейсон. Но если полиция потребует, я, конечно, все расскажу. Теперь же я считаю, что мое заявление окончено.

— Очень интересно, — проговорил Мейсон. — Вы сознаете всю ответственность за правдивость изложенных вами сведений?

— Я не привык кривить душой.

— Вы абсолютно уверены, что Эзел Гарвин не приезжала сюда этой ночью? Не могла ли она заправить машину без вашего ведома?

— Это просто абсурд, джентльмены. Во-первых, помещение, где хранится бензин, заперто. А во-вторых, она понятия не имела, что я нахожусь в Калифорнии. Я тщательно проверил, могла ли она узнать, где я нахожусь.

— Так вы пытались найти ее, когда она уехала из Невады? — поинтересовался Дрейк.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Дрейк?

— Вы же были очень привязаны к своему ранчо и вряд ли просто так бы уехали, бросив его

навсегда. Скорее всего, вы собирались вернуться, как только миссис Гарвин покинет Неваду.

Хекли недовольно поморщился.

— Я вижу, мистер Дрейк, вы обладаете талантом делать выводы. Мистер Мейсон не зря взял вас в качестве помощника. Ваш вопрос свидетельствует об этом.

— Но я жду ответа.

— Ну, так слушайте. Я не мог бы получить надежной информации, не имея союзника, оставшегося на ранчо в Неваде. Этот некто должен был непременно знать, где я нахожусь, чтобы передавать мне информацию. А я не мог допустить, чтобы кто-нибудь знал о моем местонахождении. Поэтому мне пришлось довольствоваться случайными источниками информации.

— Но ведь вы каким-то образом управляли делами на ранчо, значит, должны были иметь с ним связь.

— У меня на ранчо есть управляющий. Это очень честный и верный человек, кроме того, обладающий некоторой коммерческой проницательностью. Он и раньше успешно справлялся с делами во время моих длительных отлучек. А теперь, мисс Стрит, и вы, джентльмены, прошу извинить меня. Меня ждут дела. Я уже изложил вам все, что знал, и не имею больше желания обсуждать эту историю.

— Вы были здесь прошлой ночью? — спросил Мейсон, не обращая внимания на его слова.

— Я же сказал, что не хочу больше это обсуждать, — непреклонным тоном повторил Хекли. — Я рассказал вам все, и теперь собираюсь пожелать вам доброй ночи.

После этих слов гости встали. Он широкими шагами прошел мимо них через дверь, ведущую в жилую комнату, а дальше через холл и открыл парадную дверь.

Делла Стрит, взглянув на Мейсона, покачала головой и проговорила:

— Идите первым, шеф.

Она двигалась вдоль стен комнаты, разглядывая названия книг на полках, пока Мейсон, а за ним и Дрейк не покинули комнату. Как только они исчезли из виду, женщина тоже поспешила вслед за ними.

— Доброй ночи, — безразличным тоном произнес Хекли, стоящий в дверях дома.

— Доброй ночи, — отозвался Мейсон.

Дрейк промолчал. Делла Стрит взглянула в глаза Хекли, одарила его какой-то особенной улыбкой, а затем, притворно засмуцавшись, проговорила:

— Доброй ночи, мистер Хекли, большое вам спасибо.

— Не стоит благодарности, — прозвучал ответ, в котором не слышалось никаких эмоций.

У двери появилась собака.

— Рекс, — приказал Хекли, — сидеть! Эти люди уезжают.

Собака оказалась на этот раз более покладистой. Она послушно уселась у ног хозяина, глядя на него в ожидании дальнейших приказаний.

Мейсон первым прошел к машине и занял место за рулем. Дрейк открыл дверцу и пропустил вперед Деллу. Когда она заняла свое место, детектив последовал за ней, с опаской оглядываясь на собаку. Очутившись в машине, он быстрым движением захлопнул за собой дверцу и облегченно вздохнул. Делла весело рассмеялась:

— Пол, твои мысли заняты только этой собакой.

— Ты, как всегда, права, — буркнул детектив. Машина тронулась с места. Хекли неподвижно стоял у веранды, наблюдая за ними.

Делла Стрит, поймав его взгляд, проказливо помахала ему рукой. На сжатых губах Хекли мелькнуло некое подобие улыбки. Машина покатила по дороге, усыпанной гравием.

— Ну, что? — произнес Дрейк. — Разве я не говорил вам, что это крепкий орешек?

— Да. Он не прост, — согласился Мейсон. — Но теперь у нас все же есть ключ к разгадке этой любопытной истории.

— Какой ключ? — недоуменно спросил детектив. Адвокат ответил:

— Вы обратили внимание, что собака отлично выдрессирована? Определенно, собака не из здешних мест, но и не из Калифорнии. Эта собака, должно быть, взята им с ранчо в Неваде, и Хекли к ней очень привязан, иначе он просто не взял бы ее с собой.

— Ну и что ты хочешь этим сказать? — спросил Дрейк.

— Хекли чего-то боится. Он выпускает собаку охранять двор. Собака выдрессирована таким образом, что ни один человек не сможет подойти к дому ночью.

— Так что мы будем делать дальше?

Мейсон сказал:

— Теперь мы навестим Роландо Ломекса и узнаем, не слышал ли он ночью, около часа, подозрительно долгого лая собаки.

— Отличная идея, — ухмыльнулся Дрейк. — Я охотно уступаю тебе это право.

Некоторое время Мейсон ехал по хрустящему гравию, затем, свернув вправо, остановил машину перед домом Роландо Ломекса.

Хозяин дома оказался рослым мужчиной лет шестидесяти. Его могучие плечи ссутулились от тяжелой работы, а морщинистое лицо было темным от загара. Его поседевшие волосы спадали прядями на лоб, на котором блестели капли пота, свидетельствовавшие о том, что Ломекса оторвали от работы. Рукава шерстяной рубашки были закатаны, обнажая сильные руки с огромными натруженными ладонями.

— Мы расследуем, — произнес Мейсон, — происшествие, которое произошло по соседству. Вы, вероятно, слышали об этом.

— Вы имеете в виду женщину, которая была убита на шоссе?

Мейсон утвердительно кивнул.

— Что же вы хотите знать?

— Вы были здесь прошлой ночью?

— Да.

— Вы, случайно, не слышали чего-нибудь необычного вон там? — Мейсон указал в сторону дома Хекли.

— Вы имеете в виду дом, который куплен тем высоким хлыщом?

— Да, вы меня правильно поняли.

— Пройлой ночью я слышал в том направлении яростный собачий лай, — ответил Ломекс. — Я еще сказал своей жене: «Что-то случилось». Собака словно с цепи сорвалась.

— Вы не обратили внимания, в котором часу это было?

— Точно я не знаю, который был час. Я не знаю, в какое время это началось, но когда собака лаяла, я подумал, что стряслось что-то, и выглянул в окно. Мои окна выходят прямо на дом Хекли.

— Так, так, — проговорил Мейсон с нетерпением, — и что же там случилось?

— Ну, я взглянул на часы. Я думал, что там что-то неладное. Время было двадцать четыре минуты первого.

— Ваши часы исправны? — поинтересовался адвокат.

— Да. Я сверяю их с сигналами по радио каждый день. Они могут врать лишь на минуту или на две.

— Значит, было двадцать четыре — двадцать пять минут после полуночи?

— Точно двадцать четыре минуты первого, — утверждал Ломекс. — Я хорошо помню.

— А долго лаяла собака?

— Как раз когда я подошел к окну, то увидел, как зажегся свет в доме, купленном этим Хекли, потом неожиданно лай прекратился, будто ей приказали замолчать. Я немного подождал. Свет в доме продолжал гореть, а собака время от времени лишь тихо скулила. Я решил, что все в порядке, и вернулся в постель. Прежде чем я посмотрел на часы, собака лаяла минуты три или четыре. Если вы меня спросите, что означал этот лай, я вам не смогу ответить. Я стараюсь поддерживать хорошие отношения с соседями. Но если этот пес начнет нападать на цыплят, которых я развожу, то я сразу же отправлюсь к этому Хекли и скажу, что его собаке нечего делать в деревне, ее надо держать в городе. Вот люди, которые жили до него в этом доме, были очень приятными. Несмотря на то, что они были богаты, это были добрые соседи. Они многим занимались. Думаю, они были городскими жителями, но тянулись к спокойной жизни в деревне. Теперь, к примеру, возьмем Хекли. Это другой человек. Он типичный городской житель. Он один из тех, кто совсем не стремится дружить с соседями. Меня он как будто и не замечает. Проходит мимо. Иногда кивнет головой, чаще — нет. Никогда не остановится поболтать. — Было заметно, что старик любит поговорить, он рассказывал с удовольствием. — Человек в деревне всегда на виду, и когда объявляется такой, как Хекли, это всех настораживает.

— Конечно, — кивнул Мейсон.

— Поэтому я и не собираюсь мириться с выходками его собаки. Я не потерплю. Ужасно иметь такого пса по соседству.

— А собака лаяла только этой ночью?

— Да. Раньше я такого не замечал, — ответил Ломекс.

— А вы не заметили никакой машины, двигавшейся по направлению к гравийной дороге или обратно?

— Нет, никакой машины я не видел, — ответил Ломекс. — Когда я вернулся в постель, то сразу уснул. У меня есть ранчо площадью в двенадцать гектаров, на котором я работаю. Я здорово устаю и готов любое свободное время использовать для сна. Я слушаю по радио новости в девять часов и ложусь спать. Встаю я с рассветом и приступаю к работе. Я не имею привычки совать нос в дела соседей и не хочу, чтобы они лезли в мои. Я хочу жить свободно и даю другим такую же возможность. Вот и все.

— Вы не видели, но, может быть, хотя бы слышали, как мимо проезжал автомобиль?

— Я ничего не видел и ничего не слышал, пока не раздался лай. А потом встал посмотреть, что происходит. Собака лает — обычное дело, она лает, когда пытается что-нибудь защитить. Но не так истерично.

— Вы думаете, кто-нибудь был там?

— Думаю, собака не просто лаяла.

— Вы никого там не приметили?

— Я же говорил. Я видел, как включили свет в доме, после этого лай сразу стих. Потом я отправился в постель.

— И долго вы лежали, прежде чем заснуть? — спросил Мейсон.

— Прежде чем что?

— Прежде чем снова заснуть.

— Не знаю, — проговорил Ломекс. — На часы я больше не смотрел. Черт возьми, откуда мне это знать? Это могло быть секунд тридцать, а могла быть и минута.

— Спасибо, — улыбнулся Мейсон. — Пожалуйста, не рассказывайте никому о нашей беседе. Я не хочу, чтобы Хекли знал, что мы останавливались здесь, и я думаю, что и для вас будет лучше, если Хекли об этом не будет знать.

— Мне безразлично, что он узнает, — сказал Ломекс. — Когда я рублю дрова, то не обращаю внимания, куда летят щепки. — Он усмехнулся, довольный своей шуткой.

Мейсон пожелал ему доброй ночи, и все трое вернулись в машину.

Делла Стрит сказала:

— Я украла одну вещицу из дома Хекли.

— Что такое? — повернулся к ней Мейсон. Она рассмеялась и сказала:

— Это все мой женский глаз. Я не думаю, чтобы вы обратили внимание на женский шарф, который был заброшен в угол книжного шкафа, не так ли?

— Шарф? — сказал Мейсон. — Бог мой, конечно, нет!

Делла Стрит сунула руку под пиджак и извлекла оттуда цветастый шелковый шарф. Шарф, на котором полосы зеленого цвета постепенно переходили в полосы густого фиолетового цвета.

— Вы не хотите, — обратилась она к Перри Мейсону, — понюхать его?

Мейсон поднес шарф к носу и тихо присвистнул.

— Делла! А тебе не знакомы эти духи?

— Какие?

Мейсон сказал:

— Если я не ошибаюсь, этими духами пользуется Вирджиния Байнам.

Делла Стрит заметила:

— Запах очень слабый, и, конечно, суду вы не сможете его предъявить как улику, но об этом стоит подумать, шеф.

— Это больше чем раздумье, — сказал нахмуривший брови Мейсон. — Это проблема.

— А вот, — сказала Делла, — кое-что еще.

Она вытащила из-под пиджака смятую маленькую женскую шляпку.

— Шарф и шляпка лежали вместе на книжной полке в углу. Вспомните, человек Дрейка говорил, что на Эзел Гарвин была надета шляпка, когда она покидала апартаменты «Монолиз».

Мэйсон молча взял шляпку в руки.

Дрейк тихо присвистнул и многозначительно произнес:

— Черт побери, Перри, а если обе женщины были любовницами Хекли?!

— И обе были здесь этой ночью, — в тон ему проговорил адвокат.

Мейсон, сложив нераспечатанную утреннюю почту на свой стол, принялся расхаживать по кабинету взад и вперед, время от времени высказывая свои соображения Делле Стрит.

— Дело очень запутанное, — сказал он и принялся рассуждать: — Итак, чем мы располагаем... Бензобак автомобиля Эзел Гарвин был полон... Ветровое стекло машины было испачкано... Она не заправляла машину ни на одной заправочной станции... Она очень торопилась, чтобы ждать, пока протрут стекло. Получается нелогично.

Мейсон снова зашагал из угла в угол, затем опять заговорил:

— Мы знаем, что кто-то был у Хекли в двадцать четыре минуты первого этой ночью. Мы допускаем, что Вирджиния Байнам, возможно, была там, но она не могла быть там в это время, поскольку находилась на пожарной лестнице, наблюдая за Денби.

Делла Стрит сказала:

— Ну, что касается меня, то я бы хотела знать побольше о Френке Ливсее. Я разбираюсь в мужчинах такого сорта. Он тщеславен, очень высокого мнения о своей персоне, а следовательно, жесток.

— Почему ты так думаешь?

— Я знаю это. Его слабость — женщины. В молодости он достаточно предавался развлечениям, теперь же осознал, что время его ушло. Но в его офисе работает определенного сорта девушка, которая находится в полной зависимости от него, поскольку хлебу с маслом предпочитает пирожные.

Мейсон сказал:

— Ну, это еще ни о чем не говорит.

— Я еще не закончила, — продолжила Делла Стрит. — Такого типа мужчина становится надменным. Он...

Во входную дверь кабинета кто-то постучал: один удар, за ним пауза, три удара подряд — снова пауза и затем два удара.

— Это условный стук Пола Дрейка, — заметил адвокат. — Впусти его, Делла.

Делла Стрит открыла дверь. Пол Дрейк вошел в кабинет и, приветливо улыбнувшись, спросил:

— Чем занимаемся? Снова латаем дыры в этом загадочном деле?

— Точно, — ответил Мейсон. — Я пытаюсь привести в порядок некоторые факты.

— Полезное занятие, — проговорил Дрейк. — А у меня для тебя новости.

— Выкладывай.

— Полиция обнаружила человека из Океансайда, по имени Ирвинг, Мортимер Ирвинг... А теперь подробно об этом деле, Перри, это очень важно.

— Пол, я весь внимание.

— Ирвинг гостил у друзей в Ла-Джолле. Он возвращался в Океансайд и был обеспокоен тем, что задержался. Дело в том, что в Ла-Джолле он играл в покер и не хотел, чтобы его жена узнала об этом. Он изрядно проигрался и был этим весьма огорчен. Всю дорогу он ехал, стараясь придумать правдоподобное объяснение для своей благоверной.

— Дальше. И пожалуйста, будь серьезнее, Пол.

— В двух милях от Океансайда он увидел машину, стоящую в стороне от дороги. Фары машины были включены.

— В котором часу это было?

— Парень приехал домой ровно без десяти час. Он посмотрел на часы, когда входил в дом.

— Продолжай.

— Важно то, — подчеркнул детектив, — что этот факт подтверждает показания фермера, который говорил, что машина была поставлена таким образом, что свет от фар бил в окна его спальни. Он не обратил внимания, но запомнил, что машина там была где-то в середине ночи. Он не смотрел на часы, следовательно, его показания нельзя приобщить к делу, однако в любом случае мы знаем, что машина там стояла.

Мейсон кивнул. Пол продолжал:

— Теперь же Ирвинг описывает эту картину, не подозревая, что он может оказаться чертовски опасным свидетелем. Он говорит, что удивился, заведя одинокую машину с включенными фарами, и подумал, что, возможно, кто-то попал в беду.

— Дальше, — сказал Мейсон. — Что он сделал?

— Ну, он остановил свою машину, но оставил ее на дороге. На его машине имеется прожектор, которым он посветил вокруг и осмотрел тот автомобиль. Он увидел, что это был кабриолет терракотового цвета, а в нем никого не было. Он стоял с включенными фарами и выглядел весьма подозрительно. Ирвинг не обнаружил никаких признаков чьего-либо присутствия возле автомобиля. Он не обратил внимания на номер машины, но зато дал довольно подробное ее описание. Перри, по описанию машина похожа на кабриолет Гарвина.

— Или на любой другой кабриолет, — возразил Мейсон. — Этот малый мог видеть только большую машину.

— Но он заметил ее цвет.

— Многие из них такого же цвета, — сказал адвокат. — И моя — светло-коричневая, и светло-голубая машина Гарвина могли ночью в свете прожектора выглядеть терракотовыми. Так может выглядеть любая машина светлого цвета.

— Это-то я знаю, — проговорил Дрейк. — Но полиция придерживается другого мнения. Вот почему я говорю, что этот малый может оказаться чертовски опасным свидетелем. Вы же понимаете, что они сделают. Они будут обрабатывать его до тех пор, пока в конце концов не убедят, что он видел именно кабриолет Гарвина. Он даже припомнит вмятины на корпусе машины. И, что самое ужасное, вдруг вспомнит номер.

Мейсон уныло кивнул и сказал:

— Это преступление — давать свидетельские показания под нажимом полиции. Я...

В этот момент распахнулась дверь, телефонистка по имени Герта влетела в комнату и остановилась, натолкнувшись на Дрейка.

— О, извините! — воскликнула она. — Я думала, здесь только мистер Мейсон и мисс Стрит.

— Так и было, — ответил Мейсон. — В чем дело?

— Мистер Мейсон, миссис Гарвин на проводе. Она звонит из Сан-Диего и очень взволнована. Миссис Гарвин говорит, что хочет сообщить что-то важное. Я подумала, что, возможно, вы захотите поговорить с ней таким образом, чтобы мисс Стрит могла слышать ваш разговор по параллельному аппарату и кое-что записать. Она...

— Я согласен, Герта, — перебил ее Мейсон. — Переключите телефон на мой кабинет.

Как только девушка убежала, Мейсон кивнул Делле Стрит и сказал:

— Делла, возьми блокнот и записывай все, что услышишь.

Делла согласно кивнула, открыла блокнот, и они с Мейсоном одновременно подняли трубки двух телефонных аппаратов.

— Алло... — произнес Мейсон.

В трубке раздался истеричный голос Лоррейн Гарвин:

— О, мистер Мейсон! Как я рада слышать вас. Я...

— Успокойтесь, — сказал адвокат. — Рассказывайте, что случилось.

— Они обманули нас. — Кто?

— Полиция.

— Что произошло?

— Представители мексиканской иммиграционной службы пришли к нами и стали выяснять, долго ли мы собираемся пребывать в Мексике, а Эдвард сказал им, что не знает точно, может быть, мы поедem в Энсенеду недели на две или три, а может, и больше. Они остались довольны таким ответом, но потребовали оформить туристические карточки. Они сказали, что эти туристические карточки будут действительны в течение шести месяцев, что их выдают в иммиграционной службе у границы и что нам не нужно для этого пересекать границу между Мексикой и США.

— Так. И что дальше?

— Вот мы и сели в машину Эдварда и отправились к границе, но когда мы добрались туда, офицер дорожной службы потребовал, чтобы мы свернули на дорогу, ответвляющуюся вправо. Эд постарался объяснить, что мы всего лишь хотим получить туристические карточки, но никто из сотрудников дорожной службы не говорил по-английски.

— Так, так.

— Мы понимали, что эта дорога ведет в сторону Соединённых Штатов. Эд решил, что лучше будет пересечь границу, а затем развернуть машину и вернуться обратно в Мексику. Но на границе офицеры таможенной службы проводили досмотр проезжающих машин и лишь потом разрешали двигаться дальше.

— Вам бы следовало знать об этом, — сердито буркнул Мейсон, начиная понимать, что произошло.

Теперь мы знаем, — ответила женщина. — Это была просто западня. Мы пытались ускользнуть, но двое офицеров американской дорожной службы оглушительно засвистели и потребовали вернуться обратно на полосу движения. Эд попытался объяснить, что он только хотел оформить туристические карточки. Выслушав его, офицеры предложили пересечь границу, а затем развернуться. Мы въехали на территорию Соединенных Штатов и в течение минуты пытались выбраться из потока машин, чтобы вернуться в Мексику. Тут вдруг появился этот Трэгг, ухмыльнулся и сказал Эду: «Я же говорил вам, что мы найдем способ добиться вашего содействия, раз вы сами не желаете помочь нам». Короче, они забрали Эда с собой в Сан-Диего и поместили его в тюрьму.

— Где вы сейчас находитесь?

— В Сан-Диего, в «Гранд-отеле».

— Они не арестовали вас?

— Нет, они были со мной очень вежливы. Сказали, что очень сожалеют, что причинили мне беспокойство, и что я могу вернуться в Мексику на машине и забрать свои вещи. Потом они позвонили снова и попросили меня, если я не возражаю, позволить им осмотреть машину.

— А где сейчас машина?

— Здесь, в гараже гостиницы.

— Разве они не осматривали ее раньше?

— Когда они нас схватили, машину осматривали, но теперь, оказывается, они хотят забрать ее, то ли для того, чтобы снять отпечатки пальцев, то ли еще для чего-то. Они сказали, что будут здесь часа через три.

— А где ключи от машины?

— Я думаю, в машине.

— Когда они вам звонили?

— Только что.

— И что вы им ответили?

— Я сказала, что хотела бы отправиться на ней в Мексику, чтобы забрать свои вещи и расплатиться за гостиницу в Тихуане. Они ответили, что предоставят мне для этого полицейскую машину и...

Мейсон перебил ее:

Теперь делайте так, как я скажу. Откажите им. Скажите, что вы совсем не собираетесь ехать на виду у всех в полицейской машине, что они могут послать с вами офицера, если хотят, но поедете вы только на своей машине. Вы все поняли?

— Да.

— И слушайте, что вам делать дальше, — продолжил адвокат. — Не позволяйте им притрагиваться к автомобилю, по крайней мере, полтора или два часа. Затяните дело насколько сможете. Только не ведите себя так, будто хотите что-то скрыть. Просто разыграйте возмущение или раздражение. В общем, придумайте что-нибудь. Убедите их, что они получают машину, как только вы вернетесь. Поняли?

— Да, но я не понимаю, почему...

— И не надо понимать, — сказал Мейсон. — Делайте точно, как я сказал, и ни в коем случае никому не говорите, что разговаривали со мной.

— Да, но я...

— Приступайте, — оборвал ее Мейсон. — Оттяните дело с осмотром автомобиля часа на два. Нам нужно выиграть время. Обо мне никому ни слова. Делайте так, как я сказал. До свидания.

Мейсон опустил трубку.

— В чем дело? — поинтересовался Дрейк. Адвокат, бросив на него озабоченный взгляд, сказал:

— Как раз то, о чем ты говорил, Пол. Знаешь, что может произойти? Полиция намерена задержать машину Гарвина. Они обманным путем заставили его въехать на территорию Соединенных Штатов, а затем арестовали. Теперь же они хотят заполучить его кабриолет. А знаешь ли ты, что они собираются сделать с ним? Они отправятся на этой машине в Океансайд, покажут ее Ирвингу, а тот скажет, что это та самая машина, которую он увидел. Они позволят Ирвингу внимательно осмотреть машину и укажут на приметные места: вмятины, царапины и тому подобное. В конце концов они добьются своего... Ты же знаешь, что происходит со свидетелями.

— Что? — спросил Дрейк, закуривая сигарету. Наставительным тоном Мейсон произнес:

— Тысячу раз доказано, что если преступление будет совершаться в комнате, полной свидетелей, и затем каждый из них будет давать показания, то выяснится, что те сильно различаются и, более того, даже противоречат друг другу. Просто люди не могут видеть вещи и рассказывать о них с одинаковой степенью достоверности.

— Предположим, что ты прав, — с сомнением проговорил Дрейк.

— Черт возьми! — возмутился Мейсон. — Это же классический пример из лекции по психологии. Итак, что же произойдет дальше? Они вызовут каждого по очереди и расскажут всю историю, которая уже освещена в прессе. Свидетели, естественно, все это уже читали и расскажут полиции то же самое, но со своими дополнениями. Полицейские укажут им на маленькие несоответствия с показаниями других свидетелей, выскажут свои соображения и предложат свидетелю хорошенько все вспомнить. Дальше они снова будут беседовать с ним. Потом они позволят ему поговорить с другими свидетелями. Они возьмут его на место преступления, пригласят других свидетелей, чтобы восстановить, как все произошло. Со

временем свидетель приходит к такому состоянию, что дает показания на основании того, что он видел сам и в чем его убедила полиция. Посмотри, что происходит в нашем случае. Полиция нашла свидетеля. Теперь она собирается забрать автомобиль Гарвина и...

— Знаю, знаю, — махнул рукой Дрейк. — Но мы же бессильны что-либо сделать.

— Черта с два, — заявил Мейсон. — Бери свою машину, и вместе с Деллой следуйте за мной как можно быстрее.

— Что ты собираешься делать?

Мейсон ответил:

— Я собираюсь взять свой кабриолет, отправиться на нем к Океансайду, поставить его в том месте, где свидетель видел ночью машину. А вы едете к мистеру Мортимеру Ирвингу и просите его приехать опознать машину. Сажаете его к себе и везете к моей машине. Мой кабриолет будет стоять на условленном месте. Ставлю десять против одного, что этот парень признает: тот кабриолет, который он видел ночью, был мой, если, правда, он увидит его раньше, чем подоспеет кабриолет Гарвина.

— А потом что? — с сомнением в голосе спросил Дрейк.

— А затем, — продолжал Мейсон, — мы с вами вернемся восвояси, а миссис Лоррейн Гарвин скажет полиции, что они могут забрать ее машину для обследования. Полиция помчит к Океансайду и устроит опознание с участием Ирвинга. Ирвинг скажет им, что это не та машина, ту он уже видел и что на ней был тот же номер, который он видел ночью.

— Он не будет опознавать, если узнает, что машина принадлежит тебе, да еще узнает, кто ты, — продолжал сомневаться детектив.

— Он не узнает, кто я такой, — заверил его Мейсон. — И он не узнает, кому принадлежит машина.

Дрейк тряхнул головой и сказал:

— Ну, конечно, в подобных делах ты смыслишь больше моего, но что касается меня, то я умываю руки.

— Почему?

— Это чертовски опасно. Ты можешь накликать беду на свою голову.

— Какую беду? — возразил Мейсон. — Мы просто просим человека опознать машину.

— И устраиваем ему спектакль. Ты заставляешь его думать, что это та же самая машина, которую он видел ночью.

— А разве полиция не пытается сделать то же самое? — огрызнулся адвокат. — Полиция заняла очень удобную позицию: что бы она ни делала — это правильно, но для других то же самое действие может быть противозаконным. Так ты едешь или нет?

— Нет, — покачал головой Дрейк. — У меня свое мнение на сей счет. Это здорово отдает...

Мейсон его недослушал, он повернулся к своей секретарше. Та отодвинула стул, встала, взяла из шкафа шляпу Мейсона и сказала:

— Шеф, моя машина стоит внизу. Она готова к поездке. Правда, такую скорость, как на вашем кабриолете, ей не развить. Но я постараюсь не отстать от вас, если вы будете учитывать возможности моего автомобиля.

Адвокат взял из рук Деллы Стрит свою шляпу, надел ее и сказал:

— Поехали.

— Перри, будет страшный скандал. Они... — пытался образумить их Дрейк.

— Пусть скандалят, — отмахнулся Мейсон. — Я не собираюсь сидеть сложа руки и не позволю им навязывать свидетелю свое мнение. Я не потерплю, чтобы моего клиента обвиняли в том, чего он не совершал. Если у меня есть право вести перекрестный допрос и после дачи показаний в суде спрашивать у свидетеля, как он узнал эту машину, то значит, у меня есть такое

же право вести перекрестный допрос до того, как он дал показания, и продемонстрировать, что он не может точно утверждать, чей кабриолет он видел. Едем, Делла.

Перри Мейсон и Делла Стрит остановили машину перед небольшим скромным домом на одной из улочек Океансайда.

Мейсон вышел из машины, поднялся по ступенькам и постучал. Дверь распахнулась от сильного толчка. На пороге стояла рыжеволосая женщина. Ее глубоко посаженные глаза смерили Мейсона с головы до ног.

— Нам ничего не нужно, — произнесла она и собралась было закрыть дверь.

— Минуточку, — остановил ее адвокат, — я хотел бы видеть вашего мужа.

— Он на работе.

— Вы не могли бы сказать мне, где он работает?

— На автозаправочной станции.

— Он не рассказывал об автомобиле, который видел, когда возвращался из Ла-Джоллы?

— Рассказывал, — ответила женщина.

— Я хочу побеседовать с ним об этом. Он описывал вам эту машину?

— Он заметил, что это был кабриолет светлого цвета. В нем никого не было.

— Вы помните, в котором часу ваш муж вернулся домой?

— Без десяти час. Вечно сидит со своими приятелями, просаживает в карты деньги, рисковать которыми не имеет никакого права. Игрок он паршивый, но по части придумывания неправдоподобных историй, когда нужно загладить свою вину, ему равных нет...

— Так мы найдем его на заправочной станции?

— Несомненно.

Мейсон поблагодарил ее, быстро вернулся к автомобилю и отправился к заправочной станции в поисках Мортимера Ирвинга.

Ирвинг — рослый, медлительный и добродушный человек с часто моргающими глазами, выглядевший намного моложе своей жены — взглянул на них и сказал:

— Я видел там машину, чего никак не ожидал в столь поздний час. В первую очередь в глаза бросилось то, что фары были включены. Это меня очень удивило. Я подумал: может быть, какая-нибудь девушка, находясь в затруднительном положении, специально включила их, надеясь таким образом привлечь к себе внимание и получить помощь? Я сразу направил на машину свой прожектор.

— Вы не могли бы отлучиться с работы на полчаса? — спросил Мейсон.

— Вряд ли.

— А если я дам вам десять долларов? Мужчина заколебался.

— И еще десять долларов, которые вы заплатите своему напарнику, чтобы он обслужил ваших клиентов, пока вы будете отсутствовать.

Ирвинг в раздумье почесал затылок.

— Много вы проиграли последний раз в покер? — дружески подмигнул ему адвокат.

— Чуть больше пятнадцати баксов, — проворчал Ирвинг.

— Почему вы не сказали об этом сразу? — усмехнулся Мейсон. — Я дам вам двадцать долларов, и еще десять для мужчины, который подменит вас на работе, и еще пять — для парня, который поможет вашему напарнику, если здесь скопится много машин. Тогда вы сможете сказать своей жене, что приехали из Ла-Джоллы с прибылью. Вы проиграли пятнадцать долларов, а получите двадцать.

— Мистер, — произнес Ирвинг, — вы хорошо знаете, что сколько стоит. Если бы я мог уговаривать подобным образом, я был бы лучшим продавцом во всех Соединенных Штатах.

Секундочку, я договорюсь с ребятами.

— Вот тридцать пять долларов, — отсчитал Мейсон деньги. — В вашем распоряжении не более десяти минут. Постарайтесь уложиться.

Ирвинг ушел, чтобы договориться с напарником. Через некоторое время он, улыбаясь, вернулся, открыл заднюю дверцу машины, забрался внутрь и сказал:

Теперь все в порядке. Сегодня вечером я пойду домой с легкой душой. А то я постоянно думаю, что лучше бы меня избили, чем выслушивать ругань жены. Теперь я счастлив.

Мейсон кивнул Делле, и машина быстро покатила по направлению к шоссе.

— Как вы думаете, вы бы узнали эту машину, если бы увидели ее снова? — спросил Мейсон.

— Ну, честно говоря, я не так хорошо ее разглядел, чтобы сказать, какая модель, кем выпущена, год выпуска. Я в основном пытался разглядеть людей. Я был несколько напуган, я думал, что какая-нибудь девушка выскочила из машины, спасаясь от негодяя, который приставал к ней и... Я не знаю, я просто увидел включенные фары, остановил машину и направил на автомобиль прожектор. Вот и все. Луч прожектора выхватил машину из мрака, вокруг никого не было. Выражаясь языком кинооператоров, такую картину можно было бы назвать безжизненной.

— Я вижу, у вас есть опыт обращения с камерой.

— Да, я немного балуюсь этим, когда есть деньги на киноплёнку. Только бывает это нечасто.

— Ну а если, — спросил Мейсон, — мы достанем для вас киноплёнку? Какой формат у вашей камеры?

— Шесть на двадцать.

— Думаю, мы сможем вам помочь, — пообещал адвокат.

Делла Стрит сбавила скорость.

— Посмотрите, — сказал Мейсон, — вон там стоит кабриолет. Он стоит так же, как и ночью, когда вы...

— Он стоит почти так же, и вообще, это машина такой же марки, такая же большая и... — подхватил Ирвинг.

— Значит, на ваш взгляд, — проговорил адвокат, — это и есть та самая машина, которую вы видели. Иначе говоря, она имеет те же отличительные особенности, как и та машина, которую вы видели. Она, возможно, и есть та самая машина.

— Возможно, — согласился Ирвинг.

Делла Стрит остановила машину, украдкой открыла блокнот и, пристроив его на коленях, принялась записывать показания Ирвинга.

— Итак, вы возвращались ночью из Ла-Джоллы и увидели машину, стоящую здесь так же, как и эта, которую вы сейчас видите.

— Она похожа на ту, — сказал Ирвинг. — Во всяком случае, мне так кажется.

— Вам не бросилось в глаза что-нибудь характерное?

— Только то, что это был кабриолет светлого цвета, приблизительно такого же размера, как и этот. А что вы хотите, чтобы я сказал? Что это и есть та самая машина?

Мейсон быстро взглянул на него и проговорил:

— Я хочу услышать от вас правду. Я расследую это дело и хочу досконально во всем разобраться: какая была машина, как вы ее увидели и насколько точно вы сможете опознать ее.

— Сказать по правде, — пробормотал Ирвинг, — осмотрев машину...: Пойдите, я же ехал с той стороны. Надо проехать немного вперед, развернуться и подъехать обратно.

Мейсон слегка подтолкнул локтем Деллу Стрит и сказал:

— Хорошо. Делла, я поведу машину.

Он вышел из машины и, обойдя ее сзади, сел за руль. Делла, придерживая блокнот на коленях, передвинулась вправо. Мейсон проехал вперед, затем круто развернулся и двинулся в обратном направлении.

— Остановите вот здесь, — указал Ирвинг. — Теперь посмотрим... Как мне кажется, это та же самая машина. Она так же выглядит и стоит на том же месте. Правда, если только смотреть отсюда, где я остановил машину. Так что с этого расстояния кажется, что это та самая машина. Поймите, я не могу со всей уверенностью утверждать, что это та же самая машина, но не могу и утверждать, что это не она.

— Чудесно, — весело сказал Мейсон. — Еще раз уточним. Я считаю заявление справедливым только в том случае, если оно соответствует фактам. Вы утверждаете, что машина стояла именно так?

— Уверен, — отозвался Ирвинг.

— У меня не очень хорошее зрение. Вы не могли бы прочесть отсюда номер машины?

— Отодвиньтесь чуть-чуть, — попросил Ирвинг, — я попытаюсь... — И проговорил: — 9 В 6—370.

— Прекрасно, — сказал Мейсон и добавил: — Думаю, на этом и закончим.

Он тронул машину с места, и она покатила по направлению к Океансайду. Остановившись у заправочной станции, они высадили Ирвинга и повернули обратно к шоссе.

Делла Стрит, улыбаясь, произнесла:

— Сейчас он честный свидетель.

— Сейчас да, — согласился Мейсон, — но со временем полиция навяжет ему свое мнение, и он с полной уверенностью будет утверждать, что видел кабриолет, принадлежащий Эдварду Гарвину.

До Океансайда Мейсон ехал не спеша, а затем вдруг увеличил скорость.

— Я хочу успеть убрать кабриолет до того, как полиция прибудет туда, — объяснил он.

В полумиле от места, где стояла машина адвоката, Делла Стрит сказала:

— Похоже, что вы опоздали, шеф.

Мейсон тихо выругался, поскольку увидел на дороге мерцающий красный свет, а затем услышал нарастающий вой сирены. Большая полицейская машина, а следом за ней кабриолет Гарвина остановились перед тем местом, куда так спешил адвокат.

— А может быть, все и к лучшему, — задумчиво проговорил Мейсон и, свернув с шоссе, подъехал к своему кабриолету.

Мужчина, на рубашке которого красовался нагрудный знак со словами «Сан-Диего, уполномоченный шерифа», сержант Голкомб, широкими шагами направился к адвокату.

— Это еще что такое?! — угрожающе заорал он.

— Ничего особенного. Просто ненадолго поставил здесь свою машину. Разве это возбраняется? — улыбаясь, спокойно ответил Мейсон.

— Это ваша машина?

— Да, моя.

— Чем вы здесь занимаетесь? — спросил шериф. Мейсон ответил:

— Пытаюсь найти убийцу, Эзел Гарвин. Мне известно, что моего клиента арестовали по подозрению в убийстве.

— Что за идея такая, ставить здесь свою машину? — рявкнул Голкомб.

— По-моему, закон этого не запрещает, — ухмыльнулся адвокат.

— Я хочу знать, что вы затеяли? Мейсон, приняв невинный вид, ответил:

— Джентльмены, мне нечего скрывать от вас. Я стараюсь увязать свидетельские показания

с реальными фактами в этом деле. Здесь в Океансайде проживает мужчина, по имени Мортимер Ирвинг, который в ночь, когда произошло убийство, видел на этом месте машину. Теперь, чтобы вы убедились в моей честности, расскажу вам о нем поподробнее. Его полное имя Мортимер К. Ирвинг. Вы найдете его на автозаправочной станции, которая находится по правую руку, сразу при въезде в город. Это очень покладистый мальчик. Так вот, в ту ночь он играл с друзьями в покер в Ла-Джолле. Когда он возвращался оттуда, то увидел у дороги машину. Ее фары были включены, это и привлекло его внимание. Теперь совершенно ясно, что это не та машина, в которой было найдено тело Эзел Гарвин. Это была совсем другая модель. Насколько он запомнил, это был кабриолет. Не скрою, я бы очень хотел добыть как можно больше сведений об этом автомобиле. Но, к сожалению, Ирвинг немного смог рассказать. Все, что он знает об увиденной машине, так только то, что это был кабриолет, очень похожий на мой, который я поставил на этом месте, чтобы помочь ему вспомнить события той ночи.

— Иначе говоря, — угрожающе произнес Голкомб, — вы заставили его дать показания под давлением. Так?

— Не драматизируйте ситуацию. Я ни на кого не давил, — парировал Мейсон.

— Черт бы вас побрал! — Голкомб не скрывал своего раздражения. — Вы знаете так же хорошо, как и я, что единственный способ опознать машину или человека — это провести следственный эксперимент. Вы поставили свою машину именно так, как и...

— А что вы собирались делать с машиной Гарвина? — перебил его адвокат.

— Снять с нее отпечатки пальцев, — угрюмо ответил уполномоченный шерифа.

— Конечно, для этого просто необходимо было привезти ее сюда, — рассмеялся Мейсон. — Джентльмены, не вмешивайтесь в мои дела. Если мистер Гарвин позволил вам взять автомобиль, то это лишний раз доказывает, что он готов содействовать вам во всем. Между прочим, у мистера Гарвина безупречное алиби на то время, когда было совершено убийство... А теперь, с вашего позволения, джентльмены, я удаляюсь.

Мейсон направился к своему кабриолету, открыл дверцу, забрался в машину, включил зажигание, и машина плавно тронулась, оставляя позади двух разозленных и растерянных офицеров полиции.

Хемлин Кавингтон, окружной прокурор города Сан-Диего, смерил взглядом Перри Мейсона, когда адвокат вошел в зал суда, и повернулся к своему помощнику Сэмюэлю Джарвису.

— Производит приятное впечатление, — прошептал Кавингтон, — я не усматриваю в нем ничего колдовского.

— Я слышал, он коварный человек, — предупредил Джарвис.

Кавингтон, высокий, крупного телосложения мужчина, с достоинством произнес:

— Думаю, в данном случае нет оснований опасаться его. Его конек на судебных процессах — быстрые маневры. В результате чего его оппонентам приходится защищаться. Со мной это не пройдет. Я буду придерживаться твердой позиции, о которую этот дьявольский стряпчий разобьется, подобно морской волне, разбивающейся о прибрежные скалы.

Сэм Джарвис кивнул и усмехнулся с победоносным видом:

— Если бы только Мейсон знал, как мы подготовились к встрече с ним.

— Ну, — самодовольно произнес Кавингтон, — когда-нибудь это должно было с ним случиться. Он же предпочитает встречаться с сильным соперником. Наконец он встретит достойного. Он получит вызов в коллегия адвокатов, в комиссию жалоб, на предмет проведения им опознания машины за деньги. Это охладит его пыл в перекрестных допросах. Чем больше он постарается запутать свидетеля, тем больше даст оснований адвокату для недовольства его деятельностью. — Кавингтон довольно усмехнулся, предвкушая поражение грозного адвоката. — Мы покажем ему, что в нашем округе дела ведутся несколько по-другому, не так ли, Джарвис?

— Еще бы! — согласился тот. — Когда он услышит...

Внезапно дверь судейской палаты открылась, и в зал вошел судья Минден.

Все присутствующие встали. Судья направился к своему месту, какое-то мгновение он смотрел на стоящих в зале людей, а затем снисходительным кивком разрешил им сесть. Судебный пристав ударил в гонг и зычным голосом объявил об открытии судебного заседания:

— Верховный суд города Сан-Диего, штата Калифорния, председательствующий — верховный судья Харри-сон И. Минден.

— Рассматривается дело Эдварда Карлеса Гарвина, — объявил судья Минден.

— Со стороны обвинения — готовы, — объявил Кавингтон.

— Со стороны защиты — готовы, ваша честь, — отозвался Мейсон, вежливо улыбаясь.

— Составьте список присяжных, — предложил судья секретарю.

Кавингтон шепнул Сэмюэлю Джарвису:

— Сэм, сходите и выберите присяжных. Я хочу подготовиться. Так будет проще бороться с Мейсоном. Только бы нам не переусердствовать.

— Он будет повержен, — убежденно ответил Джарвис и удалился.

Кавингтон провел рукой по седым волосам. Его глаза хищно блеснули в предвкушении долгожданного исхода.

Судья Минден сказал:

— Прошу названных присяжных заседателей занять места в ложе.

Секретарь поднялся с места и зачитал двенадцать имен.

Судья Минден кратко изложил их обязанности, обратился к прокурору с просьбой изложить суть дела, задал присяжным несколько традиционных вопросов и разрешил представителю защиты опросить присяжных.

Мейсон ограничился поверхностным опросом.

Прокурор же дал указание Джарвису затянуть опрос присяжных до тех пор, пока для него не станет очевидным, кого же из двенадцати выбрать для участия в процессе.

В результате дебатов четверо присяжных удалились из ложи, их места заняли другие. Было заметно, что Мейсон задает свои вопросы присяжным лишь для соблюдения процессуальных формальностей.

Раздраженный прокурор Кавингтон сам включился в опрос присяжных, и когда — уже днем — присяжные были окончательно отобраны, расвирепевший прокурор понял, что бороться с этим адвокатом будет не так легко, как он предполагал. Мейсон быстро осуществлял безапелляционные отводы кандидатов, демонстрируя при этом безупречное знание закона и прекрасно разбираясь в характерах людей.

— Господин прокурор, вы не сделаете вступительное заявление? — спросил судья.

Недовольный и возбужденный Кавингтон, обращаясь к присяжным, заявил о своем намерении доказать, что обвиняемый в результате незаконного развода в двоеженстве Эдвард Карлес Гарвин нашел не самый лучший способ решения проблемы, а именно — убийство своей первой жены.

— Леди и джентльмены, я намерен доказать вам, — продолжал Кавингтон, — что этот человек преднамеренно заманил свою жену ночью в безлюдное место, откуда, согласно его плану, ей не суждено было вернуться живой. Хладнокровно и тщательно продуманное, изощренно осуществленное преступление, которое, возможно, никогда не было бы раскрыто, если бы...

Его выступление было прервано Джарвисом, который, дернув прокурора за полу пиджака, намекал, что заявление слишком уж затянулось.

Кавингтон умолк, кашлянул и продолжил:

— ...если бы не усилия полиции нашего города, работавшей совместно с полицией Лос-Анджелеса. Леди и джентльмены, я не хочу подробно останавливаться на свидетельских показаниях. Обвиняемый сбежал из Соединенных Штатов в Мексику, где его и разыскали, в соответствии с иском, который возбудила по отношению к нему его первая жена, и...

— Прощу слова! — прервал излияния прокурора Мейсон. — Ваша честь, я протестую против всякой попытки со стороны прокурора выдвигать обвинения, не связанные с преступлением, рассматриваемым на заседании. Я заявляю, что это делается с целью дискредитации моего подзащитного, и квалифицирую замечания прокурора как неумелое ведение процесса. Я попросил бы суд предостеречь присяжных от принятия к сведению этих замечаний.

— Высокий суд, — не сдавался Кавингтон, — этот случай является исключением из общего правила. Это тот случай, когда обвинение в двоеженстве, которое было выдвинуто против обвиняемого его женой, явилось мотивом для ее убийства. И защите это хорошо известно. Обвиняемый сбежал в Мексику. Он решил убить свою жену и таким образом сделаться вдовцом, что давало ему возможность вступить в брак с женщиной, которой он увлекся.

— Я настаиваю на своем протесте, — сказал Мейсон, — и прошу расценить такое обвинение как нарушение процедуры судебного заседания.

— Господин прокурор, — с раздражением произнес судья Минден, — я не знаю, какие свидетельские показания вы собираетесь предъявить, и поэтому вынужден признать, что вы выходите за рамки процессуального порядка. Не лучше ли было бы повременить с обвинениями? Сначала представьте суду свидетельские показания, затем мы выслушаем возражения со стороны защиты, заслушаем мнение присяжных заседателей, а уж потом суд сможет вынести справедливое решение. Вы же избрали путь через черный ход и тем самым

вводите суд в заблуждение. Прежде всего нам нужно установить, какими фактами мы располагаем. Я предлагаю вам изложить присяжным, какие факты имеются у вас относительно передвижений подсудимого в то время, когда было совершено преступление. Пока я признаю, что представитель защиты — прав, призывая вас к соблюдению процессуального порядка.

— Хорошо, ваша честь, — уступил, задетый за живое, Кавингтон. — Если суду угодно, чтобы я подчинился такой процедуре, я готов это сделать.

— Учитывая подобные обстоятельства, — продолжал судья Минден, — с целью защитить права подсудимого, суд призывает присяжных не принимать к сведению замечания, высказанные обвинением, которые касаются другого преступления.

Кавингтон, хорошо сознавая, что выставил себя в глазах присяжных в невыгодном свете, и пытаясь исправить положение, проговорил:

— Леди и джентльмены, я заканчиваю. Вне всяких сомнений, я докажу, что обвиняемый совершил убийство, причем жестокое и преднамеренное. Я буду требовать для него самого сурового наказания. Иными словами, я буду настаивать на вынесении ему смертного приговора.

С последними словами Кавингтон обратил мрачный взгляд в сторону Эдварда Гарвина. Затем такого же взгляда удостоился и Перри Мейсон. Прокурор шумно опустил на место и зашептал Джарвису:

— Черт бы побрал его высокомерную улыбку. Ну ничего, скоро он с ней распрощается.

— Защита желает взять слово? — спросил судья Минден.

— О, если суду угодно выслушать меня, — отозвался Мейсон, — я буду краток.

Он поднялся с места и подошел к перилам, отделявшим ложу присяжных от зала суда. Устремив на заседателей многозначительный взгляд, он глубоко вздохнул.

Некоторым присяжным заседателям Мейсон был уже знаком как главное действующее лицо многих блестящих процессов. Те же, кто видел его впервые, смотрели на него с нескрываемым интересом.

— Леди и джентльмены, господа присяжные заседатели, — обратился к присутствующим адвокат и на мгновение умолк с сокрушенным видом.

Присяжные в недоумении переглянулись. Внезапно лицо Мейсона озарила улыбка, и он выпалил:

— Он ничего не докажет!

Затем, прежде чем присяжные и прокурор поняли, что это и было вступительной речью защиты, Мейсон развернулся и пошел к своему месту.

У некоторых присяжных на лицах заиграли улыбки. В зале суда нарастал легкий шум веселья, прервать который смог лишь удар молотка в судейский гонг.

— Продолжайте, — обратился судья к прокурору. Кто в этот момент проследил за выражением его лица, мог бы заметить промелькнувшее в его глазах выражение легкого пренебрежения.

Кавингтон хриплым голосом сказал своему помощнику:

— Сэм, иди вместо меня и докажи его виновность. Я пока выйду, немного подышу свежим воздухом. Ну, этот стряпчий получит хороший урок. Я это обещаю. К концу процесса от его репутации чародея останутся только воспоминания. Иди, Сэм, черт побери, и принимайся за дело.

Кавингтон, с оскорбленным видом человека, который не привык к подобному обращению, направился широкими шагами по проходу зала суда, а его помощник принялся выстраивать цепь предварительных доказательств.

Учитывая, что свидетель, обнаруживший тело Эзел Гарвин, был сотрудником Дрейка и что он может истолковать свидетельство по-иному, а значит, выгодно помочь стороне защиты,

помощник прокурора вел допрос очень осторожно.

Он спросил свидетеля, находил ли тот автомобиль, стоявший в стороне от дороги, были ли основания для осмотра машины, обнаружил ли он внутри женщину. Свидетель обстоятельно ответил, что нашел револьвер на земле возле машины, вызвал полицию и впоследствии, во время допроса у следователя, опознал тело убитой.

Неожиданно Джарвис предложил Перри Мейсону приступить к перекрестному допросу.

— Защита вопросов не имеет, — заявил Мейсон. Джарвис не мог скрыть своего удивления — он был уверен, что Мейсон будет строить защиту на показаниях именно этого свидетеля.

Следующим свидетелем был шеф полиции города Океансайда. С ним Джарвис держался подчеркнуто вежливо. Офицер дал следующие показания: на место преступления выехали следователь по уголовным делам и шериф города Сан-Диего, они же произвели тщательный осмотр местности, а потом следователь произвел опознание убитой женщины.

Джарвис пытался заострить показания свидетеля на результатах экспертизы следов, оставленных на месте преступления.

Рассчитывая на возражения со стороны Мейсона, помощник прокурора уточнил, что его интересует положение машины, о чем можно судить по следам, обнаруженным на земле.

В это время в зал суда с шумом вошел Хемлин Кавингтон, стараясь тем самым привлечь к себе внимание. Он уселся позади Джарвиса, немного послушал и принялся шепотом давать тому свои указания:

— Продолжай в том же духе. Допроси его, на что указывают обнаруженные следы. Пусть Мейсон попытается высказать свой протест.

Джарвис зашептал в ответ:

— Мы не знаем, насколько точны результаты экспертизы. Если там не все чисто, этот дьявол Мейсон сразу же уцепится за неточности.

— Пусть только попробует, — не унимался Кавингтон. — По крайней мере, мы заставим его выразить протест. Мы заставим его клонуть на нашу наживку.

— Ладно, — согласился Джарвис. Он поднялся с места и обратился к шефу полиции: — Итак, расскажите, обратили ли вы внимание на следы двух машин, доказывающие, что машины стояли рядом?

Джарвис искоса взглянул в сторону Мейсона, ожидая от него негодующего протеста, но тот, казалось, даже не расслышал вопроса.

— На мой взгляд, машина, в которой было обнаружено тело, — ответил свидетель, — стояла следом за той, которая покинула это место, и...

— Минуточку, — вмешался судья. — Господин помощник прокурора, я попросил бы повторить вопрос.

Джарвис повторил свой вопрос. Судья в ожидании взглянул на адвоката, тот безмолвствовал.

— Отвечайте на поставленный вопрос, — резко бросил Кавингтон.

— По-видимому, все произошло так, — продолжал свидетель, — машина, в которой было найдено тело, стояла прямо за другой машиной, которая потом исчезла. Было видно, что машина с телом женщины была поставлена в то положение, в котором ее впоследствии и обнаружили, а убийца расположил тело жертвы позади рулевого колеса, перебрался в другую машину и уехал. Вот так это было.

— Можете приступать к перекрестному допросу. — Джарвис победоносно взглянул на Мейсона.

— Насколько я понял, — произнес Мейсон со свойственной ему манерой, демонстрирующей заинтересованность, стремясь тем самым привлечь внимание присяжных,

чтобы они лучше уяснили ситуацию, — разговор шел о следах, оставленных преступником?

— Да.

— Теперь, вы утверждаете, что машина с телом женщины была подведена буквально в колею другой машины?

— Совершенно верно. На это указывают кое-какие нарушения поверхности грунта. Он состоит из песка и частиц гранита, которые кое-где сильно уплотнены. Выявить следы отчасти было возможно, но недостаточно четко, чтобы утверждать что-либо абсолютно. Были заметны следы передних колес машины Эзел Гарвин, которые врезались в грунт при установке машины в строго определенное положение. Водителю даже пришлось дать задний ход, чтобы вкатить машину точно в след той, что стояла впереди.

— Так, так, — проговорил Мейсон, всем своим видом демонстрируя живейший интерес. — Значит, вы говорите, что другая машина, стоявшая там, была оставлена заранее?

— Да.

— Женщину убили, когда она вела машину?

— Нет, сэр. Судя по следам крови и их расположению, она сидела справа, когда в нее выстрелил человек, который вел машину. Потом он направил мадонну к тому месту, где стояла другая, перетащил тело за руль, обошел машину Эзел Гарвин сзади и уехал на другой машине.

— Понятно, — сказал адвокат. — Итак, вы утверждаете, что там, где стояла оставленная заранее машина, остались следы?

— Да, сэр.

Судя по голосу, Мейсон был очень заинтересован ожидаемым ответом.

— А какие были оставлены следы, свидетельствующие о том, что машина стояла там в ожидании?

— Остались следы на том месте, где она стояла и где отъезжала.

— И что же свидетельствует о том, что она неспроста стояла там?

— По следам видно, где она тронулась с места, потом, резко развернувшись, поехала обратно по направлению к шоссе.

— Так, — сказал Мейсон, — а если бы не было следов, свидетельствующих о повороте, куда бы тогда она поехала?

— Она бы поехала прямо вперед.

— А что было впереди?

— Невозможно было ей ехать туда.

— Это почему? Что ей мешало?

— Океан.

— О, ясно. Значит, машину пришлось развернуть.

— Конечно, ему пришлось так поступить.

— Получается, единственным свидетельством того, что машина была там оставлена специально, являются следы резкого разворота?

— Ну, машина ждала, когда за ней приедут. Об этом свидетельствуют следы ее движения на том месте, где обнаружили убитую женщину.

Мейсон снова спросил:

— Послушайте внимательно мой вопрос, на который я хочу получить ответ. Какие были оставлены следы, по которым можно было бы утверждать, что машина была оставлена для того, чтобы дожидаться другой?

— Об этом свидетельствуют следы машины Эзел Гарвин, которую умело подогнали в след оставленной раньше машины.

— Таким образом, преступник хотел избавиться от следов поджидавшей машины, которая

вам открывала истинную картину происшедшего, и вы бы делали выводы по следам совсем другой машины.

— Если вы хотите представить это таким образом, то да.

— Мой дорогой, — с улыбкой поправил его Мейсон, — это не я хочу так представить. Вы хотите так представить. Вот и представляйте вашу версию, но только, будьте добры, постарайтесь излагать поближе к истине.

— Хорошо. Все именно так и было.

— Выходит, вы заблуждались, когда утверждали, что об этом можно было судить по следам машины, на которой скрылся преступник?

— Нет.

— Но все же, какие следы машины, которая была там оставлена, свидетельствуют о том, что она стояла до возвращения преступника?

— Об этом можно судить по рисунку отпечатков протекторов машины, которая подъехала следом.

— Вы имеете в виду машину, в которой лежало тело убитой женщины?

— Да.

— Потрудитесь выслушать меня внимательно, — призвал его Мейсон. — Было ли в следах машины, которую, как вы утверждаете, убийца оставил специально, что-нибудь, точно свидетельствующее о том, что она была оставлена специально?

— Ну, нет, — сказал шеф полиции и попытался объяснить: — Практически, утверждать это невозможно. Нельзя по следам машины сказать: подъехала ли она или стояла час, два или все четыре. Другое дело, если бы шел сильный дождь.

— О, — произнес адвокат с обезоруживающей улыбкой, — тогда вы ошибались, заявляя присяжным при даче свидетельских показаний в прямом допросе, что следы стоявшей машины свидетельствуют о том, что она была оставлена там на некоторое время?

— Верно. Эти следы ни о чем таком не говорят, — согласился полицейский. — Просто обычно приходится восстанавливать картину, привлекая следы другой машины.

— Так вы ошибались? — настаивал Мейсон.

— Ну, я... я так думал.

— Я знал, что вы ошибались, — сказал адвокат, продолжая улыбаться. — Я лишь хотел удостовериться, как не просто добиться от вас признания в этом. У меня все, шеф, благодарю вас.

— Минуточку, — выкрикнул Кавингтон, вскочив со своего места. — Вы не ошиблись, заявляя, что убийца оставил машину на время совершения преступления, а позже подъехал на другой машине непосредственно к первой, не так ли, шеф?

— Я протестую, — улыбаясь, заявил Мейсон, — против попытки прокурора оказать давление на свидетеля. Я могу задавать наводящие вопросы в перекрестном допросе, но прокурор не имеет права задавать свой вопрос напрямую.

— Протест принимается, — согласился судья.

— Что же все-таки случилось? — спросил Кавингтон.

— Свидетель, — объяснил Мейсон, — пытался изложить картину происшествия, опираясь на два факта. Я хочу знать, были ли сделаны фотографии этих следов?

— На месте преступления уже слишком сильно наследили, прежде чем туда приехали наши фотографы, — раздраженно ответил Кавингтон.

— Ну, защита, я надеюсь, за это ответственности не несет, — пошутил адвокат.

— Так скажите нам об этих следах. О чем они говорят?

— Я выражаю протест против требования давать заключение по этому свидетельскому

показанию, — заявил Мейсон. — Для этого не было надлежащего основания.

— Протест принимается, — произнес судья Минден, но затем добавил довольно едко: — Свидетель определенно представил поспешное заключение, аргументируя его сомнительными фактами.

— Совершенно верно, ваша честь, — согласился адвокат, улыбаясь. — А потом он признал, что ошибался.

— Он не ошибался в том, что случилось, — упорствовал Кавингтон.

— Свидетель признал, что он ошибался, — сказал Мейсон.

— Очень хорошо, — сказал Кавингтон с усмешкой. — Вы виртуозны в вашей технике ведения допроса, но думаю, господа присяжные заседатели понимают все.

— Уверен, что они все понимают, — многозначительно произнес Мейсон.

— Можете пригласить следующего свидетеля, — обратился судья Минден к Кавингтону.

Вошел судебный пристав, подошел к Перри Мейсону и вручил ему сложенный лист бумаги. Адвокат развернул его и прочел.

Ему предлагалось через два дня в восемь часов вечера явиться в комиссию жалоб при коллегии адвокатов для обсуждения предъявленного ему иска об использовании им свидетеля так, что его действия привели к искажению свидетельских показаний.

Мейсон сложил документ и сунул его в карман.

Кавингтон, наблюдая за спокойным выражением лица Мейсона, сказал Джарвису:

— Черт бы его побрал. Он только притворяется, что все нормально, а на самом деле у него душа не на месте. Если завтра на перекрестном допросе Ирвинга он попытается разрушить свидетельские показания, то тем самым перережет себе горло. Если он допустит, чтобы показания свидетеля не были подвергнуты сомнению, то перережет горло своему клиенту. — Прокурор довольно потер руки и добавил: — Мы проучим каждого, кто встанет у нас на пути.

— Джентльмены, — сердито проговорил судья Минден, — давайте продолжать.

Сэмюэль Джарвис вызвал топографа, чтобы ознакомить всех с картами и диаграммами. Затем он пригласил хирурга, вскрывавшего труп. Потом заслушали человека, который был в дружеских отношениях с жертвой и участвовал в опознании тела убитой. В конце концов помощник прокурора предложил:

— Может быть, суд соблаговолит сделать перерыв? Судья Минден согласно кивнул.

— Думаю, мы хорошо поработали сегодня, — сказал он. — Я не собираюсь изолировать присяжных друг от друга или от кого бы то ни было, но убедительно прошу вас не обсуждать дело между собой или с кем-нибудь еще. Я бы попросил еще не читать газеты да и вообще избегать информации, касающейся данного дела. Не разрешается также участвовать в обсуждении дела, даже если не вы его начали. Вам запрещается высказывать свое мнение, пока дело не будет окончательно представлено на ваше рассмотрение. Суд объявляет перерыв до десяти часов утра завтрашнего дня.

Выйдя из зала суда и шагая по коридору, Кавингтон говорил своему помощнику:

— Я не пойму, как Мейсон создал себе такую репутацию? Он, конечно, блестящий оратор, умен. Способен устроить спектакль для присяжных, но не более того. Завтра я получу огромное удовлетворение от ударов, которые будут потрясать его. Мы разрушим его спокойствие.

— Несомненно, — согласился Сэмюэль Джарвис.

— Завтра будет день нашего триумфа, — пообещал Кавингтон.

Мейсон же в зале суда, обернувшись, успокаивал своего клиента:

— Держитесь, держитесь, Гарвин.

Гарвин слабо улыбнулся:

— Что было в бумаге, которую вам вручили? Что-нибудь касающееся меня?

— Нет, — ответил его адвокат. — Это касается меня.

Когда на следующее утро суд возобновил работу, Хемлин Кавингтон, находясь еще под впечатлением событий предыдущего дня и получив первое представление о характере Мейсона, был особенно бдительным — он готовился нанести адвокату сокрушительный удар.

Он ознакомил присутствующих с документами, свидетельствующими о факте бракосочетания Эдварда Карлеса Гарвина и Эзел Гарвин, о «мексиканском разводе» и повторной женитьбе Гарвина на Лоррейн Эванс. Далее Кавингтон предъявил суду заверенные копии документов, подтверждающих подачу иска на Гарвина по обвинению его в двоеженстве, а также копию ордера на его арест.

— Хорошо, — сказал судья Минден, как только Кавингтон вручил ему копии, которые он собирался приобщить к свидетельским показаниям. — Я принимаю их как дополнение к вопросу, которого прокурор коснулся в своей вступительной речи. Мистер Мейсон, вы, конечно, намерены возражать по этому поводу?

— Не вижу оснований, — откликнулся адвокат, улыбаясь. — Обдумав содержание и учитывая то, как данные документы были представлены суду, думаю, что господин прокурор действовал здесь в полном соответствии с законом. Его сообщение было направлено на выяснение мотивов преступления, как он сам это заявил. Я не буду возражать.

Кавингтон, с нетерпением ожидавший сражения, рассчитывая наилучшим образом его провести, когда адвокат выразит протест по поводу предъявленных документов, поморщился и снисходительно произнес:

— Вы уже достаточно пошумели на этот счет, когда я прямо коснулся этой темы в моей вступительной речи.

— Вы строили обвинение, не предъявив еще суду объективных доказательств, — ответил Мейсон тоном учителя, упрекающего слишком самонадеянного и невежественного ученика. — Суд указал вам на то, как следует вести обвинительный процесс. Что же касается данной процедуры, господин прокурор, у меня нет причин возражать.

— Хорошо, — прервал их дебаты судья Минден, предвидя реакцию прокурора, о которой можно было догадаться по скривившимся губам Кавингтона, — господин прокурор, документы будут приобщены к делу.

Кавингтон удовлетворенно кивнул и продолжил свое выступление. Он не спеша неумолимо выстраивал цепь свидетельских показаний.

Вирджиния Байнам подтвердила, что оставила револьвер на пожарной лестнице. Ливсей рассказал о том, что он взял его с лестницы, затем отдал Гарвину, который велел ему положить оружие в отделение для перчаток в салоне его кабриолета, что он и сделал. Джордж Денби подтвердил показания Ливсея. Со стороны казалось, что Мейсон полностью отстранился от участия в процессе. Он даже не утруждал себя перекрестными допросами ни по отношению к Вирджинии Байнам, ни к Ливсею. Зато Денби стал исключением.

— Как вы узнали, что это был тот самый револьвер? — обратился к нему с вопросом адвокат.

— Он имел тот же номер, сэр.

— Вы записали его?

— Нет, сэр. Я просто увидел его...

— И запомнили?

— Да, запомнил, сэр. У меня исключительная память на цифры. По роду своей деятельности я так много имею дел с цифрами, что моя память достаточно натренирована.

— У меня все, — отрезал Мейсон. Кавингтон, криво усмехнувшись, промолвил своему помощнику:

— Бросил, как горячую картофелину, не так ли?

— Точно, — весело согласился Джарвис. Кавингтон продолжал выстраивать цепь доказательств.

Он сообщил, что Эдвард Гарвин и женщина, которую он объявил своей второй женой, Лоррейн Эванс, остановились в гостинице в Ла-Джолле. Призвав в качестве свидетельницы женщину, управляющую гостиницей, он рассказал об их внезапном отъезде оттуда и таком же неожиданном возвращении к обеду, о том, что они собрали вещи и, поспешно расплатившись, оставили гостиницу, при этом по возвращении с ними был еще один человек, который приехал на кабриолете приблизительно такого же размера и цвета, как и кабриолет Гарвина. Кавингтон приближался к кульминационной развязке, и это чувствовалось по его тону.

— Вы бы, — обратился он к управляющей гостиницей из Ла-Джоллы, — смогли опознать этого человека?

Послышался возмущенный голос Мейсона:

— Господин прокурор, к чему эта ненужная трата времени? Это я сопровождал их, и я не собираюсь этого скрывать.

Понимая, что свидетельское показание, на которое он так надеялся, потеряло всю свою остроту, Кавингтон, тем не менее, ухитрился извлечь пользу из признания Мейсона.

— Именно так и было, господин адвокат, — проговорил он, улыбаясь, — сразу же после вашего приезда лицо, по отношению к которому был выдвинут иск по обвинению в двоеженстве, бросилось за пределы страны, в Мексику.

— Вы, — спросил Мейсон, — хотите, чтобы я принес присягу, как свидетель?

— Нет, — покачал головой прокурор, безмятежно улыбаясь, — я докажу все это с помощью другого компетентного свидетеля, которому вы, мистер Мейсон, можете учинить перекрестный допрос. — И, обратившись к судебному приставу, попросил: — Вызовите сеньору Инокенте Мигуериньо.

Пышнотелая, добродушная владелица гостиницы «Виста де ла Меса» вошла в зал суда, соблазнительно покачивая крутыми бедрами. Она охотно опознала адвоката и женщину с каштановыми волосами, которая сидела в кресле позади него; рассказала, как супружеская пара приехала в гостиницу накануне убийства, чтобы переночевать.

Кавингтон взглянул на часы, чтобы лишний раз отметить время, когда взорвется «бомба», предназначенная для ненавистного адвоката.

— Вызовите Говарда Б. Скенлона.

Говард Скенлон, худощавый, рослый, чуть старше пятидесяти лет мужчина, с лицом резко очерченными скулами, тонкими губами и выцветшими голубыми глазами, был переполнен чувством сознания важности своей миссии. Пройдя широкими шагами вперед, он поднял правую руку и принес присягу в верности своих показаний.

Кавингтон снова взглянул на часы и опустил в кресло.

Скенлон назвал суду свое имя и адрес, а затем взглянул в сторону Кавингтона в ожидании вопросов.

Кавингтон обратился к нему в своей излюбленной, нарочито небрежной манере:

— Мистер Скенлон, кем вы работаете?

— Я маляр, сэр.

— Где вы были в ночь на двадцать первое сентября?

— Я останавливался в Тихуане, в гостинице «Виста де ла Меса».

— Мистер Скенлон, не привлекло ли тогда ваше внимание что-либо?

— Да, привлекло, сэр.

— И что именно?

— До того как приехать на юг Калифорнии, я жил вместе с женой в Портленде, штат Орегон. Я пытался найти себе работу...

— Минуточку, — перебил его Кавингтон. — Мистер Скенлон, суд не интересуют ваши личные проблемы. Постарайтесь отвечать строго на поставленный вопрос.

— Хорошо, сэр.

— Так вот, расскажите суду, что именно тогда привлекло ваше внимание.

— Ну, я звонил своей жене, чтобы предложить ей приехать сюда ко мне.

— Ясно. А где сейчас ваша жена?

— В Портленде, штат Орегон.

— И вы звонили ей, чтобы вызвать ее в Тихуану?

— Да.

— В каком часу вы звонили?

— Я звонил в течение всего вечера, но ее не было дома. Она ушла с друзьями в кино и...

— Не следует давать показания о том, чего вы не знаете, мистер Скенлон. Об этом, возможно, позже ваша жена сама расскажет. Говорите только то, что делали вы сами. Итак, вы заявили, что обратили внимание на нечто, потому что в течение всего вечера тщетно пытались дозвониться до своей жены.

— Совершенно верно, сэр.

— Вы все-таки дозвонились до нее?

— Да.

— В каком часу?

— Было где-то около десяти минут одиннадцатого.

— Вы что, смотрели на часы?

— Да, сэр.

— Теперь, пока вы ждали, когда сможете дозвониться до жены, непосредственно перед десятью минутами одиннадцатого, где вы находились?

— Я был в телефонной кабине.

— Там были еще телефонные кабины?

— Да, еще одна.

— Вы долго ждали, пока вам удалось услышать жену?

— Думаю, около пяти минут.

— А в это время, пока вы ждали, кто-нибудь входил в соседнюю кабину?

— Да, сэр.

— В какое время?

— Как раз перед тем, как мне удалось связаться со своей женой. Думаю, примерно в пять минут одиннадцатого.

— Вы уверены, что это произошло в названное вами время?

— Да, сэр, поскольку я дозвонился именно в десять минут одиннадцатого.

— А задолго ли до того, как вы дозвонились, этот неизвестный вошел в другую телефонную кабину?

— Не больше чем за пять минут. Я уже говорил это.

— Теперь скажите, вы видели этого человека?

— Тогда нет, но позже видел.

— Когда позже?

— Спустя две-три минуты, после того как он покинул кабину.

— Итак, вы увидели его, когда он покидал кабину. Я правильно понял?

— Да, сэр.

— Кто это был? Вы знаете этого человека? Свидетель поднял руку, ткнув указательным пальцем в направлении зала суда, и проговорил:

— Этот человек здесь.

— Вы показываете на Эдварда Карлеса Гарвина?

— Да, это мужчина, сидящий по правую руку от адвоката.

— И вы видели, как Эдвард Гарвин выходил из телефонной кабины?

— Да, сэр.

— А что он делал, пока находился внутри, вам случайно не известно?

— Он заказывал телефонный разговор с каким-то очень отдаленным пунктом.

— Как вы узнали об этом?

— Я хорошо слышал его.

— Вы могли слышать его голос через стенку, разделяющую кабины?

— Да, сэр. Я сидел как раз около стенки и...

— И что же он говорил?

— Я услышал, как он сказал, что хочет заказать разговор с абонентом, живущим очень далеко. Я запомнил, как он сказал, что хочет побеседовать с Эзел Гарвин, проживающей в Лос-Анджелесе в апартаментах «Монолиз», и затем, мгновение спустя, я услышал, как он опустил монету, а затем приступил к беседе, сказав буквально следующее: «Эзел, это Эдвард. Не трать понапрасну деньги на юристов. Я сейчас нахожусь в Тихуане, и ты не сможешь добраться до меня. Я собираюсь ехать в Океансайд. Советую тебе сесть в машину и приехать туда, мы встретимся и все обсудим. Мы найдем устраивающий нас обоим выход». А после, помолчав некоторое время, он сказал: «Ничего подобного. Я не дурак. Я не позвонил бы тебе, если бы не узнал о тебе кое-что. Вспомни-ка того мужчину, ухода за которого ты принимала в Неваде. Ну так вот, я все о нем знаю. Я знаю, где он находится прямо в эту минуту». Дальше он продолжал рассказывать ей, где тот мужчина находился и как можно было до него добраться. Я забыл, где именно находилось ранчо этого мужчины. Помню только, что где-то рядом с Океансайдом.

— Он назвал имя этого мужчины?

— Не знаю, сэр. Если он его и называл, то я не запомнил. Помню только, что это мужчина из Невады и он ухаживал за ней.

— Что вы еще слышали?

— Он сказал: «Тебе лучше приехать в Океансайд. Я встречу тебя на том месте, где мы в свое время планировали построить наш дом. Я подъеду туда и встречу тебя. Я буду в своей машине и, чтобы тебе было легче найти меня, включу фары».

— Что он еще сказал?

— Ничего. Он только сказал, что рад слышать разумный ответ, и повесил трубку.

— Что потом? — спросил прокурор.

— Потом он вышел из кабины.

— Можете приступать к перекрестному допросу, — почти крикнул Кавингтон Мейсону.

Адвокат взглянул на часы. Было тридцать две минуты двенадцатого: слишком рано, чтобы просить суд сделать перерыв до следующего дня, и слишком поздно, чтобы просить несколько минут перерыва для себя.

Мейсон, через силу улыбнувшись, произнес с нарочитой небрежностью таким голосом, что он был едва слышен:

— Мистер Скенлон, вы уверены, что хорошо все слышали?

— Да, сэр, — ответил Скенлон. — У меня отличный слух.

— Когда вы повторили для нас то, что говорил мужчина, — продолжал Мейсон, — вы как будто цитировали его.

— Ну, я не могу сказать, что передал текст с абсолютной точностью, но смысл сказанного я передал верно.

— Вы имели беседу с окружным прокурором, мистером Кавингтоном, прежде чем явиться в суд?

— Да, сэр.

— Несколько раз?

— Да, сэр.

— Отличается ли содержание ваших показаний, которые вы изложили ему при первой встрече, от того, что вы представили сейчас суду?

— Ну, он велел мне рассказать о том, что говорил мужчина. Выслушав меня, он сказал, что я не должен излагать общими фразами, как я это делал, что мне придется использовать точные формулировки, то есть передать разговор, насколько это возможно, точно. Я и сделал, как он просил.

— Вы провели ночь в гостинице «Виста де ла Меса»?

— Да, сэр.

— Долго вы находились там?

— Два дня.

— Иначе говоря, этот разговор имел место на вторую ночь вашего пребывания в гостинице? Или это было третьей ночью?

— Это была вторая ночь.

— Скажите, вы пытались дозвониться до вашей жены раньше этим вечером?

— Да, сэр.

— Была ли на это особая причина? Почему вы не связались с ней раньше, в течение дня?

— Я весь день провел в Сан-Диего, пытался найти жилье. Но мне не удалось ни купить, ни арендовать дом. Потом я узнал, что можно жить в Тихуане, переехав через границу, и совершать ежедневные поездки туда и обратно. Я пересек границу и решил остановиться в этой гостинице до тех пор, пока не найду подходящего жилья. Я получил разрешение от мексиканских властей и, наконец покончив со всеми формальностями, решил позвонить жене и сказать ей, чтобы она привезла вещи. Естественно, я хотел, чтобы она собралась как можно быстрее, потому что я не мог оплачивать два дома одновременно и, кроме того, мне хотелось жить со своей семьей.

— Понятно, — ответил Мейсон. — Поэтому вы пошли к телефонной кабине, чтобы позвонить жене?

— Совершенно верно.

— Итак, вы слышали, как пробили часы?

— Да, сэр, там в вестибюле были часы.

— Вы слышали, как часы пробили десять часов?

— Да, сэр, слышал.

— Где вы были в это время?

— Я как раз спустился в холл и направился к телефонной кабине. Я уже звонил жене раньше этим вечером, раза три или четыре, но никто не поднимал трубку. Я рассчитывал, что она будет дома где-то около десяти часов, и решил еще раз попробовать дозвониться.

— В это время вестибюль был освещен? — спросил адвокат.

— Нет, сэр.

— Не был? — переспросил Мейсон, явно удивленный этим обстоятельством.

— Нет, сэр, свет еще горел незадолго до десяти часов, пока женщина, управляющая гостиницей, не сдала последнюю комнату.

Мейсон, улыбаясь, произнес:

— Откуда вам это известно? Уж не хотите ли вы сказать, что она вам рассказала об этом впоследствии? Вы же не могли знать, почему освещение еще не было выключено.

— Вы правы, сэр, но я находился в вестибюле, когда был сдан последний номер. Молодая женщина, путешествующая одна, снимала комнату, и я услышал разговор между ней и управляющей гостиницей, которая сказала посетительнице, что это последняя комната в доме, и затем принялась запирать ящики в столе. Я видел, как она выключила свет.

— В котором часу это было?

— Это было... ну, я не знаю. Это было за несколько минут до десяти часов. Ох, возможно, за десять — пятнадцать минут или что-то около того. Я не могу точно сказать, в какое время это произошло. Но я находился там в районе десяти часов, поскольку решил попробовать дозвониться в десять часов.

— Так, — проговорил Мейсон, — по-видимому, вы действительно имели веское основание запомнить все события того вечера.

— Да, это так, сэр.

— Значит, свет выключили незадолго до десяти часов?

— Верно.

— И не оставили включенной ни одну лампу во всем вестибюле?

— Ох, да, там было оставлено ночное освещение. Но свет был довольно тусклым.

— Ясно, — проговорил Мейсон спокойным голосом. — Потом вы увидели этого мужчину, когда он выходил из соседней кабины. Верно?

— Да, сэр.

— При этом вы оставались в своей кабине?

— Да.

— Вы приоткрыли дверь и выглянули оттуда?

— Нет, я не делал этого, сэр.

— Но дверь была открыта?

— Нет, сэр. Была только небольшая щель.

— Вы не можете определить точнее?

— Нет, сэр. Могу сказать только, что это была небольшая щель.

Мейсон улыбнулся:

— Вы уверены в этом?

— Да, сэр, уверен.

— Если в двери была только небольшая щель, то для вас было бы возможным видеть что-либо только одним глазом, тогда как если бы щель была в несколько дюймов, вы могли бы смотреть двумя глазами. Так все-таки, как была приоткрыта дверь?

— Как я уже и говорил, это была только небольшая щель.

— Тогда вы могли видеть только фигуру человека, покидающего соседнюю кабину. Верно?

— Ну, в общем-то я с вами согласен. Я не заострял внимания на этом до сих пор. Думаю, я имел возможность видеть его только одним глазом.

— А этот мужчина, покинув кабину, двинулся по коридору по направлению к номерам?

— Нет, сэр. Он вышел через парадную дверь.

— Какую дверь?

— Входную дверь, которая ведет к месту, где стояли машины, и уехал.

— Как вы узнали, что он уехал? — поинтересовался адвокат.

— Ну, я точно не знаю, что он уехал. Просто я видел, как он вышел, а затем я услышал звук отъезжающей машины. А еще позже фары разворачивающейся машины осветили окна вестибюля. Машина описала круг и исчезла.

— А вы не видели этого мужчину еще раз, прежде чем войти в зал суда сегодня, чтобы дать показания?

— Да, сэр, видел.

— Где же вы его видели?

— Мне предложили опознать мужчину, содержавшегося в тюрьме.

— Там присутствовали еще какие-нибудь мужчины? — спросил адвокат. — Или вам показали только этого мужчину?

— Нет, сэр. Там был только этот мужчина. Но они сделали так, что ему пришлось пройти поблизости от меня, чтобы я смог разглядеть, как он идет, его походку, его осанку, ну и тому подобное.

— Таким образом, — спокойным тоном продолжал Мейсон, — вы узнали цвет одежды на этом мужчине и на том, что выходил из телефонной кабины? Это был коричневый пиджак?

— Похоже, коричневый. Я так думаю, сэр.

— А какого цвета были брюки?

— Темные.

— А галстук?

— Галстук у него был... дайте вспомнить... Нет, галстука в обоих случаях я не заметил.

— Значит, вы не знаете, был ли на нем галстук?

— Нет, сэр.

— Почему?

— Потому что я ни разу не видел его спереди.

— А вы не заметили в его облике чего-нибудь необычного?

— Нет, сэр.

— На нем была шляпа?

— Я... я не могу вспомнить.

— Вы не помните, была ли на нем шляпа?

— Не помню, сэр.

— А вы не обратили внимания, какого цвета были у него носки?

— Нет, сэр, — ответил улыбнувшийся при этом вопросе Скенлон.

— Или какого цвета была рубашка? — не обратил внимания на его улыбку Мейсон.

— Рубашка, конечно, у него была... А вот цвет... нет, я не помню, сэр.

Так, — констатировал Мейсон, — вы опознали мужчину, которого вы видели только одним глазом, через щель в двери, в полумраке вестибюля, мужчину, которого вы никогда в жизни не видели до тех пор, пока полиция не указала вам на него в тюрьме и...

— Нет, сэр, это не так. Я сам указал на него полиции.

— В тюрьме?

— Да, сэр.

— Вы были там с полицией?

— Да.

— Другие заключенные присутствовали при опознании?

— Нет, был только он.

— И вы говорите, что полиция вам на него не указывала, — саркастическим тоном проговорил Мейсон. — Разве они не сказали, что собираются показать вам человека с целью провести опознание.

— Ну, они сказали, что хотели бы, чтобы я взглянул на этого мужчину на предмет опознания.

— А затем его одного привели во двор, или в мрачную неосвещенную камеру, или еще в какое-нибудь помещение, где вам предоставили возможность посмотреть на него?

— Да, сэр.

— А не хотите ли вы рассказать мне о том, что один из полицейских при этом говорил вам фактически следующее: «Это он. Приглядитесь к нему внимательно. Обратите внимание на его походку, взгляните на него, когда он обернется».

— Да, что-то в этом роде они говорили.

— А вы опознали мужчину до того, как офицер начал вам это говорить?

— Нет, сэр, — признался Скенлон, — это произошло после.

— Когда?

— После того, как он прошел невядалеке от меня.

— Понятно. Как только офицер полиции сказал вам, что хочет, чтобы вы опознали этого мужчину, вы сразу же указали на него и сказали: это тот самый мужчина. Не так ли?

— Нет, сэр. Я очень долго присматривался к нему, прежде чем опознал.

— Что вы понимаете под словом «долго»? — спросил Мейсон, не скрывая иронии. — Десять, пятнадцать или двадцать секунд?

— Это было минуту, а может быть, и больше, сэр.

— Может быть, две минуты?

— Может быть.

— А может быть, дольше?

— Может быть, и дольше.

— А три минуты могло быть?

— Вполне возможно, сэр. Я хотел удостовериться, прежде чем что-либо говорить.

— Иначе говоря, — сказал Мейсон, — у вас ушло три минуты на тщательное изучение представленного вам мужчины при хорошей видимости, чтобы прийти к выводу, что он был именно тем мужчиной, который говорил по телефону в соседней с вами кабине?

— Ну да... это могло быть по истечении трех минут.

— Теперь, когда вы увидели этого мужчину, которого вы заметили в Тихуане в ту злополучную ночь, — продолжал говорить адвокат, — вы наблюдали за ним после того, как он покинул телефонную кабину и пока он шел по вестибюлю?

— Да, сэр.

— Он быстро шел?

— Он шел довольно быстро.

— И вы не видели его до тех пор, пока он не прошел нескольких футов от телефонной кабины?

— Да, думаю, вы правы, сэр.

— Сколько он прошел, прежде чем вы увидели его? Шагов пять? — задал очередной вопрос адвокат.

— Возможно.

— А вы не видели его после того, как он вышел через входную дверь?

— Нет, сэр.

— Так. За сколько шагов можно пересечь вестибюль гостиницы?

— Я думаю, шагов за десять.

— Тогда получается, что вы видели его только идущим быстрым шагом на расстоянии десяти шагов?

— Да, сэр.

— И вы наблюдали за ним всего лишь одним глазом?

— Да.

— В полумраке?

— Точно, сэр.

— Мужчина был повернут к вам спиной?

— Вы совершенно правы, сэр.

— Значит, именно поэтому вам было трудно узнать его, когда вас пригласили для опознания? Не так ли?

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что именно поэтому вы наблюдали за ним в течение трех минут, прежде чем решились дать полиции утвердительный ответ.

— Да, сэр. Все было именно так.

— Сколько же времени потребовалось тому мужчине ночью, чтобы пройти пять шагов? — спросил Мейсон.

— Не знаю.

— Вы знаете, сколько миль может пройти мужчина обычным шагом за час?

— Ну, если вас интересует скорость, то тем шагом, как он шел по вестибюлю, за час можно было пройти, вероятно, мили две.

— Правильно, — согласился адвокат. — Теперь произведем небольшое арифметическое вычисление.

Он извлек из кармана миниатюрную логарифмическую линейку и, быстро проделав на ней необходимые расчеты, сказал:

— К вашему сведению, мистер Скенлон, человек, идущий со скоростью одна миля в час, за секунду проделывает путь, равный полутора футам, значит, при скорости в три мили в час человек за секунду пройдет путь в три раза больший, то есть четыре с половиной фута.

— Допустим, — улыбнувшись, согласился Скенлон.

— Следовательно, — продолжал Мейсон, — пройдя пять шагов со скоростью, указанной вами, мужчина затратил всего секунды три. Поэтому, если вы не ошибаетесь, то видели его не более трех секунд, одним лишь глазом, да к тому же при слабом освещении.

— Выходит так, раз вы утверждаете.

— Я не утверждаю, я лишь подтверждаю арифметическими расчетами то, что вы сами мне только что сказали. Итак, мистер Скенлон, вы уверены, что видели этого мужчину на протяжении трех секунд?

— Ну, я думал, что времени прошло больше, но если по вычислениям выходит так, то, скорее всего, это верно.

— Вы видели его три секунды при условии плохой освещенности одним глазом, глядя ему в спину, — подвел итог Мейсон. — Однако, когда по настоянию полиции пришли на опознание, вам потребовалось три минуты при дневном освещении. При этом вы видели его полностью.

— Я хотел удостовериться.

— Значит, чтобы быть уверенным в результатах опознания, вам пришлось смотреть на него три минуты, причем двумя глазами и при дневном освещении?

— В общем, да.

— Следовательно, — наставительным тоном произнес Мейсон, — когда вы видели его при слабом освещении, одним глазом в течение трех секунд да еще со спины, вы не были уверены, что впоследствии сможете узнать его.

— Да, я не был тогда в этом уверен, — согласился Скенлон, — но после того как увидел его

в тюрьме, сомнения отпали.

— Так я и думал, — произнес адвокат с чарующей улыбкой. — Благодарю вас, мистер Скенлон, у меня больше нет вопросов.

— У меня тоже, — злобно выкрикнул Кавингтон. Судья Минден взглянул на часы и произнес:

— Настало время сделать перерыв до двух часов дня. Присяжные заседатели помнят предостережение, воздерживаться от обсуждения обстоятельств данного дела, пока оно не будет представлено на их рассмотрение в полном объеме? Итак, объявляется перерыв до двух часов.

Эдвард Гарвин протянул руку, и его пальцы сжали руку Мейсона.

— Мейсон, — промолвил он, — ради Бога, я... Мейсон обернулся к нему. Несмотря на застывшую на губах улыбку, взгляд адвоката был холодным и напряженным.

— Улыбайтесь, — приказал Мейсон.

— Я...

— Улыбайтесь, черт побери, — отрезал адвокат. Жалкое подобие улыбки искривило черты лица Гарвина.

— Сделайте-ка вашу улыбку более естественной, — потребовал Мейсон, — и постарайтесь сохранять ее такой, пока присяжные не покинут зал.

Мейсон, наблюдавший за выражением лица Гарвина, прилагавшего все усилия, чтобы выглядеть, как того требовал адвокат, добродушно рассмеялся и, похлопав того по плечу, сказал:

— Ну, а теперь самое время подкрепиться.

— Мейсон, я вас не понимаю, — прошептал Гарвин. Адвокат, не оборачиваясь, жестко бросил:

— Постарайтесь понять — ваше потерянное выражение лица действует на присяжных заседателей, не спускающих с вас глаз таким образом, что можете считать себя уже на пути в камеру смертников в Сан-Квентине.

С этими словами Мейсон небрежно зашагал к выходу из зала, легко покачивая своим портфелем. Весь его вид говорил о переполнявшей его беззаботности. Но как далеко это было от истины.

Делла Стрит присоединилась к нему в коридоре.

— Боже мой, шеф, — зашептала она, — неужели это правда?

— Не знаю, — ответил Мейсон, — со временем узнаем, но в данный момент я не хочу, чтобы зрители и присяжные видели, как я веду поспешные переговоры со своим клиентом.

— Что же нам сейчас делать? — спросила она.

— Захватим Пола и пойдем обедать, — ответил Мейсон. — Это все, что мы сейчас можем сделать.

Дрейк уже приближался к ним, пробираясь сквозь скопившуюся в дверях зала суда толпу, которая буквально пожирала глазами адвоката.

Детектив схватил Мейсона за руку и крепко пожал.

— Перри, ты проделал титаническую работу при перекрестном допросе. Ты заставил этого парня признать, что его показания, мягко говоря, сомнительны.

— Именно это меня и беспокоит. Его показания предвзяты, а он излагает их с неподдельной искренностью и уверенностью.

— Ты, похоже, не допускаешь мысли, что твой клиент мог уехать и совершить ночной вояж, не так ли?

— Откуда, черт побери, мне это знать? — взорвался Мейсон. — Ведь не влезешь же к нему в душу. Однако у нас в запасе есть козырная карта.

— Ты имеешь в виду показания жены Гарвина?

— Да. Конечно, присяжные заседатели посчитают, скорее всего, что она выгораживает своего мужа, но они тем не менее не стремятся и оставить новобрачную вдовой. Я рассчитываю, что алиби Гарвина, предоставленное миссис Гарвин, перетянет свидетельство Скенлона.

— А она точно знает время? — усомнился Дрейк.

— Да, — ответил Мейсон. — Она слышала, как пробили часы.

— Громко?

— Да. Я сам слышал, как они пробили десять часов в ту ночь, когда шел спать. Я...

Он умолк, как только увидел сеньору Мигуериньо, выплывающую из кабины лифта с громадными часами в руках. Она одарила адвоката добродушной улыбкой и проговорила:

— Как вы думаете, мистер Мейсон, муж вернется к своей жене и проведет свой медовый месяц в моей гостинице, нет?

— О, уверен, что так и будет, — обнадежил ее Мейсон. — А что вы собираетесь делать с этими часами?

— Их просил принести окружной прокурор.

— Зачем они ему понадобились? — удивился адвокат.

— Он хочет предъявить их присяжным.

— А что это за часы? — поинтересовался Мейсон, продолжая держаться непринужденно.

— Это часы из моей гостиницы.

— Часы, которые с помощью колокольчиков оповещают о времени? — уточнил адвокат.

— Верно, — ответила хозяйка гостиницы. — Но делают они это только днем.

— Только днем? — переспросил Мейсон. Та кивнула головой.

— Да. В Мексике люди любят слушать бой часов днем, а ночью они предпочитают спокойно спать.

— И что, эти часы ночью не работают?

— Они электрические, — пояснила сеньора Мигуериньо. — Вот здесь, сбоку, есть переключатель. Если вы не хотите, чтобы часы отбивали время, достаточно повернуть его вот так, и часы будут идти бесшумно.

— Вы хотите сказать, что когда вы поворачиваете переключатель, колокольчики перестают звонить?

— Совершенно верно. Как только вы повернете переключатель, колокольчики перестают двигаться, пока вы не повернете его обратно. Когда я иду спать, то, прежде чем лечь в постель, отключаю музыкальный механизм, и колокольчики больше не звонят. Утром же, когда наступает время просыпаться, я снова его включаю, и весь день часы исполняют свою нехитрую мелодию.

— И поэтому окружной прокурор захотел увидеть эти часы?

— Верно. Окружной прокурор покажет их присяжным, а затем передаст их в суд как вещественное доказательство, а мне купят новые, чтобы заменить эти. Я сказала им, что я бедная вдова и не могу позволить себе купить новые часы. Я не могу отдать эти часы и остаться совсем без часов. Посудите сами, как управлять гостиницей без часов?

— Да, конечно, это невозможно, — согласился Мейсон.

— Ну, — сказала она, — итак, мне нужно идти к окружному прокурору. Он велел мне прийти сразу же, как только начнется перерыв, потому что он хочет обсудить со мной мои показания. Мне придется давать показания, в которых этим часам отведена существенная роль.

— Ясно, — проговорил Мейсон. — Не будем вас задерживать, пойдем пообедаем.

— Приятного вам аппетита, сеньор.

— Благодарю вас.

Мейсон, Делла и Пол Дрейк повернулись и продолжили свой путь по коридору.

Дрейк пробормотал что-то невнятное, а Делла обеспокоенно прошептала:

— Неважные дела, шеф.

— Приятного аппетита, — с сарказмом повторил Мейсон слова сеньоры Мигуериньо.

Мейсон, Пол Дрейк и Делла Стрит уселись на диван в кабинете, расположенном в конце зала ресторана.

— Я не могу есть, — проговорила Делла. — Дела просто ужасные.

Мейсон с неизменной улыбкой на лице обратился к ней:

— Делла, возьми себя в руки. Люди вокруг наблюдают за нами и хотят знать, о чем мы беседуем и что мы чувствуем. Держитесь веселее, увереннее, шутите, но рассуждайте о происходящем так, чтобы никто за соседними столиками нас не слышал.

— А что, собственно, происходит, Перри? — спросил Дрейк.

— Я не уверен, что сам знаю это, — ответил Мейсон. — Боюсь, показания Скенлона здорово поколебали мнение присяжных. Я думаю, этот свидетель...

— Неужели ты исключаешь возможность того, что Гарвин действительно позвонил своей первой жене, затем сел в свою машину и отправился к Океансайду?

Мейсон сказал:

— Думаю, по глупости Гарвин вполне мог воспользоваться своей машиной и куда-нибудь отправиться. За долгую практику ведения перекрестных допросов многих людей обостряется чувство на то, когда человек говорит правду, а когда лжет. Теперь я признаю, что, пока я при допросе ставил Скенлона в невыгодное положение и пока у полиции не было возможности влиять на него, Скенлон говорил правду, и я это чувствую. Давайте предположим, что у него были некоторые трудности при опознании мужчины, который разговаривал по телефону в соседней кабине. Но как бы то ни было, он не сомневается в том, что этот разговор имел место, а я по собственному опыту знаю, что стена между телефонными кабинами тонкая, как бумага. У полиции уже сейчас должен быть документ, подтверждающий телефонный звонок, целью которого, по всей вероятности, был разговор с Эзел Гарвин. Рассуждаем дальше. Предположим, что из кабины вышел не Гарвин. Кто еще в гостинице мог заказать разговор с Эзел Гарвин?

Если смотреть под таким углом, — признался Дрейк, — трудно предположить, кого еще могла интересовать эта osoba.

— Я пришел к выводу, — продолжал Мейсон, — что слабым местом в показаниях Скенлона было обстоятельство, что он не видел соседнюю телефонную кабину. Поэтому я сосредоточился на этом факте. Однако заметьте, что я был достаточно осторожен, чтобы наваливаться на него в самом начале допроса. Фактически я разорвал самое слабое звено в цепи показаний.

— На мой взгляд, — проговорил Дрейк, — когда миссис Гарвин выйдет давать показания и заявит, что ее муж был с ней всю ночь, присяжные будут склонны поверить ей.

— Конечно, — сказал Мейсон, — так оно и было бы, если бы не одно обстоятельство. Она зафиксировала время по звону колокольчиков в часах и...

— Разве она не говорила, что смотрела на свои часы?

— Говорила, однако она определенно утверждает, что слышала звон колокольчиков. Теперь предположим, что часы не звонили. Тогда выходит, что ее показания — липа.

Глядя на беседующих, можно было с уверенностью сказать, что они ведут чрезвычайно серьезный разговор. Вдруг Мейсон откинул назад голову и рассмеялся. Пол и Делла с удивлением уставились на него.

— Улыбайтесь, по крайней мере, — прошептал он. — Пусть думают, что мы шутим о чем-нибудь. — Затем он продолжил прерванный разговор: — С другой стороны, серьезным фактом для определения нашей позиции является то, звонили колокольчики часов или нет, и это

полностью зависит от показаний сеньоры Мигуериньо. Вообще все зависит от того, что она думает говорить. Она ведь могла и забыть выключить музыкальный механизм часов, когда шла спать. Если бы только я не отправился спать в тот вечер в десять часов, если бы я задержался еще хотя бы на полчаса, я бы мог знать, правдивы ее показания или нет.

— Остается уповать на ее чистую совесть, — заметил Дрейк и неожиданно добавил: — Вы извините меня, пожалуйста, мне нужно поговорить со своим человеком.

Один из оперативников Дрейка стоял в дверном проеме, рассматривая обедающих.

Дрейк поднял руку и, помахав ему, пояснил Мейсону:

— Я сказал ему, что буду здесь. Он завязал знакомство с одним из судейских приставов, который даже не подозревает, что этот парень работает на меня. Мы условились: в случае важной информации он придет сюда.

В это время мужчина, стоящий в дверях, сделал знак Дрейку и направился в сторону туалетной комнаты.

Дрейк еще раз извинился и последовал за ним. Как только детектив покинул их, Делла Стрит обратилась к Мейсону:

— Хочется верить, что он принесет нам хорошее известие.

— Будем надеяться, — кивнул адвокат.

Они напряженно ждали появления Дрейка, наконец тот вернулся. Мейсон взглянул в лицо приближающегося детектива и покачал головой.

— Что? — спросила Делла Стрит.

— Лицо нашего Пола покрыто маской уныния толщиной в полтора дюйма, — через силу пошутил адвокат.

Дрейк подошел к столу, и, пока он устраивался на сиденье, Мейсон напомнил ему:

— Пол, улыбайся же.

Дрейк изобразил на лице счастливую улыбку.

— Ну так что? — сжигаемый нетерпением, прошептал адвокат.

— Ты побежден, — изрек Дрейк.

— Каким образом?

— Окружной прокурор приготовил тебе сюрприз, он растопчет тебя. У него в запасе служащий с автозаправочной станции из Океансайда, который заправлял машину Гарвина.

— Когда? — изумился Мейсон.

— Около половины двенадцатого. Гарвин нервничал и был напряжен, он буквально места себе не находил. Пока заправляли его машину, он подошел к обочине и наблюдал за машинами, движущимися по дороге на юг. Было похоже, что он кого-то высматривал. Служащий заправочной станции очень хорошо его запомнил.

— Он опознал Гарвина? — спросил адвокат.

— На все сто процентов, — заверил Дрейк. — Он опознал и машину, и самого Гарвина. Он хорошо запомнил его в ту ночь.

— Д-а-а, — протянул Мейсон, — это определенно усложняет дело.

— Почему ты не спросил Гарвина об этом?

— Я не отважился.

— Но почему?

— Видишь ли, в тюрьме выдают обед по распоряжению шерифа. Помощнику шерифа приказано отправить Гарвина из зала суда сразу же, как только будет объявлен перерыв, обратно его вернут за пять минут до окончания перерыва. Я не рискнул вступать в разговор с Гарвином, пока присяжные оставались в зале. Совещаться с Гарвином сразу же после дачи показаний Скенлоном значило бы привлечь внимание присяжных к негативной сути этих

показаний. Я смогу поговорить с ним лишь за пять минут до окончания перерыва, и вот здесь-то я задам ему этот вопрос.

— А нельзя ли оттянуть продолжение судебного процесса? В некотором роде...

— Это будет воспринято как признание нашей растерянности, — не согласился Мейсон. —

Нет, я войду в суд со своей неизменной улыбкой и, не привлекая внимания, спрошу его.

— За пять минут многого не выяснишь, — усомнился Дрейк.

— Ну, — сказал адвокат, — думаю, я смогу за это время получить то, что меня интересует.

Кстати, комиссия по рассмотрению жалоб при коллегии адвокатов завтра вечером хочет поговорить со мной о моих действиях при опознании моей машины, стоявшей в стороне от дороги, Мортимером Ирвингом. В общем, не соскучишься.

— Они могут обвинить тебя в злоупотреблении своими правами при опознании?

— Не думаю. Я не нарушал закона. У меня было право как говорить с этим свидетелем, так и поставить единственную машину недалеко от дороги, а также и спросить его, не эту ли машину он видел ночью. Ведь и полиция действовала аналогично в отношении Говарда Б. Скенлона. Она спросила его, показав единственного человека во дворе тюрьмы, не этого ли мужчину он видел ночью выходящим из телефонной кабины. Полагаю, нам ничего другого не остается, как изобразить на лицах беззаботность и веселье. А потом поспешим в суд. Я постараюсь за пять минут задать Гарвину пару вопросов. Мне непременно нужно встретиться с ним до конца перерыва. А теперь, Пол, позабавь нас какими-нибудь необычными историями. А то мы привлекаем слишком много внимания.

Мейсон вошел в переполненный зал суда без семи минут два. Он закурил сигарету, сел в свое кресло и самоуверенно улыбнулся тем присяжным, которые явились раньше и занимали свои места в ложе. Внешне он выглядел совершенно спокойным и производил впечатление человека, который только что с удовольствием пообедал и пребывал в благодушном состоянии.

Без четырех минут два помощник шерифа ввел в зал суда Эдварда Гарвина.

Гарвин наклонился к Мейсону и шепнул ему на ухо:

— Мейсон, ради Бога, позвольте мне поговорить с вами.

Адвокат улыбнулся ему и предложил:

— Присаживайтесь, Гарвин. Я охотно побеседую с вами. Но говорить вы должны коротко, времени у нас нет. Садитесь здесь.

Мейсон проследил, как разместился Гарвин, вытащил изо рта сигарету, затушил ее в большой латунной пепельнице, потянулся, зевнул и устремил взор на большие часы, отсчитывающие бесценные минуты до окончания перерыва. Затем, будто что-то вспомнив, он повернулся к Гарвину и сказал, улыбаясь:

— Отвечайте на мои вопросы, но при этом не забывайте улыбаться. Вы звонили Эзел Гарвин?

Гарвин попытался улыбнуться, но безуспешно.

— Мейсон, — проговорил он, — послушайте меня. Я позвонил ей, вышел из гостиницы и поехал на своей машине. Мужчина говорил правду. Однако Лоррейн своими показаниями обеспечит мне алиби. Она проснулась и обнаружила, что меня нет. Она сказала неправду вам, потому что...

Мейсон прервал его:

— Да не говорите вы так много. Откиньтесь на спинку кресла и сделайте вид, что вас в этом мире ничего не беспокоит. Через минуту я задам вам еще один вопрос.

Адвокат выпрямился в кресле и обвел взглядом зал, как будто искал Деллу Стрит, затем снова взглянул на часы, зевнул и обернулся к Гарвину:

— Итак, рассказывайте остальное.

Гарвин произнес:

— Мейсон, я поехал на встречу с ней, но она не приехала. Подождав ее некоторое время, я отправился по дороге, идущей к дому Хекли. Здесь я остановил машину и вышел. Около его дома на меня яростно залаяла собака, и мне пришлось подбираться к дому с другой стороны. Тут я обнаружил на гравийной дорожке машину Эзел, только не разглядел — одна она была в машине или нет. Я побежал назад к своей машине. На ее поиски у меня ушла четверть часа. Сев в машину, я поехал к тому месту, где только что видел машину Эзел.

Машина стояла там же, но Эзел была мертва. У меня хватило ума не оставлять там следов, а сразу вернуться в Тихуану.

— Когда вы туда приехали? — спросил Мейсон.

— Не знаю. Я не смотрел на часы. По возвращении я разбудил Лоррейн и рассказал ей о том, что произошло. Я просил ее в случае чего дать показания, обеспечивающие мне алиби. Мейсон, теперь я говорю чистую правду. Простите, тогда я солгал вам. Я...

Все присутствующие встали. В зал вошел судья Минден и занял свое место. Затем зал наполнился шумом — это скрипели кресла, на которых размещались присутствующие.

— Мейсон, — проговорил Гарвин, — я заплачу, сколько хотите. Десять, двадцать тысяч...

— У вас нет и половины тех денег, которые следовало бы содрать с вас за то, что вы

сделали, — сердито отозвался адвокат. — Вы втянули меня в перекрестный допрос, но с вами проводить его я не намерен. Теперь садитесь на свое место и молчите, черт бы вас побрал.

— Кто следующий свидетель? — обратился к прокурору судья Минден.

— Вызовите Мортимера К. Ирвинга, — произнес Кавингтон.

Ирвинг прошел вперед и занял место у трибуны. Он избегал смотреть в глаза прокурору, перехватил на мгновение взгляд Мейсона, глупо улыбнулся и уселся в кресло, предназначенное для свидетеля.

Он сообщил судебному приставу свое имя и адрес, а затем взглянул на Хемлина Кавингтона, который поднялся со своего места и решительно шагнул вперед.

— Ночью двадцать второго сентября сего года, — начал прокурор, — вы ехали по дороге между Ла-Джоллой и Океансайдом, а точнее, находились на дороге в трех километрах от Океансайда?

— Да, сэр.

— В котором часу это было?

— Без десяти час.

— Я хочу обратить ваше внимание на карту, которую представили как вещественное доказательство, — сказал Кавингтон, — вам понятно, что на ней изображено?

— Да, сэр.

— Вы узнаете местность, которая изображена на этой карте?

— Да, узнаю.

— Не могли бы вы показать на этой карте что-нибудь необычное, что вы увидели, когда ехали по шоссе от Ла-Джоллы к Океансайду?

— Пожалуйста, сэр.

— Подойдите сюда.

Ирвинг подошел к карте, склонился над ней и, ткнув в нее пальцем, сказал:

— Я увидел автомобиль, стоящий как раз в этом месте.

— Что-нибудь в увиденном привлекло ваше внимание? — спросил прокурор.

— Да, сэр. Машина стояла с включенными фарами, а поблизости и в ней самой, насколько я смог увидеть, никого не было.

— Так. В котором часу это было?

— В ноль пятьдесят.

— Что же вы предприняли?

— Я остановился, направил прожектор, который установлен у меня на машине, на это место и внимательно осмотрел стоящую машину. Я думал, что, может быть...

— Не надо говорить о том, что вы думали, — прервал его прокурор. — Нас больше интересует, что вы делали.

— Я понял, сэр. Я направил свой прожектор на машину и довольно тщательно осмотрел ее, чтобы убедиться, есть ли там кто-нибудь.

— Вы не заметили номера машины?

— Нет, сэр.

— Вы не могли бы описать ее?

— Да, конечно. Это был кабриолет светлого цвета. Довольно крупный. Его верх был поднят, а фары горели. Как мне запомнилось, ободы колес были белые.

— Двери в машине были открыты?

— Нет, сэр, все двери были закрыты.

— Мистер Ирвинг, я хочу спросить вас, после этого вы имели возможность видеть автомобиль, принадлежащий Эдварду Карлесу Гарвину, присутствующему здесь в качестве

обвиняемого?

— Да, сэр, я видел его автомобиль.

— Вы можете подтвердить, что это именно та машина, которую вы видели ночью?

— Этот автомобиль похож на ту машину.

— Благодарю вас. У меня все. Мистер Мейсон, можете приступить к перекрестному допросу.

Кавингтон вернулся к своему креслу и сел.

— Прошло два дня, мистер Ирвинг, — начал адвокат, — с тех пор, когда ваши воспоминания были еще свежи. Вы рассказывали мне о том, что увидели тогда. Не так ли?

— Если этот вопрос имеет целью обвинить свидетеля в чем-либо, то я протестую, — вмешался Кавингтон.

— Я не преследую таких целей. Я просто спрашиваю его, — спокойно ответил Мейсон, — был ли такой разговор. На вопрос можно ответить просто — да или нет.

— Свидетель, вы беседовали с мистером Мейсоном? — спросил судья Минден. — Ответьте — да или нет.

— Да.

— И во время того разговора, — продолжил адвокат, — вы ездили со мной по дороге, показанной вами на этой карте?

— Да, сэр.

— И тогда у автомобиля, поставленного примерно в том же положении, что и в ту злополучную ночь, был номер 9 В 6—370, не так ли?

— Совершенно верно, сэр.

— Вы тогда опознали этот автомобиль с номером штата Калифорния 9 В 6—370 как машину, которую видели в ноль часов пятьдесят минут двадцать второго сентября сего года?

— Ну, я не опознал ее. Я сказал, что она очень похожа на ту, которую видел ночью.

— Автомобиль, который я имею в виду, кабриолет светлого цвета?

— Да, сэр.

— И вы тогда опознали его как машину, которую видели ночью?

— Я подумал, что он был той машиной, которую я видел.

— Вы тогда так подумали?

— Да, сэр.

— Ну, а сейчас вы так не думаете? Ирвинг почесал затылок.

— Сказать по правде, — нерешительно проговорил он, — я...

— Вы здесь для того, — сказал Мейсон, заметив замешательство свидетеля, — чтобы говорить правду.

— Я не мог точно опознать машину, которую видел в ту ночь. Я мог только сказать, что машина, предъявленная мне, выглядит похожей на ту. Я...

— Вы не ответили на мой вопрос, — настаивал адвокат. — Ведь тогда, будучи со мной, вы думали, что машина, которую я поставил приблизительно как в ту ночь, была той же самой машиной. Не так ли?

— Конечно, абсолютно точно я не мог ее опознать, когда я...

— Свидетель, просто ответьте на вопрос. Когда вы были со мной, вы говорили, что предъявленная вам машина — это именно та машина, которую вы видели ночью?

— Да, сэр, — наконец произнес Ирвинг.

— А теперь, — проговорил Мейсон, — в данный момент, когда ваши воспоминания не так свежи, как тогда, вы сомневаетесь в своих показаниях?

— Я признаю теперь, что не могу опознать какую-либо машину с абсолютной

уверенностью в этом.

— Что же произошло с вами за эти два дня, что так повлияло на ваше мнение?

— Я не говорил, что изменил свое мнение.

— Разве вы его не изменили? — переспросил адвокат.

— Я не знаю, какое мнение у меня было.

— То есть, — сказал Мейсон, — вы все-таки думаете, что машина с номером 9 В 6—370, предъявленная вам два дня тому назад, была именно той, которую вы видели в ноль пятьдесят двадцать второго сентября, не так ли, мистер Ирвинг?

Ирвинг признался:

— Я пришел к выводу, что невозможно опознать машину с учетом того, при каких условиях видел ее впервые.

— Что заставило вас прийти к такому выводу?

— Я просто хорошенько обдумал и...

— Мистер Ирвинг, — обратился к нему адвокат, — вы утверждаете, что сделали заключение о невозможности опознания. Кто вас на это склонил?

— Не знаю. Это могло быть результатом моих раздумий.

— Я думаю все-таки, кто-то вас склонил к этому, — настаивал Мейсон. — Кто?

— Я не говорил, что меня кто-то переубедил.

— Вы сказали, что изменили свое мнение. Из-за кого?

— Я... я несколько раз беседовал с мистером Кавингтоном, окружным прокурором.

— Иначе говоря, мистер Кавингтон убедил вас в том, что вы не смогли бы точно опознать машину, которую видели той ночью. Верно?

— Не знаю, как точнее выразиться...

— Отвечайте на вопрос. Склонял или нет вас мистер Кавингтон к тому убеждению, что вы не могли бы опознать ту машину при данных обстоятельствах?

— Ваша честь, я протестую. В конце концов, этот перекрестный допрос... — раздался возглас прокурора.

— Протест отклоняется! — отрезал судья Минден. Ирвинг колебался.

— Отвечайте на вопрос, — потребовал Мейсон.

— Думаю, он убедил меня в этом.

— Что и требовалось доказать, — улыбаясь, произнес Мейсон.

— Вызовите Гарольда Отиса, — выкрикнул Кавингтон.

Гарольд Отис, хорошо сложенный молодой человек, прошел к трибуне, назвал свое имя и адрес судейскому приставу и, отвечая на вопросы Кавингтона, сообщил, что он работает на автозаправочной станции в Океансайте, где дежурил двадцать первого сентября с четырех часов дня до полуночи; что незадолго до конца смены, насколько он помнит, примерно за полчаса, появился Эдвард Гарвин в кабриолете. Отис рассказал, что, обслуживая машину Гарвина, он хорошо ее запомнил, а сам Гарвин, пока заправлялась его машина, был чрезвычайно возбужден — он отошел к обочине и внимательно изучал автомобили, проезжающие по шоссе на юг.

Кавингтон предъявил свидетелю фотографию машины Эдварда Гарвина, и тот признал, что именно на ней Гарвин ехал в ту ночь, опознал ее номер, модель и год выпуска.

— Можете приступать к перекрестному допросу! — тоном триумфатора объявил Кавингтон и направился к своему месту.

— После того как вы заправили машину, что делал водитель? — спросил Мейсон.

— Он уехал.

— В каком направлении?

— На север.

— В сторону Лос-Анджелеса?

— Да.

Мейсон загадочно улыбнулся, словно эта информация предопределяла развал обвинения, так искусно выстроенного Кавингтоном.

— А вы не видели, как он возвращался?

— В час на автозаправочной станции обслуживаются сотни машин. И в мои обязанности не входит контролировать все машины, которые движутся по этой дороге.

— Разумеется, — согласился Мейсон. — Но этого автомобиля, двигающегося в обратном направлении, вы не видели. Не так ли?

— Нет, сэр, я не видел, но...

— Не надо приводить доводы, — перебил его адвокат. — Я просто спрашиваю вас, видели вы как возвращался этот автомобиль или нет?

— Нет, сэр.

— Значит, в данном случае машина вернулась после полуночи, возможно, в три часа ночи, поэтому вы не видели ее там, так?

— Не совсем. Я не видел бы ее в любом случае. Я не обращаю внимания на машины, движущиеся по шоссе. Это меня не интересует.

— Итак, вы хотите сказать, — сделал вывод Мейсон, — что никогда не обращаете внимания на автомобили, следующие по шоссе. Я правильно понял?

— Да, именно так.

— Значит, — уточнил адвокат, — вы обратили внимание на этот автомобиль потому, что водитель был напряжен и очень нервничал. Правильно?

— Да, сэр.

— Поэтому вы осмотрели машину особенно внимательно?

— Да, сэр.

— Если бы эта машина снова попала вам на глаза, вы бы заметили ее, не так ли?

— Возможно.

— И если эта машина поехала от вашей станции по направлению к Лос-Анджелесу и до трех часов утра не возвращалась, тогда выходит, что мой подзащитный скорее всего не мог быть около места преступления в то время, когда оно было совершено. Не так ли?

— Ну...

— Да или нет? — почти зарычал на свидетеля Мейсон.

— Ну, нет.

— У меня все, — с победоносным видом заявил адвокат.

Кавингтон озадаченно посмотрел на него и медленно поднялся. Он тщетно старался скрыть, что намек Мейсона на наличие алиби у Гарвина серьезно обескуражил его.

— Ваша честь, — произнес он, — я хотел бы в завершение коротко ознакомить суд с документами, представленными телефонной компанией и подтверждающими заказ на разговор с Эзел Гарвин из Тихуаны, но я хотел бы воспользоваться случаем и пригласить еще одного свидетеля, который в настоящий момент не сможет немедленно предстать перед судом. Если можно было бы, как исключение для меня, сделать перерыв до завтрашнего утра...

Судья Минден поморщился.

— На мой взгляд, ваша просьба не противозаконна, если, конечно, у защиты нет возражений.

— Ваша честь, — отозвался Мейсон, — мы хотели бы, чтобы дело было заслушано как можно быстрее.

— Но, ваша честь, — попытался протестовать Кавингтон, — на карту поставлено дело

большой важности, которое я не в состоянии сейчас объяснить.

Неожиданно для всех Мейсон, поднявшись со своего места, вдруг благосклонно заявил:

— Хорошо, мы согласны, можете затянуть процесс. Продолжайте. Если вы считаете, что сможете найти улики, доказывающие, что мой подзащитный был в непосредственной близости от места преступления, когда оно было совершено, то мы согласны помочь вам. Я согласен на перерыв. — И он опустил в свое кресло.

— Я уже доказал это! — крикнул Кавингтон. — Что еще вам нужно? Я доказал, что он...

Раздался удар судейского гонга, и вслед за ним прозвучал голос судьи Миндена:

— Джентльмены, учитывая то, что защита не возражает, суд объявляет перерыв до десяти часов завтрашнего утра, в течение которого присяжные заседатели должны помнить наставления суда. Им запрещается обсуждать это дело, читать газеты, высказывать свое мнение или выслушивать чье-либо мнение, высказываемое в их присутствии. Итак, суд удаляется.

Мейсон поднялся, расправил плечи и, подойдя к стоявшим невдалеке Полу Дрейку и Делле Стрит, шепнул:

— Боже мой, вот это удача! Я так мечтал о перерыве, но боялся показать свою слабость Кавингтону. Окружной прокурор льет воду на мою мельницу, сам того не ведая.

— Лучше понаблюдайте за ним, — сказал Дрейк. — Он опасен. Он что-то ищет.

— Он обеспокоен, — заметил Мейсон, — но я обеспокоен раза в два сильнее. Прямо сейчас нужно сделать одну вещь.

— Какую?

— Этот свидетель, Ирвинг... Ведь я заплатил ему за участие в опознании моей машины.

— Ну и что?

— Я, кажется, переусердствовал.

— Что ты имеешь в виду?

— Пойдем осмотрим мою машину, — предложил адвокат. — Этот Ирвинг честный парень.

Мейсон направился туда, где стояла его машина, открыл дверцу и начал внимательно изучать ее.

— Пол, взгляни на резиновый коврик, — обратился он к Дрейку.

— Что за дьявольщина? — спросил Дрейк. — Ты хочешь сказать, что...

Мейсон вдруг вскрикнул, затем, нагнувшись, начал тянуть коврик к себе.

— Что это? — спросил Дрейк. Мейсон указал на бурое пятно.

— Пол, — сказал он возбужденно, — мы должны как можно быстрее отдать это на экспертизу. Нужно выяснить, не кровь ли это?

— Кровь?! — воскликнула Делла Стрит.

— Именно, — отозвался Мейсон.

— Что за чертовщина? — спросил Дрейк.

— Вот где недостающие факты, — ответил Мейсон. — Мортимер Ирвинг говорил правду. Именно мою машину он видел в ту ночь.

— Твою?

— Я уверен в этом, — ответил Мейсон. — Помните, что Гарвин сел в свой кабриолет и уехал. Моя машина стояла прямо позади его. Ключи от моего автомобиля были в ящике стола в офисе гостиницы.

Дрейк тихо присвистнул.

— Значит, вы хотите сказать... — начала Делла.

— Я думаю, — сказал Мейсон, — что Лоррейн Гарвин ничто не мешало встать, одеться, занять мою машину, отправиться к прибрежной дороге, убить Эзел Гарвин и вернуться в Тихуану. А значит, револьвер находился в отделении для перчаток все время. Когда Лоррейн

открыла это отделение, чтобы достать солнцезащитные очки для Гарвина, она обнаружила револьвер. Не сказав ничего, она подала очки Эдварду и при первом удобном случае забрала оружие.

Дрейк смотрел на Мейсона с раскрытым от изумления ртом.

— Будь я проклят!.. — воскликнул он.

— А теперь, — сказал ему Мейсон, — нам осталось сделать единственную вещь — найти этому доказательства и успеть сделать это за несколько часов. Пол, ты мне нужен.

В «Гранд-отеле» города Сан-Диего, в номере люкс, который занимал Перри Мейсон, Лоррейн Гарвин сидела напротив адвоката. Несмотря на переполнявшее ее отчаяние, взгляд ее был вызывающим.

В кресле, справа от Мейсона, сидел Пол Дрейк, наблюдая за Деллой Стрит, записывающей в своем блокноте каждое услышанное слово.

— Я говорю вам, я не покидала гостиницы, — подавленно сказала Лоррейн.

Мейсон холодно глядел на нее.

— Вы наверняка покидали гостиницу, — сказал он. — Из всех, кто был там в то время, только двумя могла интересоваться Эзел Гарвин. Это вы и ваш муж. Сейчас благодаря свидетелю, которого нашел окружной прокурор, мы можем доказать, что ваш муж встал, сел в свою машину и уехал на ней в ту ночь. Он не перепутал наши машины. Его видели на его собственной машине в Океансайде. Его видели в то время, когда он был там и когда отъезжал на своей машине от гостиницы «Виста де ла Меса» в Тихуане. И вот что произошло за это время. Вы знали, зачем он поехал: он обсуждал с вами это. Вы знали, что он уехал на встречу с бывшей женой. Вы знали, что ваш брак будет незаконным, пока она будет стоять у вас на пути. И лишь избавившись от нее, вы сможете узаконить свои права.

От охватившего ее гнева губы Лоррейн сжались.

— Я больше не намерена сидеть здесь и терпеть весь этот вздор, — заявила она. — Я отправляюсь к своему адвокату.

— Он вам очень пригодится, — намекнул Мейсон. — Вы ведь знаете, что случилось в ту ночь. Вы встали, быстро оделись, прошли в офис гостиницы, достали ключи от моей машины, сели в нее и погнали машину, словно посланник ада. Вы обогнали мужа где-то на полпути к Океансайду. Встретив Эзел, вы убили ее...

— Я еще раз повторяю вам, никого я не убивала!

— А я говорю: убивали. Чтобы ваш муж был свободен для оформления повторного брака, вы, не слишком задумываясь о способе выхода из тупика, решили либо самой устранить Эзел Гарвин со своего пути, либо склонить к этому Эдварда, обеспечив затем ему алиби.

Лоррейн отодвинула назад кресло, в котором сидела, поднялась и сказала:

— Я не желаю больше сидеть здесь и выслушивать оскорбления. Мой муж просил меня солгать и обеспечить ему алиби, что я и сделала. Теперь же я отправляюсь к своему адвокату за консультацией.

Пол Дрейк и Мейсон молча наблюдали за тем, как она пересекла комнату и вышла, захлопнув за собой дверь.

— Итак, — сказал Мейсон, — мы наконец знаем, что случилось, но у нас нет доказательств. Эта кровь могла там появиться в любое другое время. Прокурор может заявить, что мы сами посадили кровавое пятно, порезав палец и капнув несколько капель на резиновый коврик.

— Тогда что же выходит? — спросила Делла Стрит.

— Тогда, — ответил адвокат, — наша версия относительно участия в этом деле Лоррейн Гарвин рассыплется как карточный домик, и мы потерпим поражение.

Мейсон встал и принялся ходить из угла в угол. Остальные молча следили за ним. Неожиданно он замер на месте, быстро развернулся и уставился на Пола Дрейка.

— Что с тобой, Перри? — спросил Дрейк.

— Пол, мы не учли другую возможность.

— Какую?

— События развиваются столь быстро, что у нас не хватает времени продумать все до конца, но стоит только это сделать, как возникает вопрос: каким образом Лоррейн связалась с Эзел Гарвин?

— Ну, трудно сказать. В общем, так или иначе, она это сделала, — сказал Дрейк.

Схватив свою шляпу, Мейсон сказал:

— Мы едем в Тихуану. Делла, захвати блокнот. Они прошли в гараж, где заняли места в машине Мейсона, и отправились в Тихуану. В гостинице они нашли обложившуюся газетами сеньору Инокенте Мигуериньо, которая удобно устроилась рядом с письменным столом. Ее лицо прямо-таки сияло от удовольствия, что в статье о судебном разбирательстве, где был замешан владелец горных рудников, фигурировала ее гостиница — это было лучше всякой рекламы.

— Добрый день, сеньора, — поздоровался с ней Мейсон.

— Рада видеть вас, сеньоры, и вас, сеньора, — ответила та, улыбаясь. — Как идет ваш процесс? Вашего клиента оправдали, нет?

— Нет, — сказал Мейсон, — за этим я и приехал. Я хочу задать вам несколько вопросов. Кто снял последнюю комнату в ночь убийства?

— О, эта была сеньора: очень красивая девушка, вот с такими формами, — и хозяйка гостиницы движением рук обрисовала контуры женской фигуры.

— А какой у нее был цвет волос?

— Она блондинка. Ее волосы напоминали цветом платину, нет?

— Она зарегистрировалась? — задал Мейсон очередной вопрос. — Под каким именем?

— Сейчас я посмотрю регистрационную книгу. — Сеньора Мигуериньо полистала страницы и сказала: — Она записалась под именем Шарлотты Делано из Лос-Анджелеса.

— Когда она приехала?

— Точно не знаю, сеньор. У нас, в Мексике, времени не придается такого большого значения, как у вас, американцев. Это было как раз перед тем, как я выключила свет и пошла спать.

Мейсон повернулся к Полу Дрейку. По лицу адвоката было видно, что его осенила догадка.

— Черт возьми, — выругался Дрейк. — О чем ты думаешь?

— Пол, — начал объяснять Мейсон, — давай проследим события той ночи. Я вышел из своей комнаты и отправился в номер Эдварда Гарвина. Пока я был у него, сеньора Мигуериньо, должно быть, сдала последнюю комнату этой белокурой сеньоре. Затем она выключила свет и пошла спать. К тому времени, когда я шел в свой номер, свет был выключен, однако какая-то женщина находилась в телефонной кабине, заказывая телефонный разговор. Сейчас можно предположить, что эта молодая женщина, звонившая из соседней кабины, и была той посетительницей, которой сеньора Мигуериньо сдала последний номер.

— Да, да, сеньор, это так! Она еще спрашивала меня, можно ли ей позвонить в Лос-Анджелес.

— Тогда, — сказал Мейсон, обращаясь к Полу Дрейку, — предположим, что этой женщиной была моя таинственная гостья со стройными ножками, привыкшая лазить по пожарным лестницам с револьвером в руке. Предположим, что это Вирджиния Байнам, звонившая в Лос-Анджелес за инструкциями. Пойдем, Пол, нам следует уточнить, кому она звонила.

Уже через сорок минут они узнали это.

Разговор был заказан вечером, без пяти десять. Женщина, сделавшая заказ, назвалась Вирджинией Колфекс. Она звонила Френку К. Ливсею.

Узнав это, Дрейк тихо присвистнул.

— Теперь, Пол, все проясняется, — мрачно сказал Мейсон. — Мне понятно, кто позаимствовал мою машину.

Когда помощник шерифа ввел Эдварда Гарвина в переполненный зал суда, тот сердито шепнул Мейсону:

— Какого черта вы стараетесь подставить мою жену?

— Замолчите, — ответил адвокат тоном, не терпящим возражений.

— Мне не нужна такая защита. Я попрошу у суда разрешения назначить мне другого адвоката. Дьявольщина, Мейсон, вы не можете...

В этот момент вошел судья Минден, раздался легкий стук судейского молотка, предлагавший присутствующим в зале суда занять свои места.

— Джентльмены, вы готовы продолжить? — обратился судья. — Подсудимый в суде. А присяжные все присутствуют?

— Я готов, — сообщил Мейсон.

— Все готовы, — согласился Кавингтон.

Судья Минден взглянул на поднявшегося с кресла Кавингтона и хотел было обратиться к суду, но его перебил Мейсон:

— Если суд не возражает, у меня есть несколько вопросов к Френку К. Ливсею. Вы позволите мне повторно пригласить его для перекрестного допроса?

Вы хотите провести перекрестный допрос? изумленно спросил Кавингтон. — Но его уже вызывали в связи с тем, что он держал в руках тот злосчастный револьвер, а затем положил его в машину Гарвина.

— Значит, — улыбнулся Мейсон, — у окружного прокурора нет оснований протестовать по поводу повторного вызова?

— Нет, — сдался Кавингтон.

— Хорошо, — сказал судья Минден. — Мистер Ливсей, суд просит вас занять место на трибуне для дополнительного перекрестного допроса.

С кресла в заднем ряду поднялся Ливсей и направился к трибуне для свидетелей, его лицо скривила недоумевающая улыбка.

Дождавшись, когда он займет свое место, Мейсон задал неожиданно вопрос:

— Мистер Ливсей, вы знакомы с Вирджинией Байнам? Ливсей нахмурился:

— Я же говорил вам, мистер Мейсон, что знаю так много людей, что...

— Да или нет? — жестко спросил Мейсон. — Вы знакомы или не знакомы с ней?

— Да, я ее знаю, — ответил Ливсей, пристально глядя в глаза адвоката.

— А теперь также коротко ответьте на следующий вопрос: вы разговаривали по телефону с Вирджинией Байнам или нет около десяти часов вечера двадцать первого сентября сего года?

Кавингтон мгновенно вскочил на ноги: он был в замешательстве, инстинктивно чувствуя, что назревающие события не сулят ему ничего хорошего.

— Ваша честь, — обратился он к судье, — допрос ведется не по правилам. Нас уводят в сторону: эти вопросы к делу не относятся.

— Цель допроса — разоблачить свидетеля, — пояснил Мейсон.

Судья Минден с сомнением посмотрел в зал:

— Суду также кажется, что расследование уводится в сторону. Но для разоблачения свидетеля адвокату следует дать возможность продолжить допрос. Однако предупреждаю, что я не потерплю всяких попыток что-либо выудить. Протест отклонен.

— Я не выуживаю... — начал Мейсон.

— Отвечайте на вопрос, мистер Ливсей, — вмешался судья.

Заерзав в кресле, Ливсей с надеждой посмотрел на Кавингтона, а рука его машинально погладила лысую голову.

— Так да или нет? — снова спросил Мейсон. — У вас состоялся такой разговор?

Ливсей, немного откашлявшись, начал было говорить, но вдруг запнулся.

— Так да или нет? — настаивал Мейсон.

— Да, — наконец, после непродолжительного колебания, ответил Ливсей.

— Да, — удовлетворенно повторил Мейсон. — И во время этого разговора Вирджиния Байнам находилась в Тихуане, не так ли?

— Ваша честь, я протестую, — сказал Кавингтон. Свидетель не мог знать, откуда она звонила. Он мог знать это только в том случае, если бы она сама ему сказала или если бы ему сообщили.

— Протест отклоняется, — сказал судья и, подавшись вперед, хмуро посмотрел на Ливсея.

— И вы тогда по телефону давали Вирджинии Байнам инструкции, как действовать дальше? Вы велели ей взять мой автомобиль, который как раз стоял возле гостиницы «Виста де ла Меса», и поехать в Океансайд?

— Ох, ваша честь, это переходит всякие границы, — вмешался Кавингтон. — Мистер Мейсон хочет использовать показания мистера Ливсея в своих целях. Но я вызвал его в связи с другим делом и...

— Как бы там ни было, это свидетельствует лишь о стремлении провести всестороннее судебное расследование, — ответил судья. — Суду интересно услышать ответ на поставленный вопрос. Отвечайте, свидетель.

Теперь Ливсей принялся поглаживать свою голову, тем самым выдавая свое состояние.

— Да или нет? Вы инструктировали ее?

В зале суда повисла напряженная тишина. Ответа не последовало.

— Отвечайте на вопрос, — резко, как удар хлыста, прозвучал голос судьи.

Внезапно Ливсей взглянул на судью:

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос. Ответить — значит обвинить себя.

После этих слов судье Миндену потребовалось больше минуты, чтобы успокоить взорвавшийся зал. Когда порядок был восстановлен, судья объявил:

— Суд удаляется на перерыв. Заседание будет продолжено через пятнадцать минут. После перерыва число зрителей будет ограничено количеством мест в зале суда. В случае каких-либо признаков беспорядка зрители будут удалены. Присяжным заседателям во время перерыва следует помнить о предостережениях суда.

Мейсон улыбнулся подошедшему Полу Дрейку:

— Пол, наши дела улучшаются.

Когда судебный процесс возобновился и Ливсей снова занял место свидетеля, он повторил сказанное ранее, но, кроме того, на сей раз зачитал, заглядывая в бумагу, которую держал в руке:

— Я намерен заявить, что только что проконсультировался у адвоката. Мне не советуют отвечать на какие-либо вопросы, касающиеся моих отношений с Вирджинией Байнам, и я отказываюсь отвечать на поставленные мне вопросы, поскольку ответы на них могут мне навредить.

Кавингтон вскочил с места, неистово жестикулируя:

— Ваша честь, это все похоже на дешевую подтасовку фактов. Отказ свидетеля отвечать на вопросы напоминает попытку заставить присяжных поверить в то, что он мог быть причастен к убийству Эзел Гарвин. Я утверждаю, что это чистойшей воды обман.

— Вы выдвинули обвинение, — спокойно произнес Мейсон, — теперь, будьте добры, докажите это.

— Я не могу доказать, и вы это знаете. Судья ударил в гонг.

— Господин прокурор, воздержитесь от личных выпадов, — сказал он. — Суд оказался в затруднительном положении.

— Очень сложное положение, — раздраженно сказал Кавингтон. — Лично я имею основания думать, что это просто обманый трюк. Вирджиния Байнам находилась на пожарной лестнице, наблюдая за офисом компании, именно в то время, когда, как утверждает адвокат, она находилась в Тихуане. Однако, сделав это заявление перед присяжными заседателями с помощью многозначительных наводящих вопросов и затем имея свидетеля, услужившего ему отказом отвечать на вопросы ввиду того, что ответы на них могут ему навредить, адвокат воздвиг серьезные препятствия на пути обвинения.

Присяжные склонны придавать слишком большое значение тому, что говорят свидетели. Я утверждаю, что это заранее продуманный обман. Не забывайте, что стоящий перед вами человек работает у обвиняемого. К тому времени, когда туман, который тут напустил этот адвокат, рассеется, вероятно, выяснится, что все дело было тщательно отрепетировано. Этот дешевый обман полностью...

— Минуточку, — прервал его Мейсон. — Вы слишком увлеклись обвинениями, и я намерен призвать вас к ответу. Вы...

— Джентльмены, — вмешался судья, — не будем больше обвинять друг друга и строить догадки относительно причин заявления, сделанного этим свидетелем. Мистер Ливсей, я вас правильно понял: вы отказываетесь отвечать на любой вопрос, касающийся ваших взаимоотношений с Вирджинией Байнам?

— Совершенно верно.

Тогда что же произошло в ночь с двадцать первого на двадцать второе сентября? Вы ответите на вопросы...

— Я отказываюсь отвечать на любой вопрос, касающийся того, что произошло в ночь с двадцать первого на двадцать второе сентября ввиду того, что ответы могут мне навредить.

— Я прошу четыре дня перерыва, — сказал Кавингтон сердито. Его лицо было багровым. — Я прошу провести заседание при расширенном составе присяжных заседателей. И мы докапаемся до истины. Мы...

Мейсон снова перебил его:

— Я бы хотел еще раз вызвать Джорджа Л. Денби, чтобы задать ему пару вопросов. После

этого я не буду возражать против перерыва в судебном заседании на некоторое время.

— Хорошо. Мистер Денби, пройдите вперед, — согласился судья Минден.

Денби вышел степенной походкой и занял кресло, предназначенное для свидетелей. Он сцепил пальцы рук в замок и взглянул на Мейсона.

— Мистер Денби, — обратился к нему адвокат, — я бы хотел уточнить прямо здесь вопрос, касающийся времени. Вы заявили, что работали в офисе «Гарвин Майнин эксплорейшн энд девелопмент компани» всю ночь с двадцать первого на двадцать второе сентября.

— Совершенно верно, сэр.

— Скажите, вы знакомы с Вирджинией Байнам?

— Нет, сэр. Я с ней не знаком, в том смысле, который вы вкладываете в свой вопрос. Я видел ее в офисе корпорации, когда она приходила справиться о сертификате акций. Больше мне нечего добавить.

— Вы знаете, что револьвер, найденный на пожарной лестнице, — является тем оружием, которое представлено здесь в качестве вещественного доказательства по данному делу?

— Да, сэр.

— А как вы узнали, что оно было именно тем оружием?

— По номеру.

— Какой же у него номер?

— С 64805.

— Вы запомнили этот номер?

— Да, сэр. Я запомнил номер оружия.

— Почему?

— Потому что считал, что это может быть важным.

— Больше вы ничего не заметили?

— Нет.

— Вы хотите уверить присяжных заседателей в том, что смогли запомнить номер, который увидели случайно?

— Да, сэр. У меня отличная память на цифры. Я очень редко забываю числа, которые когда-либо видел.

Мейсон приблизился к нему, вытащил из кармана бумажник, а затем извлек из него какую-то карточку и подал ее Денби.

— Что это такое, мистер Денби?

— Водительское удостоверение, выданное адвокату Перри Мейсону.

— Вы его видели прежде?

— Ваше удостоверение? — удивленно спросил Денби.

— Да.

Денби отрицательно покачал головой.

— Нет, не видел.

— Когда оно было выдано?

— Четвертого июня тысяча девятьсот сорок седьмого года.

— Когда истекает срок его действия?

— Четвертого июня тысяча девятьсот пятьдесят первого года.

Мейсон забрал удостоверение из рук Денби, повернулся спиной к столу прокурора и после недолгой паузы произнес:

— Хорошо, если вы имеете такую память на числа, то назовите мне номер этого удостоверения?

В холодных глазах Денби промелькнула презрительная усмешка.

— Мистер Мейсон, номер вашего водительского удостоверения 490 553.

Мейсон взглянул на документ.

— Ну, что? — язвительно поинтересовался Денби.

— Все верно.

Со стороны зрителей донесся удивленный шепот.

— Тогда, — сказал Мейсон, нахмутив брови и указав пальцем в сторону Денби, — если у вас такая феноменальная память на числа, как случилось, что, когда я вас спрашивал, кто был владельцем сертификата акций за номером 123, вы были не в состоянии вспомнить это?

— Я не могу держать в памяти номера всех акций компании.

— Ясно, — заметил Мейсон. — У меня все.

— Мы объявляем перерыв до десяти часов следующего понедельника, — объявил судья Минден. — Присяжные заседатели должны помнить предупреждение суда.

В «Гранд-отеле» в номере люкс собрались Мейсон, Делла Стрит и Пол Дрейк. Перед ними за столом сидела, обливаясь слезами, Вирджиния Байнам, стараясь не встречаться взглядом с Перри Мейсоном.

— Вирджиния, — сказал адвокат, — вы впутались в грязную историю. Вы сможете облегчить свое положение в том случае, если будете говорить правду. Нам известно, что в ночь убийства вы находились на пожарной лестнице. Вас могут привлечь за лжесвидетельство, поскольку мы знаем, что вы воспользовались моей машиной и отправились на ней к месту преступления. Учитывая эти факты, мы вправе признать вас виновной, но я не думаю, что вы инициатор убийства. Поэтому в ваших интересах сейчас говорить правду.

Девушка заколебалась. Она перевела взгляд с внимательных глаз Мейсона на холодное, осуждающее лицо Дрейка, а затем взглянула на Деллу Стрит.

Та, встав с кресла, подошла к ней и, коснувшись ее плеча, спросила:

— Вирджиния, почему вы не расскажете правду? Вы же знаете, мистер Мейсон, если сможет, постарается помочь вам.

Вирджиния, злобно скривившись, ответила:

— Я расскажу вам все. Я не вижу причин выгораживать человека, который отступился от меня.

Итак, это случилось, когда я встретила с Френком Ливсеем. Я была у него девушкой для презентаций. Он распоряжался мной как хотел. Он продавал на торгах акции рудников и затевал один аукцион за другим. О всех сделках я не знаю, но, насколько мне известно, Ливсей и Денби беззастенчиво грабили корпорацию. Денби «жонглировал» документами, а некоторые из них даже припрятывал, если надвигалась ревизия. Дела у них шли прекрасно до тех пор, пока они не заподозрили, что кто-то кроме них пользуется картотекой корпорации. Они никак не могли разузнать, кто это был. Но по следам, оставленным неизвестным, стало ясно, что это лицо вторгается в офис компании по ночам. Поэтому они послали меня туда, чтобы выяснить, кто же этот неизвестный. Я открыла окно, чтобы обеспечить себе выход на пожарную лестницу. Они велели мне, если этот неизвестный начнет открывать дверь офиса, вылезти на пожарную лестницу и через окно посмотреть, кто же этот посетитель и что он будет делать.

Они посоветовали, когда я буду наблюдать за офисом, спуститься чуть ниже по лестнице, чтобы не обнаружить себя. Мне нравился Френк Ливсей. Он устраивал массу аукционов и презентаций, но я продолжала жить своим умом. Я ничего не продавала, хотя на торговле акциями можно было сделать большие деньги. Но, как вы сами понимаете, я была обязана Ливсею всем, что имею, и была готова выполнить любое его поручение.

Что случилось дальше, вы знаете. Миссис Эзел Гарвин использовала ключ, который у нее остался с тех пор, когда она еще работала секретаршей в этом офисе. Я спустилась вниз по лестнице, где вы, мистер Мейсон, меня и застали. Я ухитрилась сбежать от вас, но потом вернулась к зданию и ждала Эзел Гарвин на стоянке такси. Когда я увидела, что она вышла из здания и села в такси, я на другом такси поехала за ней. Таким образом я узнала, что она живет в апартаментах «Монолиз». Я узнала ее, как только она вошла в офис корпорации, потому что видела раньше, когда она была замужем за мистером Гарвином.

— И вы обо всем сообщили Ливсею? — спросил Мейсон.

— Конечно.

— Что дальше?

Девушка продолжила свой рассказ:

— Ливсей и Денби подкупили оператора на коммутаторе в апартаментах «Монолиз», чтобы тот подслушивал все разговоры, которые будут вестись по телефону Эзел Гарвин, и передавал их содержание. Таким образом они узнали о ее планах: о том, что она подменила доверенности и стремилась захватить власть на собрании акционеров. К тому времени у них появилось подозрение, что эта хитрая женщина обнаружила недостачу наличных денег в казне корпорации.

Эдвард Гарвин уехал со своей второй женой, и никто не мог найти его, но у Френка Ливсея возникло предположение, что вы, скорее всего, разыщете его, а затем посоветуете покинуть Соединенные Штаты и уехать в Мексику. Поэтому он отправил меня на границу с Мексикой, чтобы узнать, проезжал ли Гарвин в сторону Тихуаны.

Что произошло дальше, вам тоже известно. Гарвин действительно поехал в Мексику, вы же следовали за ним в своей машине. Я взяла такси и отправилась следом за вами в гостиницу. Гарвин меня не знал, но с вами мы уже познакомились, поэтому я вынуждена была соблюдать осторожность. Как только я заметила, что вы отправились спать, то сняла последний номер в гостинице. Оттуда я могла продолжать наблюдение, не рискуя быть обнаруженной каким-нибудь ночным сторожем. Я позвонила Френку Ливсею, как только свет в вестибюле был выключен. Френк запретил мне ложиться спать и приказал расположиться таким образом, чтобы я могла быть уверена, что вы спите, а следовательно, никуда не отлучитесь. Он сказал, что вы очень коварны и способны на любую неожиданность.

В окно я увидела, как мистер Гарвин вышел из дома, сел в машину и уехал. Мне нужно было что-то быстро предпринять. Я знала, что ключи от машин лежали в ящике стола в офисе гостиницы, снабженные ярлычками. Я узнала вашу машину, когда вышла во двор. У вас мощная машина, и это определило мой выбор. Я вошла в офис гостиницы, открыла ящик и нашла нужные мне ключи. Я села в вашу машину и бросилась вдогонку за мистером Гарвином. Он направлялся к Океансайду. По дороге он несколько раз останавливался, чтобы заправить машину. Когда он отъезжал от заправочной станции, я продолжала следовать за ним по дороге на Фолбрук, к тому месту, где недавно обосновался мистер Хекли. Мистер Гарвин остановил свою машину на главной дороге, выключил мотор и двинулся через луг. Я решила воспользоваться этим обстоятельством, чтобы позвонить, и стала разворачивать машину обратно к Океансайду, когда вдруг увидела машину, поворачивающую на дорогу, ведущую к владениям Хекли. Это была машина Эзел Гарвин. За ней следовала другая машина, за рулем ее сидел мистер Денби.

Вирджиния обвела глазами присутствующих и продолжила:

— Мистер Мейсон, я не имела представления о планах Денби. Мы переговорили с ним. Выслушав меня, он сказал, что хочет воспользоваться вашей машиной, а мне предоставил свою. Он собирался разыскать дом, который должен быть где-то в конце гравийной дороги. Служащий из апартаментов «Монолиз» сообщил ему о звонке мистера Гарвина.

Я поехала по лугу и после недолгих блужданий подъехала к дому. Со своего места я увидела Эзел Гарвин и высокого мужчину. Они о чем-то разговаривали. Мужчина заправил ее машину бензином, затем они вошли в дом. Я подъехала еще ближе и замерла от страха, заметив тень крадущегося человека, но потом поняла, что это был мистер Гарвин. Он приближался к дому, стараясь что-то разведать, но собака хозяина дома заметила его и продолжала лаять, пока тот не удалился на приличное расстояние.

Наконец Эзел Гарвин вышла из дома, села в машину и уехала. Гарвин попытался догнать ее, но он был так близко к дому, что, прежде чем добежал через поле до своей машины, она уже уехала.

Я сидела в машине мистера Денби и, сказать по правде, очень нервничала. Затем, выйдя из

нее, я попыталась приблизиться к дому Хекли, но передумала — я боялась собаки, а также того, что кто-нибудь мог подстергать меня в темноте, вдобавок, когда я пробиралась через кустарник, то потеряла свой шарф, а также порвала чулок, да и вообще я боялась, что влезла в какое-то темное дело.

Я вернулась к машине мистера Денби и отправил в сторону Океансайда. Машины Гарвина нигде не было видно, и я не знала, что мне делать. Вдруг появился мистер Денби на вашей машине. Он был очень-возбужден. Денби сказал мне: «Быстро прыгай в эту машину. Я хочу, чтобы ты обогнала Гарвина по дороге в Тихуану. Езжай как можно скорее».

По возвращении в Тихуану я должна была поставить вашу машину на место, выписаться из гостиницы и первым же самолетом отправиться в Лос-Анджелес. На вопрос, где я была, я должна была отвечать, что всю ночь наблюдала за офисом корпорации с пожарной лестницы. И при этом должна была подтвердить, что Денби находился в офисе всю ночь.

Вирджиния перевела дыхание.

— Это все, — проговорила она. — Я забралась в вашу машину и выполнила все, что мне приказал мистер Денби.

Мейсон взглянул на свою секретаршу и спросил:

— Ты все записала, Делла?

Делла Стрит подняла глаза от блокнота.

Мейсон, усмехнувшись, обратился к Полу Дрейку:

— Пол, теперь ты понимаешь, как все было. Поскольку Гарвин предложил своей первой жене встретиться в том месте, которым они когда-то владели, Денби точно знал, куда ехать. Он знал, где находился этот земельный участок. Он отправился на моей машине туда и оставил ее у дороги. Он, вероятно, прошел назад сорок или пятьдесят ярдов и ждал, когда Эзел увидит стоящую машину. Та, естественно, предположила, что это машина ее мужа, и затормозила. Денби вышел из темноты. У него в руке был револьвер Вирджинии Байнам. Убив Эзел, он передвинул ее тело вправо от места водителя, а сам, заняв место за рулем, подвел машину вслед за моей. После этого он расположил тело убитой женщины за рулем, бросил револьвер около машины на Землю и, сев в мою машину, поехал к Океансайду. Там Денби поменялся автомобилями с Вирджинией и помчался в Лос-Анджелес.

Он постарался обеспечить себе алиби на всю ночь. По содержанию записи на диктофоне нельзя определить, когда она была сделана. Денби накопил множество записей, которые были смонтированы так, что с уверенностью можно было сказать, что они сделаны в ночь перед собранием. По возвращении в Лос-Анджелес он отправился в офис и долго подбирал там записи, а утром положил их на стол секретарши, которую, конечно, постарался убедить, что работал всю ночь.

Мейсон, закончив повествование, повернулся к Делле Стрит и попросил:

— Делла, свяжись с секретарем коллегии адвокатов, я хочу поговорить с ним.

Когда та дозвонилась, Мейсон с нескрываемой иронией произнес:

— Говорит Перри Мейсон. Комиссия по жалобам вызвала меня сегодня вечером для проведения расследования по поводу якобы обманном путем проведенного мной опознания своей машины. Как теперь выяснилось, та машина, которую видел свидетель ночью, действительно была моей. А теперь, если сможете найти, где написано, что убеждать свидетеля рассказать правду — незаконно, то смело лишайте меня права заниматься адвокатской практикой. — И Перри Мейсон, весело подмигнув своей очаровательной секретарше, опустил телефонную трубку.